

Светлана Рощина

Ночная кукушка

повесть

16+

Светлана Рощина

Ночная кукушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67832181

SelfPub; 2022

Аннотация

Главная героиня – сорокалетняя женщина, которая пытается разобраться в том, почему у неё плохие отношения с матерью и все попытки наладить эти отношения заканчиваются неудачей. И лишь смерть отца, а также события, последовавшие за этим, показывают героине истинное лицо её матери и открывают правду об этой женщине. Представленная повесть ориентирована на читателей, имеющих семейные проблемы по линии родителей и детей либо интересующихся данной тематикой.

Содержание

Предисловие	4
Как всё было	6
Разгадка	245

Светлана Рощина

Ночная кукушка

Предисловие

Зачем я пишу эти строки? Ведь их вряд ли будет кто-то читать, кроме меня. Да и сама я тоже вряд ли захочу их когда-нибудь перечитать. Наверное, было бы проще всё забыть. Вычеркнуть из памяти раз и навсегда, будто этого никогда не было в моей жизни. Да только именно в этом и кроется засада. Не так-то легко изъять из памяти то, что долгие годы было частью моей жизни. И поэтому я решила поступить по старинке. Пройти шаг за шагом весь путь моих взаимоотношений с родной матерью, чтобы разобраться, что в них было не так, и исторгнуть из себя эту боль, которая до сих пор не даёт мне расправить плечи и жить полной жизнью, не оглядываясь на прошлое. А вдохновил меня на это «Дневник Анны Франк».

Стыдно признаться, но я долгое время ничего не знала об этой бедной девочке, хотя бывала с детьми в Амстердаме, и во время экскурсии нам показывали дом, в котором во время войны скрывалась от фашистов семья Анны Франк. Но тогда мои измученные мозги были заняты другими, более насущными проблемами, и я не придавала значения услышанной

истории. И лишь сейчас, когда у меня появилось свободное время, я решила восполнить пробел в своих знаниях и ознакомиться с этим документом.

Меня так потрясла судьба этой девочки, её упорство и мужество, с которым она вела свои записи о том тяжёлом времени, даже не предполагая, какое они будут иметь значение для людей всего мира, что долго не могла прийти в себя. Порой мы думаем о том, что происходящие с нами события волнуют только наши сердца, но на самом деле они получают отклик в сердцах миллионов других людей, заставляя их сопереживать и совершать добрые дела, меняя мир к лучшему.

И я подумала, что, возможно, и мою грустную историю кто-то найдёт поучительной. Кто-то оглянется на свою жизнь и одумается, переосмыслив свои поступки. И если кому-то мои записи помогут оценить своё поведение и позволят исправить то, что ещё можно исправить, что ж, значит, я не зря села за компьютер и не зря лила слёзы, набивая эти строчки.

Часть

I

Как всё было

Есть один прекрасный фильм. Называется «Правила виноделов». Так вот. Действие основной части этого фильма происходит в сиротском приюте, который по совместительству является медицинским центром для беременных женщин. И в одной из сцен этого фильма мальчик-сирота, которого мать бросила сразу же после рождения, рассказывает приятелю о том, что хочет найти свою мать и показать ей, как хорошо он научился водить автомобиль.

Просматривая каждый раз этот эпизод, я всегда думаю о том, как же герой не понимает бессмысленность своего желания. Ведь если мать бросила своего ребёнка, то естественно, что его судьба ей глубоко безразлична. И поэтому те или иные достижения мальчика её так же мало волнуют, как и его проблемы и горести. И всё потому, что он ей не нужен.

Да, осознавать это очень больно, но ничего с этим не поделаешь. С этим нужно смириться и жить дальше, не пытаюсь доказать женщине, родившей тебя и в тот же миг забывшей о твоём существовании, что ты достоин её любви.

Но, как говорится, чужую беду руками разведу. А вот свою собственную...

Ведь, по сути, у меня аналогичная ситуация. Официально, конечно, родители меня не бросали. Я знала, что они у меня есть, да только от этого знания мне было не лучше, а наобо-

рот, хуже. Быть изгоем в собственном доме при живых родителях – судьба не из лёгких. Но я точно так же, как и этот бедный мальчик из фильма, всё время пыталась доказать людям, которые родили меня на свет Божий, что я достойна их любви и внимания. И что я очень в них нуждаюсь. Но только всё было напрасно. Мои достижения они использовали как повод для собственной гордости, а не для признания моих заслуг. Зачем нужно было меня хвалить, когда имелся хоть малейший повод унижить меня и наказать? А если такого повода не находилось, его всегда можно было придумать, чтобы выместить на мне, и без того забитой и поруганной, всю свою ненависть. Но я не видела этого и продолжала в клювике приносить им свои подвиги, надеясь однажды услышать доброе слово. Но этого не случалось. Всё повторялось снова и снова. Мне внушалось, что я – глупая и никчёмная неудачница, которая никогда и ничего не добьётся в жизни. А я продолжала проглатывать обиды и приносить им на блюдецке с голубой каёмочкой свои успехи, свои подарки. И даже когда мне исполнилось сорок, я всё ещё надеялась заслужить их любовь. И хотя за долгие годы своей жизни я уже давно поняла, что родители меня не любят и пытаются всячески вычеркнуть из своей жизни, а все мои добрые намерения заранее обречены на провал, но всё равно не могла успокоиться. Не могла смириться с поражением.

Мне приходилось каждый раз одёргивать себя, когда рука тянулась к телефону, чтобы позвонить родителям. Сжав

зубы, я убирала кошелек подальше, когда у меня возникало желание купить им подарок, потому что знала, что это будут выброшенные деньги. Я не нужна своим родителям, как не нужны им мои дети, мои успехи, мои подарки. У них есть, кого любить, о ком заботиться, кем гордиться. Они давно уже забыли о моём существовании, и не нужно им об этом напоминать. Я должна успокоиться и жить дальше. У меня тоже есть, кого любить, о ком заботиться и на кого тратить деньги. У меня есть дети, которые нуждаются во мне и в моей любви. И, по счастью, наши чувства взаимны. Мы – одна команда, которая плечом к плечу идёт по жизненному пути, поддерживая и помогая друг другу. Поэтому я должна освободить свой разум от ненужных пут. Только не получается. Может быть, со временем мне это удастся. Может быть. Может быть.

Возможно когда-то, давным-давно, когда я была ещё новорождённой крохой, родители всё же любили меня и даже заботились, но только я этого не помню. Это было слишком давно, если, конечно, было. Но то, что я помню точно, так это то, что притеснять и ущемлять мои права начали ещё тогда, когда мне едва исполнилось четыре года. В этот период мама снова забеременела, и радостные родители сообщили мне, что вскоре в нашей семье будет пополнение.

– Кого ты хочешь: братика или сестричку? – спрашивал меня отец.

Признаться, в том возрасте мне было всё равно. Но я подумала, что подружка мне бы не помешала, поэтому ответила:

– Сестричку.

– А почему не братика?

– Потому что девочка лучше, – сказала я, и отец не стал со мной спорить, вероятно, решив, что от моего мнения всё равно ничего не зависит. Впрочем, так оно и было.

У родителей был сменный режим работы, поэтому каждый день кто-нибудь из них был дома, а иногда они бывали дома вместе. Но при этом я всегда была предоставлена сама себе.

Когда родители были дома вдвоём, они всегда подолгу ходили гулять. По два-три часа. Иногда по четыре, что было странно, так как городок, в котором мы жили, был совсем небольшим.

Своей квартиры у нас не было. Была лишь комната в коммуналке и, может быть поэтому родители всё время старались сбежать из неё. Однако меня на свои прогулки они никогда не брали. Если не нужно было идти в детский сад, то я весь день проводила во дворе с местной ребятнёй.

Жили мы очень скромно, если не сказать бедно, и сладкое у нас на столе появлялось крайне редко. По большим праздникам, к которым относились дни рождения родителей, Новый год и 8 марта. Мой день рождения к большим

праздникам не относился. Более того, он вообще не относился к праздникам. Но однажды в обычный день родители принесли из магазина три пирожных. Это были самые обычные бисквитные пирожные с кремом за 22 копейки. Но для меня тогда оно казалось роскошнейшим лакомством, вкуснее которого ничего не существовало.

Мама сразу же отправилась на кухню, чтобы вскипятить воду для чая. И я уже предвкушала момент, когда смогу съесть это вкуснейшее пирожное, но тут за мной зашли знакомые ребята с нашего двора.

– Светка, пойдём гулять! – позвали они.

И хотя я никогда не принадлежала к числу домоседов, чудесное лакомство, стоящее в тот момент на столе, манило меня сильнее любых друзей и прогулок. Но тут ко мне подошёл папа.

– Светка, отправляйся-ка гулять! А твоё пирожное подождёт тебя здесь.

Что ж, вода в чайнике всё равно ещё не закипела, и я подумала, что папа прав. У меня есть время немного погулять с ребятами, и, одевшись, я выбежала на улицу.

Я немного побегала с друзьями, покаталась с горки, покачалась на качелях и, нагуляв прекрасный аппетит, вернулась домой к своему пирожному. Но взглянув на стол, я его не увидела. Родители в это время сидели на диване и спокойно смотрели телевизор.

– А где моё пирожное? – удивлённо спросила я, надеясь,

что мама просто убрала его в холодильник.

– А его съела твоя сестричка, – спокойным голосом ответила мама, поглаживая свой небольшой живот.

– Но это же было моё пирожное! – не веря услышанному, произнесла я.

– Тебя же не было! – без малейших угрызений совести сказала мама.

– Но вы сами отправили меня гулять! И у тебя было своё пирожное! Зачем было есть моё?

– Потому что твоя сестричка захотела его съесть! – повышая голос, ответила мать. – Я съела одно пирожное за себя и одно за твою сестру. Что тебе здесь непонятно?

– Но это было моё пирожное! – не сдаваясь, настаивала я.

Но родителям, по-видимому, надоело слушать меня, потому что папа встал с дивана, ударил меня по попе за то, что я позволила себе спорить с матерью, и отправил спать.

И в слезах, раздевшись, я легла в кровать. Мне было непонятно поведение родителей. Как они могли взять вещь, принадлежавшую мне, особенно учитывая тот факт, что сладкое мы ели крайне редко. А когда я выросла, то этот поступок родителей начал представлять в моих воспоминаниях в ещё более неприглядном свете.

Я допускаю, что, будучи беременной, маме захотелось съесть что-то вкусненькое. Но почему в таком случае папа не отдал ей свою порцию? Или можно было сходить в магазин ещё раз и, потратив 22 копейки, купить новое пирожное,

чтобы не отнимать его у своего ребёнка. Так почему родителям такое решение не пришло в голову? И за что они меня наказали? За то, что я сказала правду?

Впрочем, съеденное пирожное было лишь первым шагом. Можно сказать, даже самым безобидным в той череде боли и унижений, которые мне предстояло вынести в родной семье.

Когда родилась сестра, мне было четыре года и семь месяцев. И хотя, по словам мамы и папы, она была желанным и долгожданным ребёнком, они долго не могли придумать имя для младшей дочери.

Помню, как я сидела на полу, а родители на диване, и все дружно гадали, как бы назвать новорождённую девочку. От чего-то родители постоянно обращались с этим вопросом ко мне, словно я была самой сведущей в таких делах.

– Мы же сделали это для тебя, – твердили они мне. – Родили тебе сестру, чтобы вы вместе играли, и ты заботилась о ней. Поэтому ты и должна придумать ей имя.

Тогда их логика не казалась мне странной. Проблема заключалась лишь в том, что все предлагаемые мною имена, такие как Лена или Оля, они отвергали, а ничего интереснее я в свои четыре года не могла придумать.

И тут я вспомнила единственную телепередачу, которую смотрела каждый вечер, – «Спокойной ночи, малыши!». В то время ведущей там была тётя Лина (актриса Ангелина Вовк). И поэтому я предложила назвать сестру Линой. На удив-

ление, родители с энтузиазмом приняли эту идею, дав новорождённой дочери имя Ангелина.

Правда, когда я стала взрослой, мама призналась мне, что они не могли придумать имя лишь потому, что были уверены, что родится мальчик. И рождение девочки застало их врасплох. Но при этом мама доверительно добавляла, что в душе она всегда надеялась, что родится ещё одна девочка, потому что с мальчиками слишком много хлопот. Только в этом она никогда не признавалась папе, чтобы не расстраивать его.

Но всё это было потом, а тогда, после рождения сестры, которую родители произвели на свет якобы исключительно для меня, в мои ежедневные обязанности добавился очень важный пункт – необходимость каждый день перед детским садом ходить на молочную кухню.

О том, что в детский сад я всегда ходила одна, думаю, даже и упоминать не стоит. И это при том, что идти приходилось через весь город. Но, по счастью, в советское время автомобильное движение на дорогах было не таким оживлённым, как сейчас, и потому моей безопасности мало что угрожало.

В свою группу я всегда приходила к семи утра и была первой. Но родителям и этого было мало. Они хотели, чтобы из детского сада домой я тоже возвращалась сама, и по этой причине не всегда меня забирали. Но вопреки этому воспитатели не шли на поводу у родителей и не отпускали вечером меня одну. И в те дни, когда за мной никто не приходил,

нянечка Вера Павловна отводила меня домой. И каждый раз после этого я получала нагоняй от родителей за то, что не смогла в очередной раз убедить воспитателей отпустить меня из детского сада одну.

И хотя родители старались ежедневно спихивать меня подалее с глаз долой, это не мешало им нагружать меня работой. Поэтому с рождением сестры меня стали будить по утрам в шесть часов, чтобы я успевала перед посещением детского сада сходить на молочную кухню, которая располагалась не рядом с нашим домом, а на полпути в мой детский сад. То есть мой утренний путь увеличивался в два раза. И каждое утро мама вручала мне сумку, в которой было пять чистых стеклянных бутылочек, объёмом 0,2 литра, которые необходимо было сдать и получить взамен другие пять бутылочек, наполненные молоком и закрытые сверху ватой, поэтому нести всё это нужно было крайне аккуратно.

Но это было ещё не всё. Для получения заветных бутылочек на молочной кухне требовалось предъявить ещё и карту с данными ребёнка, на которого врач выписал молоко. А карту эту нужно было выбрать из множества других в картошке, расположенной здесь же. А читать я в то время ещё не умела, ведь мне не было и пяти лет! Но разве эта проблема могла остановить мою мать, когда вопрос шёл о том, как бы посильнее нагрузить меня работой! Поэтому она вырезала из моей раскраски картинку с изображением заварочного чай-

ника и чашки и наклеила её на карту, чтобы я могла найти её среди остальных.

И вот каждый день, поднимаясь ни свет ни заря, я отправлялась на молочную кухню, чтобы принести матери бутылочки с молоком, а затем шла в детский сад. И так продолжалось несколько лет.

В то время я не воспринимала подобный образ жизни как наказание или какое-то обременительное занятие, потому что я не знала иного. Я полагала, что так живут все дети. И лишь одно в этом образе жизни меня смущало. В отличие от остальных детей у меня никогда не было ощущения безграничного счастья и защищённости, просто потому, что я – ребёнок, и у меня есть дом и родители, которые должны испытывать ко мне чувство любви. Я всегда ощущала себя лишней и ненужной и мечтала поскорее вырасти и уехать из этой семьи, чтобы самой строить свою жизнь так, как хочется, а не так, как кому-то надо.

Когда мне было лет пять, произошёл такой случай. Даже в глубоком детстве я не писалась в постель, но однажды такая неприятность всё же случилась. Ночью мне очень захотелось в туалет, но я так крепко спала, что не просыпалась. К тому же мне снился сон. И во сне я тоже очень сильно хотела в туалет. Я бегала и искала, где можно было бы справить нужду, и наконец нашла. И, расслабившись, написала прямо в постель, от чего сразу же проснулась и рассказала о случив-

шемся маме.

Я думала, она будет меня ругать или как обычно накажет. Но ничего такого не случилось. Она просто велела мне снять мокрые трусы и заявила, что в сад я пойду без них, в одних колготках.

В тот момент мне показалось, что я легко отделалась, но самое неприятное ждало меня впереди.

А начать следует с того, что колготки были жутко дырявые, с огромными дырами, которые мама никогда не зашивала. И потому через них всё было видно. И когда в детском саду настало время тихого часа, и все дети начали раздеваться, я поняла, что не могу этого сделать. И тогда я подошла к воспитательнице и тихим голосом объяснила ей свою ситуацию. И мне разрешили спать в колготках. Но лечь спать в дырявых колготках было всё равно, что делать это голышом. Мальчики смеялись надо мной, а потом, после тихого часа, они стали подходить ко мне и задирали платье, чтобы снова посмеяться.

Мне было жутко стыдно и безумно хотелось, чтобы этот день поскорее закончился. Но я ни на секунду не винила в произошедшем свою мать. Я считала, что сама виновата в том, что описалась. И все последующие события воспринимала как заслуженное наказание. Но теперь, спустя десятилетия и став матерью, я не могу понять, как могла моя мама так поступить. Я бы ни в жизнь не отпустила бы своего ребёнка в детский сад без трусов. И уж тем более никогда бы

не позволила своим детям ходить в дырявой одежде.

Неужели моей матери так сложно было взять в руки нитку с иглой и зашить эти несчастные колготки, если уж не хотелось покупать новые? И почему она не одела мне чистые трусы? Может быть, потому что их просто не было? Может быть, в то время у меня был всего лишь один комплект белья? Не знаю, да сейчас это и невозможно выяснить, потому что если я задам матери этот вопрос, она попросту соврёт, чтобы в очередной раз обмануть не только меня, но и себя. Так что единственное, что мне остаётся сделать, так это просто констатировать факт того, что однажды мать отправила меня в детский сад без трусов, и мне пришлось пережить из-за этого кучу унижений от других детей.

Я очень рано начала сочинять стихи. Слова сами собой складывались в рифмы, и мне, конечно же, хотелось с кем-нибудь поделиться этим открытием. И сначала я поведала об этом своей подруге Алле, которая одобрила моё творчество и предложила поделиться этой новостью с мамой. И я понимала, что она права, и родителей всегда нужно ставить в известность обо всём, что происходит с их ребёнком, но я и представить себе не могла, чтобы мама захотела выслушать меня. Мы никогда не вели с ней душевных бесед или вообще каких-либо разговоров. Складывалось впечатление, что в нашей семье каждый существует сам по себе, не делаясь друг с другом чувствами, эмоциями или переживаниями.

ми. Словно роботы, мы приходили домой, выполняли свои домашние обязанности, ничего не обсуждая и не советуясь друг с другом, а затем в 21.00 смотрели по телевизору программу «Время», по окончании которой ложились спать. А утром всё начиналось сначала. Поэтому я даже не знала, какое выбрать время для беседы с мамой.

И вот в один прекрасный день момент всё же был выбран. Мама что-то стирала, но это не остановило меня, потому что иного способа поговорить с ней не было: я и так редко бывала дома, а обсуждать своё творчество при папе не хотелось. Поэтому собравшись с духом, я произнесла:

– Мама, послушай. Я написала стихи.

И прочла.

Мишка разнолапый по лесу идёт.

Мишка разнолапый песенки поёт.

Мишка разнолапый лучше всех друзей.

Мишка разнолапый съел картофелей.

Сейчас, спустя годы, я вижу, что это всего лишь вольная интерпретация известного детского стихотворения, но тогда мне было только пять лет, и в моей жизни это был первый творческий опыт, и потому я никак не ожидала со стороны своей матери той реакции, которая последовала, когда она услышала мои стихи. Она сказала:

– Хорошо, – и продолжила стирать.

Ни похвалы, не овадий, ни критики. Ничего. Словно я говорила со стеной. Не удивительно, что я так долго не могла решиться на этот разговор, который в итоге так ни к чему и не привёл. А ведь когда-то давно моя мать сама писала стихи. Я узнала об этом от бабушки, с которой мы часто вели душевные беседы. Бабушка говорила, что в школьные годы мама много сочиняла, но потом перед замужеством всё сожгла, чтобы папа не смог это прочесть. И лишь одно стихотворение она оставила и даже записала в своей телефонной книжке на первом листе, практически для всеобщего обозрения. И конечно, я его читала, как думаю и остальные члены нашей семьи. Дословно привести его сейчас не смогу, всё-таки прошло много лет, но смысл стиха был такой: «Если тебе довелось родиться женщиной, то вертись и крутись, но выполняй всё, что нужно твоему мужу». Вероятно, она нарочно выставила это стихотворение напоказ, для того чтобы папа, в первую очередь, а в остальную – мы с сестрой, поняли её жизненную позицию. Что ж, это и так было очевидно. Можно было и не писать об этом.

Но обиднее всего в этой ситуации было мне, потому что я надеялась, что мама разглядит во мне родственную душу и, возможно, станет относиться ко мне чуть-чуть теплее. Но этого не случилось. Потому что ей было всё равно. И в тот момент я поняла, что доверять свои секреты матери – пустое дело. Проще произнести о своих проблемах вслух в пустой комнате – эффект будет такой же.

Едва сестра вышла из грудничкового возраста, как её сразу же перевели на моё попечение. Меня постоянно оставляли с ней вдвоём дома и, естественно, гулять с ней должна была тоже я.

Однажды, когда мне было шесть с половиной лет, а сестре, соответственно, почти два, родители в очередной раз спихнули Лину на меня. Но в тот день в детском саду я договорилась вечером пойти погулять с подружкой по имени Лиля, которая жила в соседнем доме. И, по нашей с ней договорённости, я должна была зайти за Лилей. Но стоило мне сказать об этом родителям, как они тут же вспыхнули:

– А с Линулинкой кто гулять будет?

– Но можно мне хотя бы дойти до Лили и сказать ей, что я не смогу сегодня к ней зайти? Она ведь будет ждать меня! – умоляла я родителей, но они были непреклонны.

Мне вручили сестру, и я должна была её развлекать до тех пор, пока не наступит время ложиться спать.

И чтобы окончательно прояснить ситуацию, отмечу, что родители в этот момент были дома, и никаких важных дел у них не было.

Но, чтобы не подводить подругу, которая ждала меня, я решила поступить следующим образом. Взяв Лину за руку, дойти до квартиры Лили, которая располагалась на первом этаже соседнего дома, и сообщить подруге, что планы изменились. Но осуществить это было не так-то просто, потому

что на нашем пути находилась песочница, увидев которую Лина тут же приземлилась в неё и начала возиться в песке. И как я не старалась поднять сестру, мне это не удавалось. Тогда я сказала ей:

– Посиди здесь, а я добегу до Лили и скажу ей, что мы с тобой будем играть в песочнице, и если она захочет к нам прийти, то сможет найти нас здесь. Только никуда не уходи! Поняла?

Но Лина ничего не ответила. Она вообще ничего не говорила, потому что родители никогда не считали нужным заниматься с ней.

И вот сломя голову я помчалась к Лиле. Постучалась к ней в дверь и с ходу выпалила заготовленные слова и даже не стала ждать, что она мне ответит. Я развернулась и опрометью помчалась к сестре. Но её там не было.

Сердце у меня упало. Я отсутствовала, максимум, минуты две. Может, меньше. Так куда же могла деться моя двухлетняя сестра? И я подумала, что, возможно, она вернулась домой, потому что другого маршрута она в принципе не знала. И хотя я ужасно боялась появиться дома без сестры, так как знала, что родители меня тотчас четвертуют, выбора у меня не было.

Мы жили тоже на первом этаже, и я влетела домой, застав родителей сидящими за столом и преспокойно пьющими чай.

– Лина не приходила? – испуганно произнесла я, заранее

зная ответ, потому что сестры в комнате не было.

– Она же должна быть с тобой! – заявила мама.

– Но я отбежала на минуточку, чтобы предупредить Лию, что я не смогу с ней сегодня погулять, так как должна следить за сестрой. А Лина была в это время в песочнице. Но когда я вернулась, её там не было, – выпалила я, надеясь, что родители наконец-то оторвутся от чаепития и подключатся к поискам младшей дочери.

Как бы не так! Родители даже не выпустили кружек из рук.

– Сама потеряла, сама и ищи! – грозно произнёс папа. – И без сестры домой не возвращайся!

Я даже не поверила своим ушам. Даже в том возрасте я догадывалась, что родители как-то иначе должны реагировать на информацию о потере ребёнка. Я бы даже согласилась понести наказание, но при условии, что родители помогут мне искать Лину. Но они даже не встали из-за стола! Что-то здесь явно было не так, и в моём мировосприятии произошли сдвиги, подрывающие основы и ценность семьи. Но рассуждать было некогда, поэтому я снова выбежала на улицу и начала исследовать близлежащие дворы. И в третьем по счёту дворе я обнаружила Лину, стоящую у скамейки, на которой сидели местные бабушки.

Обрадовавшись, я подбежала к ним и сообщила старушкам:

– Это моя сестра! – и, взяв Лину за руку, хотела увести её домой.

– Что же ты так плохо следишь за сестрой! – начали отчитывать меня старушки.

– Да я только на минутку оставила её в песочнице, а она убежала! – оправдывалась я.

– А где же ваши родители? – снова поинтересовались бабульки.

– Дома. Чай пьют, – ответила я.

– И они не знают, что их ребёнок потерялся? – продолжали местные сплетницы выведывать у меня подробности случившегося.

– Знают. Я им сказала. Но они велели мне самой искать сестру.

– А мы увидели, что маленькая девочка идёт по улице одна, – начали старушки рассказывать мне свою версию событий, – остановили её и стали расспрашивать, где она живёт, и как её зовут. Хотели отвести домой. Но она всё время молчит.

– Её зовут Лина, и живём мы вон в том доме! – сказала я, показав рукой в сторону нашего жилища.

– Ну забирай свою сестру и в следующий раз не оставляй её одну! – сказали мне бабульки, прощаясь с нами.

И я крепко сжала руку сестры и повела её домой. Гулять мне больше не хотелось, да и родителям нужно было доложить, что всё в порядке.

Признаться, я думала, что меня убьют за этот проступок, и морально уже приготовилась к самому чудовищному нака-

занию, которое только могла породить извращённая фантазия моих родителей, но, на удивление, меня не стали бить, ставить в угол или ещё каким-то образом подвергать пыткам. Меня отчитали, но на этом всё закончилось. А я поняла, что теперь Лину и на секунду нельзя оставлять одну, потому что никто не знает, что происходит в её голове, потому что своими мыслями она ни с кем не делится.

В детстве я жутко боялась смерти. Хотя обычно к человеку подобный страх приходит в зрелом возрасте, а у меня произошло всё наоборот. Сейчас я абсолютно равнодушно отношусь к данной перспективе, но когда мне было лет пять, это был самый большой мой страх.

Днём я его не чувствовала. Когда кругом светло и мозги постоянно чем-то заняты, нет места для тёмных мыслей. Но когда наступала ночь, и все ложились спать, а вокруг была крошечная тьма и звенящая тишина, мне казалось, что я физически начинаю ощущать ту пустоту, в которую сваливается человек после смерти, когда вокруг нет ничего: ни света, ни звука, ни мыслей, ни воспоминаний. Лишь пустота. И тогда меня охватывала дрожь, а сердце сжималось в крошечный комок. Воздуха не хватало и хотелось кричать, чтобы тотчас разорвать эту пустоту в клочья. И я начинала плакать, надеясь, что родители услышат меня и подойдут, чтобы успокоить. Ведь мы все спали в одной комнате, и они не могли не замечать, что со мной творится. Но ко мне никто

не подходил.

Тогда я сама вставала с кровати и шла к родителям.

– Мне страшно, – дрожащим голосом говорила я.

– По заднице получить захотела? – недовольным голосом отвечал отец. – Давай живо в постель! Спать!

И понимая, что никаких слов утешения от родителей я не услышу, я возвращалась в кровать, забиралась под одеяло и продолжала дрожать, пытаясь справиться со страхом.

Сейчас, когда я в каком-нибудь кинофильме вижу, как ребёнка, которому страшно, родители берут к себе в постель, то воспринимаю это как какую-то заоблачную фантазию, утопию, которой нет места в реальной жизни.

Моя мама никогда не пускала меня к себе в постель, даже когда спала одна. Даже когда мы гостили у родственников и спальных мест не хватало. В таких случаях я спала либо на полу, либо с кем-нибудь из родственников, у которых мы гостили. Мама же всегда спала либо одна, либо с папой, иногда с Линой. Но со мной – никогда.

Более того, родители никогда не обнимали и не целовали меня. Единственной причиной, по которой они могли прикоснуться ко мне, было стремление ударить меня. Из-за этого долгие годы, когда кто-нибудь из друзей или родственников пытался обнять меня, я шарахалась от него, словно от прокажённого, вызывая тем самым кучу неловких ситуаций. Признаться, я даже мужу не позволяла лишний раз прикасаться ко мне, потому что для меня подобное проявление

эмоций было сродни чудовищному домогательству.

И только годам, наверное, к тридцати шести, когда родители совершенно растеряли в моих глазах остатки авторитета, и наше общение свелось к минимуму, а друзья и коллеги, наоборот, фактически стали для меня членами семьи, я перестала шарахаться от людей при каждом прикосновении.

Впрочем, не только родительское пренебрежение способствовало развитию моих страхов. В советское время по телевидению постоянно шли военные фильмы, в финале которых герои мужественно погибали за Родину. А советская пропаганда внушала всем и каждому, что наша страна мужественно противостоит всему миру, который в погоне за лёгкой наживой готов в любой момент уничтожить наше светлое будущее, и наше правое дело – до последней капли крови отстаивать свои социалистические завоевания. И страх предстоящей войны и неминуемости новых жертв настолько сильно проникал в наше сознание, что все были морально готовы к тому, что в любой момент со всех сторон на нас могут напасть интервенты, и нужно будет дать им дружный отпор любой ценой. И если бы у меня было две жизни, одну из них я бы непременно отдала за Родину. Но, к сожалению, возможно, другого шанса вернуться на эту землю у меня не будет, и потому мне совершенно не хотелось мужественно погибать в расцвете лет, возвращаясь в звенящую пустоту, из которой не будет выхода. И я боялась. Очень боялась.

Но обстановка в стране, как нарочно, способствовала то-

му, чтобы как можно сильнее подорвать мою детскую психику.

Когда я училась во втором классе, умер Леонид Ильич Брежнев. И в холле нашей школы установили в траурной рамке огромный портрет этого Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза. А в день похорон Брежнева были отменены все уроки, а ученики отпущены домой с одним условием: сидеть дома и смотреть по телевизору торжественные похороны руководителя нашей страны.

Ослушаться я не посмела, но сидеть дома и одной несколько часов смотреть похороны, потому что мои родители не собирались заниматься подобным патриотизмом, я не могла и потому пошла в гости к своей подруге Алле. И под включённый телевизор мы несколько часов играли, одним глазом поглядывая в сторону экрана.

А через год с небольшим умер новый Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза – Юрий Владимирович Андропов. И снова на несколько дней в холле школы появился огромный портрет в траурной рамке, и на учеников возложили новые обязательства по просмотру похорон Андропова.

Ещё через год умер Константин Устинович Черненко, очередной Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза. Новый портрет в траурной рамке в холле школы и новые похороны, которые требовалось смотреть.

А когда очередным Генеральным секретарём Коммунистической партии Советского Союза избрали Михаила Сергеевича Горбачёва, то узнав об этом, первым вопросом, который я, затаив дыхание, задала родителям, был следующий:

– Сколько ему лет?

– Пятьдесят четыре, – ответила мама.

– Ух, – облегчённо выдохнула я. – Этот ещё поживёт.

А ещё в школе нас периодически (обычно в канун каких-либо государственных праздников) водили в кинотеатр, где заставляли смотреть патриотические фильмы, которые неизменно заканчивались гибелью главных героев. Порой я даже сидела с закрытыми глазами, чтобы не видеть пыток и героической гибели персонажей фильма. И лишь однажды, видимо по ошибке, нас повели на кинофильм под названием «Тайна чёрных дроздов», который оказался экранизацией романа Агаты Кристи.

Мы смотрели этот фильм, переглядываясь друг с другом. Каким это чудом нам показали не очередную патриотическую ленту с трагическим финалом, а детективную историю, пусть даже и с убийствами? Ведь душегубства в романе Агаты Кристи ни в какое сравнение не могли идти с кинокадрами мучительных зверств, которым подвергались советские люди во времена Великой Отечественной войны.

А когда мы стали старше, то нас вообще перестали водить в кинотеатр. Но мы не очень-то от этого страдали. Особенно я, которая лишь радовалась этому факту.

Анализируя это, невольно на ум приходит история Влада Цепеша, отец которого отдал обоих своих сыновей турецкому султану в качестве заложников с тем, чтобы в случае нападения Румынии на Турцию, султан мог убить наследников румынского престола. И для острастки юного Влада Цепеша каждый день заставляли смотреть на пытки и казни заключённых, чтобы он знал, что ждёт его в будущем, если отец не поддержит соглашение о перемирии. И эти страшные сцены так сильно повлияли на психику наследника румынского престола, что когда мальчик вырос и вернулся в родную страну, то стал самым жестоким правителем своего времени, который безо всякого сожаления расправлялся со своими врагами, подвергая их мучительным пыткам и страшным казням. Особенно досталось от него туркам, которых он истязал без пощады.

Недаром именно этого правителя ирландский писатель Брэм Стокер сделал прообразом своего знаменитого графа Дракулы.

Именно поэтому складывалось впечатление, что нас, детей, родившихся в Советском Союзе, с малолетства морально готовили к тому, чтобы мы, став взрослыми, могли без малейших угрызений совести беспощадно расправляться с врагом, зная, какие мучения в годы Великой Отечественной войны довелось пережить нашим соотечественникам.

И хотя сейчас мои страхи прошли, я до сих пор не могу спать в комнате с зашторенными окнами. А если мне прихо-

дится ночевать в незнакомом месте, то я всегда оставляю на ночь включённым хоть один светильник.

И ещё. Именно из-за своих страхов я до сих пор проживаю каждый свой день как последний. Я никогда и ничего не откладываю на завтра, и тем более на послезавтра. Если хочу что-то сказать, то говорю прямо сейчас, а если хочу что-то сделать, то иду и делаю, чтобы потом не жалеть о том, что упустила подходящий момент. Даже если мне бывает страшно или даже очень страшно, я говорю себе:

– Света, просто сделай это.

Многие считают, что я – смелая и решительная. Мне часто говорят об этом даже малознакомые люди. Наверное, они думают, что в моём сердце полно отваги и мужества, которые позволяют мне с лёгкостью совершать такие поступки, на которые мало кто решится. Но это не так. Просто я боюсь, что если я не сделаю этого сегодня, то завтра у меня такого шанса не будет, потому что всё может закончиться в любой момент. И что тогда я скажу Создателю, представ перед ним? Что я пряталась от жизни за своими комплексами? Думаю, такая отговорка не прокатит. Вдруг эта жизнь и есть мой второй шанс? В таком случае разве я имею право отказываться от этого дара и спускать его в мусоропровод? Да, мне не повезло с родителями, не повезло с сестрой и даже не повезло с мужем, но это не значит, что я должна сдать-ся на чью-то милость, позволив изголодавшимся гиенам растерзать мою брэнную плоть. Я должна идти дальше, как бы

не был тернист мой путь, и сколько бы ран я не получила на своём пути. Потому что это – мой долг. И, в первую очередь, долг перед самой собой.

Когда родители собирали меня в первый класс, то купили мне жутко громоздкий некрасивый коричневый портфель, который был похож на одну из тех больших мужских сумок, с которыми взрослые дяденьки ходили на работу. Хотя я очень сильно просила купить ранец. И когда я увидела то, с чем мне предстояло каждый день ходить в школу, то пришла в ужас.

– Мы с папой всегда мечтали ходить в школу именно с таким портфелем, – авторитетно заявила мама, заметив моё недовольство.

– Но это – вы, а это – я! Я хочу ранец! Он удобнее!

– Хватит спорить с родителями! Будешь ходить с тем, что тебе купили! – отрезала мама, прекращая спор.

И вот настал день первого сентября. Обычно все родители стараются в этот день отпроситься с работы и отвести детей в школу, чтобы вместе присутствовать на праздничной линейке. Но моя мама постарались сделать всё, чтобы этот день не стал для меня праздничным.

Утром она кое-как завязала мне бант и отправила в школу одну под предлогом, что Лину нужно вести в детский сад.

Чтобы лучше прояснить ситуацию, сообщу, что в нашем маленьком городке школа и детский сад находились рядом,

через забор. То есть при желании оба мероприятия можно было совместить без малейшей потери времени. Но зачем же утруждать себя, когда есть возможность спихнуть старшего ребёнка с глаз долой? И потому я пошла в первый класс одна.

И я была такая одна: безродная сиротка, рядом с которой никого не было. Впрочем, и после первого сентября я тоже ходила в школу одна. Только потом это перестало быть для меня обидным. Я привыкла к тому, что родителей абсолютно не интересует моя жизнь.

А со злосчастным портфелем произошла следующая история.

Когда я пошла в школу, сестре было два с половиной года. И поскольку родители её баловали до невозможности, то она резонно полагала, что ей можно всё. Она могла хулиганить, сколько ей вздумается, могла даже порвать мою школьную тетрадь или даже учебник, и за это ей не только ничего не было, но ещё это становилось поводом для того, чтобы наказать меня под тем предлогом, что, во-первых, я плохо следила за своими вещами, а во-вторых, мало уделяла времени сестре, и потому ей ничего не оставалось, как рвать мои тетради и учебники.

Но любимым занятием Лины было залезть в мой необхватный портфель и елозить там, пока не надоест. И если я пыталась помешать сестре это делать, то Лина мгновенно начинала реветь, и папа, не разбираясь, в чём дело, тут же доставал ремень и бил меня. И во избежание постоянных на-

казаний я приноровилась сразу же по возвращении домой вынимать из портфеля все свои школьные принадлежности, чтобы у Лины была возможность вдоволь наиграться. И к концу учебного года портфель был в таком ужасном состоянии, что продолжать ходить с ним было невозможно. Лина оторвала от него всё, что только можно было оторвать, в том числе ручку и накладные карманы. Боковые швы разошлись, и это был уже не портфель, а какое-то нищенское убожество.

И если бы портфель порвала я сама, то, наверное, родители всё равно заставили бы меня ходить с ним до окончания школы. В наказание. Но это сделала их любимая Линулинка-золотулинка, поэтому им пришлось раскошелиться и купить мне новую школьную сумку. И в этот раз они решили учесть моё желание и купили ранец, с которым я проходила ровно три года. Затем я три года ходила в школу со спортивной сумкой через плечо, а последние три года у меня была вместительная дамская сумка из кожзаменителя чёрного цвета. На более частую смену школьных сумок родители не могли заставить себя раскошелиться.

Мне всегда было больно признаваться в том, что мои дни рождения не праздновались, и подарков мне, естественно, никто не дарил.

Я родилась в середине августа, и день моего рождения всегда проходил как обычный будничный день без гостей, без праздничного торта, без свечей и загадывания желаний.

Утром, как обычно, все просыпались, завтракали, потом занимались своими делами, а вечером ложились спать, и никто не вспоминал или не хотел вспоминать, что сегодня у их ребёнка праздник. Удивительно, что я сама ещё об этом помнила.

А когда я чуть подросла, то меня благополучно спихивали на всё лето к бабушке в деревню, и проблема с празднованием дня рождения отпадала сама собой. И как бы я не просила родителей забрать меня из деревни чуть пораньше, чтобы иметь возможность отметить свой день рождения с друзьями, родители никогда не выполняли этой просьбы, хотя всегда клятвенно обещали мне сделать это.

А когда родилась моя сестра, то она тотчас превратилась в пуп земли, в центр вселенной, вокруг которого всё движется и крутится. Например, она никогда не донашивала мою одежду, ей покупали только новое. А её день рождения сразу же стал в нашей семье национальным праздником, на который всегда приглашались знакомые и родственники. Но родителям и этого было мало. Они могли потратить целую зарплату на подарки для своей младшей дочери. Я же на этих праздниках исполняла роль Золушки, выполнявшей всю чёрную работу.

В день рождения Лины, который был в конце марта, мне надлежало ранним утром идти в магазин за продуктами, а по возвращении я должна была заниматься приготовлением праздничных блюд, включая выпечку именинного торта. За-

тем я убирала квартиру, выносила мусор, наводя чистоту к приёму гостей, пока родители занимались закупкой подарков и подготовкой именинницы к празднику, на котором мне не было места, потому что очень часто после завершения работы меня отправляли гулять, чтобы не мешать остальным веселиться.

Когда я спрашивала маму, почему день рождения сестры празднуется всегда, а мой – никогда, то получала следующий ответ:

– Мы празднуем день рождения Линулинки потому, что он после зарплаты, а твой до. И поэтому у нас просто нет денег на празднование твоего дня рождения.

Тогда, в детстве, этот аргумент казался мне убедительным. Но когда я сама стала зарабатывать, то поняла, что слова матери были лишь пустой отговоркой, прикрывавшей нежелание устраивать для меня праздник. Ведь так легко отложить требуемую сумму заранее, чтобы иметь возможность потратить её в нужный день для своего ребёнка. Тем более что в советское время достаточно было пяти рублей, чтобы устроить праздничный стол. Так что даже мои небогатые родители могли бы себе такое позволить.

Те же правила действовали и во время остальных праздников. До рождения сестры мне подарки не дарились вообще. Ни на Новый год, ни на 8 марта, никогда. Да что уж там говорить, в детстве у меня было только три игрушки: заяц, мишка и тигрёнок. И ни одной куклы. Даже целлулоидного

пупсика не было. А уж как я просила родителей в 1980 году купить олимпийского мишку! Игрушка размером в сорок сантиметров стоила тогда рублей семь. И это было дороговато, но ведь и Олимпиада в нашей стране тоже проводится не каждый год. Я до сих пор не могу понять, почему они тогда не купили олимпийского мишку. Пусть даже не мне, а просто на память в качестве сувенира, при взгляде на который можно было бы каждый раз испытывать гордость за нашу страну.

И когда в 2012 году олимпийские игры проходили в городе Сочи, я не стала повторять ошибок своих родителей и купила своему сыну, который тогда был в том же возрасте, что и я в московскую Олимпиаду, двух мишек, дочери – зайку, и вообще множество других сувениров с олимпийской атрибутикой.

И, возвращаясь к теме подарков и праздников, скажу, что после рождения Лины родители поняли, что они не могут оставлять свою младшую дочь без подарков по каждому поводу и нашли очень простой выход. В праздничный день Лине вручалась целая куча подарков (одним они никогда не ограничивались), стоимостью в половину их зарплаты, а то и больше. А мне вручался, к примеру, календарик, стоимостью пять копеек, или же открытка такой же стоимости.

Такая откровенная дискриминация, конечно же, задевала меня, и я снова обращалась к маме с вопросом:

– Скажи, пожалуйста, а почему Лине вы дарите много до-

рогих подарков, а мне всего лишь одну открытку? Ведь если у вас хватает денег на то, чтобы купить Лине несколько подарков, то почему бы часть этих денег не потратить на меня?

И мама отвечала:

– А мы и не собирались Линулинке покупать много подарков! Мы купили ей только куклу и хотели этим ограничиться. Но потом в магазине совершенно случайно увидели красивое платье подходящего размера и решили купить его тоже.

– А почему же вы не купили платье для меня?

– А твоего размера не было. К тому же после покупок для Линулинки деньги у нас закончились, и поэтому тебе мы смогли купить только открытку.

И так было всегда. Когда родители приходили в магазин, то одежды моего размера в продаже никогда не было, а потом деньги у них всегда заканчивались, и потому я оставалась без подарков.

А порой поведение родителей в выборе подарков для нас с сестрой принимало просто абсурдный характер.

В марте 1992 года родители поехали отдыхать в санаторий города Сочи. Естественно, вдвоём. Нас с сестрой они оставили одних. Мне тогда было семнадцать лет, и я уже окончила школу и работала, а Лине было двенадцать.

Честно говоря, решение родителей меня не удивило и даже особо не обременило. К этому времени я абсолютно всю работу по дому делала сама, так что отсутствие мамы и па-

пы в течение четырёх недель никак не отразилось на моём распорядке дня.

И когда родители вернулись, то нашли квартиру и нас с сестрой в полном порядке. И тогда мама стала распаковывать дорожные сумки, то принялась торжественно вручать нам с Линой привезённые гостинцы, которые раздавались по принципу, великолепно продемонстрированному в советском кинофильме «Свадьба в Малиновке»: это мне, это опять мне, это снова мне, ну а это, так уж и быть, тебе.

Лине мама привезла такую кучу сувениров, что та даже не хотела это всё принимать. Там были и декоративные кулоны, и ракушки, и деревянная шкатулка, и бусы, и блокнотики. Вещей было столько, что сестра даже пыталась отказаться от некоторых из них, но мама упорно вкладывала ей всё это в руки, заставляя принять. А когда дошла очередь до меня, то мама неохотно вынула из чемодана маленькое трикотажное платье белого цвета в разноцветную полоску без рукавов. И даже навскидку было видно, что оно не подходило мне по размеру. Но я честно попыталась его надеть.

Несмотря на то, что трикотаж хорошо тянется, ситуацию это не спасло, так как платье было мне конкретно мало. Причём размера на три. А ведь я была отнюдь не пышечкой. Я носила 44-й размер, и 38-й не могла на себя натянуть при всём желании.

– Платье мне мало, – произнесла я матери, демонстрируя привезённую обновку.

– Но другого размера не было, – равнодушным голосом ответила мать, даже не глядя в мою сторону и продолжая вручать сувениры Лине.

– Зачем ты тогда его купила? – снова спросила я.

– Но надо же было что-то тебе купить! Если бы мы ничего тебе не привезли, ты бы такую истерику закатила! – недовольным голосом ответила мать.

– Но можно было купить что-нибудь другое! Вот Лине, например, ты привезла столько красивых вещей! Могла бы что-нибудь из них подарить мне.

– Я уже вручила тебе подарок. И нечего заглядываться на вещи сестры!

– Но я не смогу носить это платье! Оно мне мало! – обиженно произнесла я.

– Но если твоего размера не было, что мне оставалось делать? Я взяла то, что было, – не скрывая раздражения, ответила мать, пытаясь как можно быстрее отвязаться от меня.

– Но можно было купить что-то другое, – повторила я.

– А думаешь легко выбрать для тебя подарок? Ты же вечно всем недовольна!

– Конечно! Как я могу быть довольна, когда ты покупаешь мне платье на три размера меньше того, что я ношу? – возмутилась я.

– Вот об этом я сейчас и говорю! – ледяным тоном ответила мать. – Вот посмотри на Линулинку! Что бы я ей не подарила, она всегда довольна! Всегда улыбается и благодарит

меня. А ты, вместо того чтобы сказать «спасибо», только ругаешь родителей за то, что они потратили свои деньги тебе на подарок!

– Да, Лина всегда довольна, потому что ей ты даришь только хорошие вещи! И если бы ты мне подарила хотя бы десятую часть того, что вручила сейчас Лине, я бы тоже была очень довольна! – пыталась я достучаться до матери.

– Я так и знала, что ты будешь завидовать сестре! Прямо сердцем чувствовала, что именно так ты и будешь себя вести, когда Линулинка будет получать подарки. И ты ещё удивляешься тому, что у меня нет никакого желания ничего тебе покупать?

Да, старая песня на новый лад. Но, признаться, я уже привыкла к отсутствию подарков, равно как и к отсутствию внимания со стороны родителей, и спорила с матерью исключительно по инерции, пытаясь ей логически доказать её неправоту. Но это было бесполезно.

Мама, обидевшись, демонстративно забрала у меня трикотажное платье обратно, чтобы потом отвезти в деревню, куда всеми родственниками регулярно свозился всякий хлам. А я решила пойти иным путём.

Поняв, что разговаривать с матерью не имело никакого смысла, я решила поговорить с сестрой. Тогда ещё она могла вести себя адекватно по отношению ко мне, поэтому я решила прибегнуть к доводам разума.

Заметив, что большая часть привезённых сувениров не

представляет для сестры никакого интереса, я попыталась выпросить у неё деревянную шкатулку, которая мне очень понравилась.

Шкатулка была совершенно простая, безо всяких узоров и резьбы, но меня привлек её размер. В неё было очень удобно складывать письма, а я страсть как любила их писать! Я переписывалась со своими двоюродными сёстрами, переписывалась с девочкой из Германии, чей адрес мне прислали из Комитета международных отношений по делам молодёжи. Потом я состояла в переписке с девочкой из Польши. Кроме того, я переписывалась со всеми подругами, когда они уезжали на юг, и тщательно хранила эту переписку. И всё это добро лежало у меня в старой помятой коробке из-под конфет. И я подумала, что аккуратная шкатулка была бы самым подходящим местом для хранения моей корреспонденции.

И, на удивление, Лина согласилась с моим предложением. Мне даже не пришлось её уговаривать. Она сразу же отдала мне шкатулку, куда и я поместила свою переписку с подругами.

Но я знала, что если мама об этом узнает, то мне ого-го как достанется. Тогда я решила сработать на опережение. В Москве я купила другую шкатулку. Она была гораздо красивее той, которую отдала мне Лина. Но размер новой шкатулки был чуть меньше, и письма туда не помещались. Но поскольку Лина ни с кем не переписывалась, то для неё это не имело значения. И поначалу всё было хорошо. Но моя

радость длилась недолго. Вскоре мама заметила подмену. И так как я возвращалась с работы лишь поздно вечером, то она поинтересовалась у Лины, почему в её вещах отсутствует подаренная шкатулка. И Лина честно ответила маме, что мы поменялись. И, на мой взгляд, ничего предосудительно в этом не было. Но не для матери.

Когда я вернулась с работы домой, то обнаружила свою переписку разбросанной и сразу заподозрила неладное.

– Как ты могла отобрать у сестры мой подарок? – набросилась на меня мать.

– Мы поменялись! Я купила ей другую шкатулку, – спокойно ответила я.

– Вот и оставила бы её себе! – продолжала возмущаться мать.

– Но она была меньшего размера, чем нужно! В неё не помещались письма, которые я собиралась там хранить! А для Лины было неважно, какого размера шкатулка!

– Но это же был мой подарок! Как ты посмела отобрать его у Линулинки за моей спиной?

– Но я не отбирала! Мы поменялись! – продолжала оправдываться я.

– Больше не смей прикасаться к вещам сестры! То, что я покупаю для Линулинки, должно оставаться у Линулинки! И убери свои письма, пока я их не выкинула! – пригрозила мать.

Я жутко расстроилась и начала собирать разбросанные

письма, чтобы уложить их в полиэтиленовый пакет, так как коробку из-под конфет я успела выкинуть.

Были и другие случаи, когда родители дарили мне несуразные и бесполезные подарки, которые потом ещё и отбирали обратно, в то время как Линулинку осыпали чуть ли не золотым дождём. Так, к примеру, в тринадцать лет у неё уже была шуба из натурального меха кролика. А я вплоть до замужества ходила в дешёвеньком полушубке из искусственного меха. Но всё это было потом, и не причиняло уже столько обиды и боли, как в далёком детстве, когда мать при каждом удобном случае старалась выставить меня неблагодарной дочерью, которая просто не заслуживает ничего хорошего.

В нашем небольшом городке было несколько стадионов, которые зимой превращались в катки. Именно поэтому все жители нашего города повально занимались фигурным катанием, за исключением тех мужчин, которые играли в хоккей.

В светлое время суток в выходные дни мы с друзьями шли к ближайшему стадиону, чтобы посмотреть на самый настоящий хоккей, в который с поразительной энергией и яростью играли взрослые мужчины, экипированные как настоящие спортсмены. А вечером, когда ночная темнота опускалась на землю, вокруг стадионов загорались огни, и начинала играть музыка. И все желающие, а их было ой как много, шли на ближайший каток, чтобы в прекрасном и удивительном тан-

це скользить по льду.

Это было безумно красивое зрелище!

То было время чёрно-белых телевизоров, коричневой школьной формы и чёрно-белых фартуков. Яркие краски практически не присутствовали в нашей жизни. И потому искрящееся волшебство льда, подсвеченное в темноте софитами, и юные фигуристы, танцующие под музыку, всегда создавали радостное настроение, приближающее новогодний праздник.

И конечно же, в нашем городе была секция фигурного катания, но многие учились сами, и от этого их мастерство не становилось хуже.

И я тоже не могла не поддаться очарованию этого красивейшего вида зимнего спорта. Тем более что все мои друзья и подруги с малых лет катались на коньках. Я очень долго просила родителей купить мне коньки, но всегда получала один ответ:

– У нас нет денег.

Тогда я стала просить об этом Деда Мороза. Я делала это из года в год, но никогда не находила под ёлкой не то, что коньков, но и никаких других подарков.

Но однажды свершилось чудо! К этому времени у меня уже появилась сестра, и родители, естественно, никак не могли обойти её новогодним подарком, поэтому они, в кои-то веки, решили сделать подарок и мне. Это были двухполосные коньки, которые необходимо было верёвками привя-

зывать к валенкам.

Увидев это безобразие, я расстроилась, так как у всех моих подруг были красивые белые ботиночки с фигурными лезвиями, на которых они великолепно скользили по льду. Выполнять же пируэты в валенках, к которым верёвками привязаны двойные лезвия, казалось не только не эстетичным, но и весьма сложным занятием.

Мне было всего семь лет, но я мужественно надела на себя валенки, привязала к ним двухполозные коньки и медленно выползла на улицу.

Верите, на льду я не могла сделать ни шагу! Я сразу же падала. Промучившись весь вечер и отбив бока, я вернулась домой не солоно хлебавши и больше уже ни разу не ходила на каток и даже не просила купить новые коньки, потому что знала, каков будет ответ родителей. Но когда сестра стала подрастать, родители сразу же купили ей красивейшие коньки. Такие, какие я видела на своих подругах: белые ботиночки и фигурные лезвия. Затем родители записали Лину в секцию фигурного катания, которая, к слову, была платной, и это позволило ей присоединиться к тем ослепительным красавицам, которые каждый вечер под музыку танцевали на льду, восхищая собой зрителей на трибунах.

По мере того, как увеличивался размер ноги Лины, родители обновляли ей коньки, что позволило сестре заниматься фигурным катанием вплоть до окончания школы. А мне оставалось лишь с сожалением наблюдать, как моя сестра,

совершенно не испытывавшая страсти к фигурному катанию, из-под палки ходит на нелюбимые занятия, тогда как я была лишена этого.

Та же история случилась и с музыкальной школой.

По иронии судьбы у меня прекрасный голос, позволяющий мне с лёгкостью брать самые высокие ноты, и абсолютный слух. И вследствие этого мне, естественно, хотелось заниматься музыкой. С шести лет я умоляла родителей записать меня в музыкальную школу, но всегда слышала традиционный ответ:

– У нас нет денег.

Я очень переживала из-за этого, чувствуя, как годы утекают сквозь пальцы. Все мои подруги, даже самые бесталанные, посещали музыкальную школу, а я лишь смотрела на то, как они с ненавистью играли гаммы и без души нажимали на клавиши пианино, вымучивая заданную мелодию, которую я могла с лёгкостью воспроизвести на слух, потому что не знала нотной грамоты.

Иногда моя подруга Алла пускала меня за своё пианино, и тогда я сразу же повторяла услышанную ранее мелодию исключительно для того, чтобы удивить подругу. Со временем она стала давать мне всё более сложные задания, но я и с ними легко справлялась. Да только разве это могло заменить полноценные занятия в музыкальной школе? К тому же, после пяти лет обучения Алла бросила музыкальную школу, и наши с ней нехитрые занятия прекратились.

Но при этом родители всячески старались дать Лине музыкальное образование. А когда она пошла в первый класс, родители купили для сестры игрушечное пианино. Причём вышло это так.

Моя классная руководительница Анна Мелентьевна была очень энергичной женщиной. Несмотря на то что она взяла наш класс, когда ей уже исполнилось пятьдесят лет, Анна Мелентьевна старалась разнообразить нашу размеренную школьную жизнь различными мероприятиями, которые мы поначалу воспринимали как наказание, но затем оценили по достоинству, поняв, какое благое дело учительница делала для нас, сделав нас самым дружным классом в школе и направив чрезмерную детскую энергию в нужное русло. И за это я буду вечно ей благодарна.

Каждый год мы ходили в походы, ездили в театры, музеи, даже на эстрадные концерты. У нас устраивались различные конкурсы, а к праздничным датам мы готовили показательные выступления. За каждым отстающим учеником был закреплён отличник, обязанный оказывать ему помощь в учёбе. В общем, у нас была очень бурная и насыщенная внеурочная жизнь.

И естественно, на каждое проводимое мероприятие приглашались родители. Но моим маме и папе, по-видимому, было слишком обременительно посещать каждое выступление нашего класса, хотя график их работы без лишних проблем позволял это делать, но им было проще придумать ка-

кую-нибудь отговорку, чем порадовать меня своим присутствием.

Но поскольку проводимых мероприятий было очень много, а Анна Мелентьевна была женщиной настойчивой и властной, моим родителям порой приходилось появляться среди присутствующих.

И вот однажды, когда я училась в пятом классе, у нас проводился КВН, приуроченный к празднованию Нового года. Мероприятие проводилось в местном Доме культуры, так что мест там было достаточно для всех, поэтому в зрительный зал мама пришла вместе с Линой. А после окончания проведённого конкурса никто не стал нас выгонять из зала. Все общались, обмениваясь впечатлениями. И в этом момент Лина подошла к роялю, стоящему на сцене, и несколько раз пальцем нажала на клавиши. После чего она потеряла интерес к инструменту и снова вернулась к маме.

Затем все разошлись по домам. А когда мама привела нас с сестрой домой, то сказала, что ей срочно нужно уйти, и оставила нас вдвоём. Через некоторое время она вернулась обратно, и в руках у неё была большая картонная коробка, в которой оказалось игрушечное пианино.

– Линулинка, это – тебе! – радостно вручила мама новую игрушку Лине.

Думаю, если бы в то время в нашей семье были деньги на настоящее пианино, то мама, не задумываясь, купила бы его для своей любимой дочери.

Но сестра даже не взглянула на новую игрушку, продолжив играть в своих кукол. И тогда я решила сама поиграть на пианино.

Я подошла к стоящему на полу инструменту и стала играть знакомые мелодии. Мама услышала это и, вбежав в комнату, отобрала у меня пианино и стала кричать:

– Как ты смеешь играть в игрушки сестры!

– Но она же не хочет, – испуганным голосом прошептала я.

– Значит, потом захочет! Я купила пианино для Линульки, а не для тебя, так что не смей к нему прикасаться! – продолжала кричать мама, и я поняла, что мне опять указывают на моё место.

В своей родной семье я была бесправной сиротой, а Лина – золотым ребёнком, которому разрешалось всё и прощалось всё.

Мама очень хотела записать Лину в музыкальную школу, но сестра категорически отказывалась туда ходить, и со временем родители перестали настаивать. И лишь я украдкой, когда родителей не было дома, позволяла себе играть на игрушечном пианино сестры, подбирая на слух услышанные мелодии.

Однако когда мне было тринадцать лет, родители, вернувшись со своей традиционной прогулки, внесли в дом гитару и вручили её мне со словами:

– Вот! Теперь ты будешь учиться играть на гитаре!

И хотя в моих мыслях никогда не возникало желания выучиться играть на гитаре, так как я мечтала о возможности играть на пианино, я готова была это сделать, если иного способа приобщиться к музыке не было. Но родители, как всегда, сказав «А», совершенно не собирались говорить «Б».

Гитара была не настроена, но родителей сей факт совершенно не смущал, так как они заявили, что я должна сама это сделать. Но вот денег на обучение в музыкальной школе или же на оплату уроков частного педагога они, естественно, давать не собирались. Более того, они даже не желали давать мне деньги на покупку самоучителя, но при этом постоянно твердили мне о том, что я – неблагодарная дочь, которая не ценит внимания своих родителей и отказывается учиться играть на гитаре. А на мои доводы о том, что для этого нужны дополнительные денежные средства, отвечали лишь оскорблениями.

Поэтому я кое-как научилась играть одну единственную песню «Во саду ли, в огороде» и то с помощью подруги, которая брала частные уроки игры на гитаре. И конечно же, для родителей это стало ещё одним поводом для того, чтобы при каждом удобном случае поругать меня.

И впоследствии отсутствие музыкального образования перекрыло мне целый ряд возможностей, которыми я непременно бы воспользовалась, будь у меня хоть какие-нибудь музыкальные навыки.

Когда я выросла, то очень хотела принять участие в ка-

ком-нибудь музыкальном конкурсе, благо талантами Бог не обделил. Но едва отборочная комиссия узнавала о том, что у меня полностью отсутствует какое-либо музыкальное образование, как мне тут же указывали на дверь, не позволяя даже продемонстрировать свои вокальные данные.

У меня не было ни связей, ни денег, ни соответствующего образования, поэтому путь на музыкальный Олимп мне был закрыт.

Это сейчас у нашего народа появилась прекрасная возможность прорваться в ряды эстрадных звёзд, не имея за душой ничего, кроме таланта. Да только мой поезд уже давно ушёл. И хотя дочь постоянно твердит мне о том, чтобы я попробовала свои силы в «Голосе», я не собираюсь следовать её совету.

Посмотрев в Интернете несколько сезонов «Голоса», я сделала для себя определённые выводы. Конкурсанты, чей возраст перевалил за сорокалетний рубеж, имеют шансы достичь определённых успехов в данной программе лишь в том случае, если ранее они профессионально занимались музыкой. А у самоучек без образования есть возможность чего-то добиться лишь при условии, если они молоды и хороши собой, и впереди у них целая жизнь, чтобы всему научиться. Я же стала бы там аутсайдером, от которого бы избавились при первой возможности.

Конечно, есть и другой вариант. Можно было бы нанять преподавателя, который смог бы обучить меня азам нотной

грамоты и помог бы поставить конкурсный номер, с которым я могла бы там выступить. Но, к сожалению, у меня уже пропал интерес к музыке. Это в детстве и в юности я была полна энтузиазма всё испробовать, демонстрируя всему миру свои незаурядные способности, а сейчас мне уже всё равно. Дух покорителя мира, ранее бушевавший во мне, был затоптан теми людьми, с которыми мне не посчастливилось жить, общаться и работать. Я плыву по волнам жизни не как акула, а как планктон, который может быть в любой момент съеден. Очень жаль, но по этой стезе мне не удалось пройти, потому что моим драгоценным родителям была всегда ненавистна мысль, что я могу быть умнее и талантливее их и их обожаемой Линулинки. И потому они старательно зарывали в землю все проблески моих талантов.

Я всё время ходила голодная. И не только потому, что мой организм рос, и ему требовалась еда в качестве строительного материала, а потому что дома меня практически не кормили.

В те дни, когда я посещала детский сад, я питалась только там. А если вечером голод слишком сильно одолевал меня, то мать давала мне головку репчатого лука, как в каком-нибудь средневековье. Другими блюдами меня не баловали.

В отличие от остальных детей я не пробовала ни шоколада, ни конфет, ни иных сладостей. А в те дни, когда я не ходила в детский сад, мой рацион был крайне скуден. Утром чашка

чая или кофе и один бутерброд с сыром или колбасой без масла. На обед – тарелка супа без мяса, а на ужин – только картошка или капуста. Мне давали еды ровно столько, чтобы я не умерла с голоду. Причём такой рацион в отношении меня сохранялся ровно до того времени, пока я не вышла замуж и не уехала от родителей. Мать объясняла подобную скупость следующим образом.

– Мясо полагается только папе, потому что он – мужчина. Сладкое – Линулинке, потому что она маленькая.

Маме, по-видимому, полагалось и то, и другое, а мне – ничего. Всю жизнь меня держали на голодной пайке, и я всегда была настолько худой, что мои рёбра можно было легко пересчитать без рентгена.

Да, ещё следует добавить, что чай и кофе наливались мне настолько слабыми, что до двадцати лет я была уверена, что кофе – напиток жёлтого цвета, а не коричневого.

К тому же у мамы была некая причуда в отношении еды. В хлебе она всегда ела только горбушки. Обычные ломти хлеба она ела только после того, как съедала все корочки. Причём никто не спрашивал ни меня, ни Лину, хотим ли мы съесть горбушку. Это был императивный запрет, за нарушение которого наказывали. Естественно, только меня.

Даже если из хлеба оставалась только горбушка, то это означало, что все должны есть суп без хлеба, так как горбушка полагалась маме.

Хотя, признаться, меня задевала подобная дискримина-

ция, так как когда я ходила в детский сад, там горбушки полагались лишь дежурным, что было неким поощрением их труда. К тому же корочку хлеба было гораздо удобней натирать чесноком, чтобы придать хоть какой-то аромат нашей скромной трапезе. Поэтому для меня получение горбушки означало определённое признание заслуг. Но только дома у нас никакой системы поощрений не существовало. Лишь наказания.

Ещё исключительным блюдом мамы был творог и все молочные продукты. Никому из нас не разрешалось их есть. Мама объясняла это следующим образом:

– Когда я вас рожала, то потеряла много зубов. И теперь мне нужно восстанавливать кальций, который я потратила на вас.

И хотя произносимая фраза и не была адресована персонально мне, но произносилась она всегда в отсутствие Лины. Вероятно, чтобы подчеркнуть мою вину. И поскольку это твердилось мне постоянно, я действительно чувствовала себя виноватой, словно самолично вырвала у родной матери часть зубов.

И хотя мне ужасно хотелось хоть раз попробовать творог, я старалась пресекать эти желания и постоянно твердила себе, что это – моё наказание за то, что из-за меня теперь у мамы во рту стоят коронки.

И только когда я сама забеременела, то поняла, какую чушь внушала мне родная мать. Родив двоих детей, я не

потеряла ни одного зуба, потому что правильное питание и витамины могут предотвратить появление многих проблем. И кто, спрашивается, мешал моей матери в период беременности есть творог и пить витамины? Думаю, только собственная безалаберность, за которую расплачиваться отчего-то приходилось мне.

Однажды, когда я училась в восьмом классе, на уроке труда мы проходили тему, посвящённую еде и калориям. Учительница продемонстрировала нам таблицу калорий и велела посчитать свой дневной рацион. Нужно было записать в тетрадке всё, что мы съели за день и, соответственно, учесть все калории. А выполненную работу следовало сдать ей на проверку. И, признаться, это задание поставило меня в тупик.

Сначала я честно перечислила в тетради всё то, что съела накануне, и сложила килокалории. Получилось около девяти сот. Однако перед выполнением задания учительница предупредила нас, что правильный ответ должен находиться в промежутке между двумя и тремя тысячами килокалорий.

Тогда я стала интересоваться у других девчонок, что вышло у них. И, как назло, абсолютно все укладывались в указанные учительницей рамки. Такого нищенского рациона, как у меня, не было ни у кого.

И тогда я решила пойти на хитрость. Я пополнила свой вчерашний обед якобы съеденной котлетой, а на ужин доба-

вила сосиску. И тогда количество потреблённых килокалорий выросло почти до полутора тысяч.

И хотя эта цифра тоже была меньше требуемой, но врать сильнее мне не позволила совесть. Поэтому я сдала работу в таком виде. И когда на следующем уроке учительница возвращала проверенные работы, то абсолютно все получили за них пятёрки, и только я – четвёрку. И чтобы выяснить причину этого, я подошла после урока к учительнице.

– Света, я просила честно перечислить все продукты, которые были съедены за день, – сказала учительница, глядя через очки на мою работу. – Но твой рацион выглядел чересчур скудно. Девочка твоего возраста не должна есть так мало! Думаю, ты просто забыла указать некоторые продукты. Поэтому я и поставила тебе «четыре».

Да, я действительно солгала в своей работе. Но только не в меньшую сторону, как подумала учительница, а в большую. Интересно, что бы она сказала, если бы узнала об истинном положении дел? Наверное, не поверила бы, как и все остальные. Люди вообще не хотят иметь никакого отношения к чужим бедам, стараясь любым способом абстрагироваться от них, даже если для этого приходится прибегать к самообману.

Я же не стала спорить с учительницей, а лишь убрала свою тетрадь в сумку и пошла на другой урок, так как на душе у меня и без того было мерзко.

Я была такой тощей, что вся одежда висела на мне как

на вешалке. Девчонки постоянно твердили мне об этом, но мне не хотелось этого видеть. И лишь сейчас, глядя на свои детские фотоснимки, я вижу то, что видели они. Я реально была тощей: торчащие ключицы, руки и ноги как палки. А когда в школе измеряли наш вес, меньше меня весила лишь одна девочка, у которой был официальный диагноз «дистрофия 2 степени». Пожалуй, только родители не замечали моей нездоровой худобы.

Подобное отношение ко мне родителей невольно вызывало мысли, что я им не родная дочь, и именно поэтому они относятся ко мне как к нелюбимой падчерице. И если бы это было действительно так, то, безусловно, всё бы легко объяснялось. Но, к огромному сожалению, эти мысли не имели под собой никаких фактических оснований. В том, что я – кровь от крови их, плоть от плоти их, не приходилось сомневаться ни секунду просто потому, что внешне я очень сильно похожа на мать. В то же время выющиеся волосы у меня от отца. К тому же по темпераменту я – копия отца. Например, он и пяти минут не может спокойно посидеть на месте. Ему нужно постоянно что-то делать руками. Поэтому он всегда что-то мастерит. И я тоже не могу сидеть без дела даже перед телевизором. Всё время что-то делаю. Готовлю, шью, глажу, – всё что угодно, лишь бы руки были заняты. Как и отец, я общительная и легко завожу новые знакомства. Ну и главное, что объединяет нас, это – бесстрашие. И если отец реализовал себя в профессиональном смысле, став по-

жарным, то я предпочла заниматься экстремальными видами спорта, в отличие от матери и сестры, для которых любимым времяпрепровождением является просмотр «Дома-2».

И как бы мне не хотелось это признавать, я – дочь своих родителей, которые совершенно не хотят видеть во мне родную кровь. Но когда кто-то из знакомых или незнакомых, увидев меня вместе с матерью, замечал: «Как вы похожи», она всегда отнекивалась и обижалась.

– Да мы совсем не похожи!

Даже не представляете себе, как задевали меня эти слова! Я полагала, что для любого родителя подобное замечание должно восприниматься как комплимент, но, по-видимому, моя мать придерживалась другого мнения по этому поводу.

И с годами наше сходство действительно стало уменьшаться. И однажды, наверное, вовсе сойдёт на нет. По крайней мере, я надеюсь на это, потому что сейчас уже и я не хочу быть хоть в чём-то на неё похожей. И не только в том, как она относится к своим детям, но и внешне.

В отличие от матери, я с ранних лет старалась вести активный образ жизни и заботиться о своём здоровье, насколько, конечно, это было возможно. Я всегда занималась несколькими видами спорта и даже после сорока сохранила стройную фигуру. В то время как для моей матери было достаточно лишь самого факта замужества, чтобы чувствовать себя состоявшейся женщиной. Её тело всегда было рыхлым, а кожа и волосы – неухоженными. Сколько я себя помню, на го-

лове у матери всегда была одна и та же причёска – химическая завивка. Она делала её до тех пор, пока её волосы не стали выпадать, и уже нечего стало накручивать. Она не прокалывала уши и никогда не пользовалась косметикой, как бы я её не уговаривала.

Став старше и начав зарабатывать, я сама стала покупать ей средства для макияжа, но только все мои подарки, видимо, были не ко двору и продолжали пылиться без дела.

Впрочем, я давно заметила, что те женщины, у которых заботливые и любящие мужья, всегда выглядят хуже, чем их подруги, которые неудачно вышли замуж. А всё потому, что нам, горемычным, не за кого прятаться и не на кого опереться, и потому приходится все проблемы решать самой: и деньги зарабатывать, и квартиры выбивать, и путёвки в санатории доставать, и детей в институты устраивать. И для всей этой бурной деятельности нужна подходящая внешность, потому что если ты выглядишь, как кошёлка, то и отношение к тебе будет соответствующее. Вот и приходится каждый божий день стараться выглядеть как супермодель на подиуме. И лишь им, женщинам, счастливым в своём замужестве, можно расслабиться и питаться по вечерам плюшками и булочками, радуя свои желудки, и валяться на диване перед телевизором, просматривая очередную мыльную оперу, а не проводить время в тренажёрном зале.

В детстве меня постоянно били. Редкий день обходился

без наказания. Причём меня не просто слегка ударяли по попе или щёлкали по лбу. Это было настоящее ритуальное наказание, которое проводилось по всем правилам. Отец вынимал из брюк ремень, с меня снималась вся одежда ниже пояса, включая трусы, после чего начиналось избиение, пока у отца не уставала рука.

А били меня практически за всё. Стоило сестре захныкать, как отец тут же доставал ремень и бил меня, не разбираясь, в чём дело. Но у нас в семье подразумевалось, что если Лина чем-то недовольна или обижена, то исключительно по моей вине, так как это я обидела сестру. Даже если та просто споткнулась на ровном месте и упала. В этом случае моя вина состояла в том, что я не уследила за сестрой, даже если в этот момент я выполняла какое-то другое родительское поручение.

Так продолжалось до тех пор, пока у меня не установились месячные. И так как они были у меня очень долгими и обильными, и я могла бы залить кровью всю квартиру, если бы отец продолжил в эти дни избивать меня, то родители стали использовать другой способ наказания и унижения, обзывая и оскорбляя меня. Но, скажу честно, это было ещё хуже, чем быть избитой.

Меня били за всё. Приведу пример.

У нас в семье было принято так: когда родители возвращались из магазина домой, я должна была бежать в коридор и забирать у них сумки, что я всегда и делала.

К слову, когда я заканчивала первый класс, мы переехали из коммунальной квартиры в двухкомнатную. В большой комнате размещались родители, а в маленькой – мы с сестрой.

И вот в один из дней родители вернулись домой из магазина, и мама вручила мне литровую банку яблочного пюре, которую требовалось отнести на кухню и поставить на стол. Квартира у нас, как и у всех в советское время, была крошечной, и потому расстояние от коридора до кухни составляло примерно два-три метра. И в тот момент, когда банка яблочного пюре была у меня в руках, подбежала Лина с криками: «Дай, я сама!». При этом мне тогда было где-то лет десять, а сестре, соответственно, пять с половиной. И, прекрасно зная о том, что если я скажу Лине «нет», она тут же начнёт голосить во всё горло, и меня снова побьют ни за что, я решила не нарываться на неприятности и аккуратно вручила банку сестре, искренне полагая, что несколько шагов до кухонного стола она пройти в состоянии. Но я ошиблась. Не пройдя и метра, сестра уронила банку, которая разбилась вдребезги.

Что было дальше, предположить несложно. Папа снял с себя ремень и начал бить меня, а мать стояла рядом и причитала.

– Я так хотела поесть яблочного пюре! Шла домой и всю дорогу мечтала об этом! А ты даже не смогла донести банку до кухни! Как ты могла отдать такую тяжесть Линулинке? Ты же знала, что она – всего лишь ребёнок, и ей нельзя носить

тяжёлые вещи!

О том, что я тоже ребёнок, родители, по-видимому, предпочитали не думать.

А когда отец закончил бить меня, я подошла к матери и сказала:

– А если бы я не дала Лине эту банку, и она бы заплакала, вы бы тоже наказали меня?

Она ничего не сказала, а лишь недоумённо посмотрела на меня. Я же продолжила:

– Как бы я не поступила, вы бы в любом случае сочли меня виноватой и наказали.

А для прояснения картины добавлю, что литровая банка яблочного пюре в то время стоила 52 копейки. Поэтому даже человек с очень скромным доходом мог бы позволить себе покупать её каждый день. Но для моей матери это не было аргументом. Наказав меня, она немного успокоилась, а затем они с папой снова сходили в магазин и купили ещё одну банку яблочного пюре. Но только в этот раз меня к покупкам не подпустили.

В пятнадцатом-шестнадцатом веках при английском дворе была такая должность «мальчик для битья». Поскольку принцев, как особ королевских кровей, учителя не имели права наказывать, то для этой цели при наследнике престола всегда находился другой мальчик, которого пороли вместо принца, когда тот не сделал уроки или в чём-то провинился.

«Мальчик для битья» часто сам бывал благородных кровей и воспитывался вместе с принцем. Со временем в будущем короле пробуждались чувства эмпатии и сострадания к своему товарищу, которого наказывали за чужую вину, и принц начинал лучше учиться и хорошо себя вести, чтобы его товарищу не пришлось лишний раз получать побои, и, став королём, часто щедро награждал его, даруя титулы и поместья. Но в случае с Линой эффект от подобного метода был прямо противоположным.

Что бы Лина не натворила, наказывали всегда меня. Либо за то, что недосмотрела за сестрой, либо за то, что якобы наябедничала на сестру, сказав: «Это не я!», когда родители, увидев проказы Лины, спрашивали, кто это сделал. И когда я спрашивала родителей, что же я должна говорить, по их мнению, когда они выясняют, кто в квартире нахулиганил, они отвечали одно:

– Ты не должна всё сваливать на сестру!

– Но если это действительно не я! Я вообще была в школе!

Что же я должна брать вину Лины на себя?

На что родители отвечали:

– Всё равно! Ты не должна была всё сваливать на сестру!

После чего меня били, чтобы внушить, что я виновата в любом случае.

Полагаю, поначалу Лина не понимала, что меня наказывают вместо неё. Но став старше, она смекнула, как это удобно, и вместо того чтобы проникнуться сочувствием ко мне, она,

наоборот, стала всячески пользоваться своим привилегированным положением, сваливая на меня абсолютно все свои проделки и хулиганства, заранее зная, что родители во всём обвинят меня, и даже если я буду оправдываться, они мне никогда не поверят.

Меня постоянно били за оценки. Так, если я приносила из школы какую-нибудь другую оценку, кроме пятёрки, это было поводом для наказания. При этом мама каждый день внушала мне, что она всю жизнь была отличницей и, чтобы получить медаль, ей не хватило совсем чуть-чуть. И они с папой были такими блестящими учениками в своей школе, что мне с ними никогда не сравниться. Но стоило мне попросить их о помощи в каком-нибудь домашнем задании, как тут же слышался ответ:

– Мы с папой окончили школу десять лет назад! Думаешь, мы что-нибудь помним?

Потом слово «десять» изменялось на другую цифру, но ситуация от этого лучше не становилась.

Когда в четвёртом классе нас разделили на группы по языкам, которые нам предстояло изучать, то я, естественно, выбрала немецкий, потому что его учили мои родители. Все остальные ученики нашего класса делали выбор по такому же принципу, для того чтобы потом было к кому обратиться за помощью. Но я жестоко ошиблась.

Родители не помогали мне даже в элементарных заданиях.

Впрочем, потом в этом не было необходимости. Я и без их муштры училась хорошо, потому что чем-чем, а мозгами Бог не обидел. Но каково же было моё изумление, когда однажды я нашла их аттестаты и увидела оценки. Оба они были откровенными троечниками! Причём пятёрок в их аттестатах не было вовсе, а четвёрки были лишь по труду и физкультуре. А по остальным предметам были тройки! И это при том, что меня они били за каждую четвёрку! Представляете, что было бы со мной, если бы я приносила домой тройки или, не дай Бог, двойки! Они бы, наверное, убили меня!

И конечно же, я не стала молчать, а подошла к матери с очередным вопросом.

– Мама, ты всегда говорила, что вы с папой были лучшими учениками в школе, и лишь по случайности не получили медали, но в ваших аттестатах стоят одни тройки! Там даже пятёрок нет!

– Да, я всю жизнь была отличницей, – продолжала настаивать мать на своей версии событий. – Но в последний год слегка расслабилась. Подружка часто звала меня на танцы, потому что одна она туда идти не хотела, вот мне и приходилось составлять ей компанию. Поэтому я немного отстала в учёбе.

Да, эта история была настолько сильно притянута за уши, что даже я со своей слепой верой в материнские слова, не могла с ней согласиться. Я прекрасно представляю себе, что такое сельская школа, и как легко там получить хорошую

оценку, потому что учителя всегда оказываются родственниками или хорошими знакомыми своих учеников и потому стараются не портить детям аттестаты.

К тому же, знаю по опыту, что если какой-то ученик все время учился хорошо, то последний год его валить не будут. Ему будут продолжать ставить хорошие оценки в память о былых заслугах. И чтобы какой-то ребёнок, который на протяжении девяти лет был отличником, внезапно окончил школу с одними тройками, это – нонсенс.

Так зачем нужно было врать, приписывая себе несуществующие заслуги? Наверное, чтобы за счёт моего унижения возвыситься самим.

И когда я окончила школу с медалью, я до последнего момента не сообщала родителям об этом, чтобы у них не было возможности порадоваться, потому что их заслуги в этом не было. Я получила медаль не благодаря им, а вопреки. И потому они не имеют права гордиться плодами моих трудов. И дело было даже не в том, что они никогда не помогали мне в учёбе, а в том, в каких условиях мне приходилось делать домашние задания.

Наверное, излишним будет говорить о том, что у меня не только не было своей комнаты, но не было даже своего угла. Только кровать, на которой днём спали мои родители, не удосуживаясь потом даже постирать бельё. Тем самым они заразили меня грибковым заболеванием, от которого я до сих пор не могу до конца вылечиться, хотя потратила на это

уйму денег и прошла через ряд крайне болезненных процедур по удалению ногтей. И ещё в своё оправдание добавлю, что за восемнадцать лет супружеской жизни я не заразила мужа этим заболеванием. Вероятно, из-за моей чистоплотности и постоянно проводимому лечению. Но сейчас речь не об этом.

Из-за отсутствия письменного стола, письменные задания мне приходилось делать на коленях, из-за этого я стала сутулиться, потому что необходимость сидеть несколько часов в неудобном скрюченном положении ничем хорошим никогда не заканчивается.

Я уже упоминала о том, что кто-нибудь из родителей всегда был дома, а порой они оба находились дома. И чтобы не скучать, они всегда включали либо телевизор, либо радио. Естественно, на полную мощность. И мои жалкие попытки снизить уровень шума в квартире под предлогом того, что мне нужно делать уроки, естественно, в расчёт не принимались. Стоило мне сказать родителям хоть слово, которое было поперёк их воле, отец тут же хватал меня за шиворот и выставлял из квартиры вон в той одежде, в которой я была. Иногда я оказывалась на улице босиком.

И со временем я поняла, что пытаться взывать к голосу разума родителей бесполезно. Они хотели, чтобы я училась на «отлично», но при этом делали всё, чтобы у меня не было никакой возможности заниматься дома. Поэтому я стала уходить делать уроки на улицу. Когда в лес, а когда на берег

реки. Всё зависело от погоды.

Особенно долго мне приходилось бывать на улице, когда нам задавали выучить что-то наизусть. Я уходила куда-нибудь подальше вместе с учебником и там занималась. Мои одноклассники до сих пор вспоминают о том, что настолько привыкли видеть в моих руках книги, где бы я не находилась, что когда у меня с собой ничего не было, это их крайне удивляло.

А когда по физике или по химии задавали сделать лабораторную работу дома, то я брала с собой тетрадки и шла к какой-нибудь подруге, чтобы у неё в гостях оформлять свою домашнюю работу.

И из-за того что я всё время нервничала по поводу оценок, уже в тринадцать лет у меня начались серьёзные проблемы с желудком. Стрессы ни для кого не проходят бесследно и обычно ударяют там, где у человека слабое место. Вероятно, из-за постоянного недоедания у меня слабым местом был желудок. А к семнадцати годам у меня впервые открылась язва. Я тогда сдавала вступительные экзамены на юридический факультет МГУ, но не прошла по баллам. Я так сильно нервничала, что открылась язва.

Когда я говорила родителям о болях в желудке, они только отмахивались. В ответ папа называл меня «тунеядкой», «лентяйкой» и «дармоедкой», а мама просто смотрела на меня стеклянным взглядом. Мне же становилось всё хуже и хуже. И однажды я упала в обморок от боли. После этого мама

заварила тысячелистник и велела мне пить этот отвар, заявляя, что денег на лекарства нет.

Как я тогда не умерла, не знаю. Боли были страшные. Меня крутило так, что казалось, все кишки выворачивались. Меня постоянно рвало. Я не могла есть, и поэтому меня рвало желудочным соком. А родители даже не сочли нужным вызвать «Скорую помощь». Три недели я корчилась от боли, и лишь на четвёртую смогла подняться с кровати. Мне было очень плохо. Перед глазами всё плыло, а родители, обрадовавшись, что я уже встала на ноги, стали загружать меня всякой домашней работой. А мне хотелось убежать из этого дома куда подальше, но впереди предстоял ещё год до новой возможности поступления в ВУЗ, и нужно было как-то приноровиться к этому обстоятельству. На крошечную зарплату я устроилась на работу в Москве, и потому все дни я проводила там. И хотя это было очень утомительно и невыгодно в плане финансов, в этом был один большой плюс. Я практически не бывала дома и не общалась с родителями, и это обстоятельство окупало все остальные трудности и недостатки.

Вспоминаю всё это сейчас и думаю, как же я это выдержала и не сломалась? Не опустилась на дно жизни и не пустилась во все тяжкие назло родителям? Не знаю. Наверное, это была тренировка перед моей семейной жизнью с мужем и свекровью, которые пили мою кровь почти также или даже ещё сильнее.

Кстати, точно так же, как родители отказывали мне в еде, точно так же они отказывали мне в одежде. Весь мой гардероб составляла школьная форма. И спортивная, конечно же, так как без неё меня не пустили бы на уроки физической культуры. И всё. Другой одежды у меня не было в принципе. Поэтому я очень рано начала шить, покупая по дешёвке бракованную ткань в комиссионном магазине. Причём приобретала её за свои деньги, которые зарабатывала, работая на ткацкой фабрике с четырнадцати лет.

В советское время для школьников существовало такое понятие как производственная практика, проходить которую нужно было с 8 класса. И вот раз в неделю после уроков мы ездили на ткацкую фабрику, где работали наравне со взрослыми. Только наша смена была укороченной, да и платили нам за работу меньше, чем штатным сотрудницам.

А начиная с 9 класса, один день в неделю вместо уроков мы должны были работать. Причём нам предоставлялось право выбора. Те дети, которые имели обеспеченных и любящих родителей, шли на практику в медсанчасть, где в течение часа, максимум, двух, крутили ватные тампоны и мыли пробирки из-под анализов. Денег за эту работу они не получали, ну да они особо и не уставали от этих обязанностей.

Были ещё и занятия по радиотехнике, а также работа в магазине. Но я, как самая нищая и обездоленная, выбрала самую тяжёлую работу, за которую платили реальные деньги.

Но всё это было в старших классах, а до этого времени с

одеждой у меня была просто беда.

Как-то раз, когда мне было двенадцать лет, моя подруга Алла сказала:

– Света, нельзя так плохо одеваться! Разве тебе совсем нечего надеть?

В ответ я лишь промолчала. Что я могла сказать? Да, мне совсем нечего надеть, потому что мои родители на все просьбы отвечали одной фразой: «У нас нет денег», что совершенно не мешало им каждый месяц баловать Лину обновками. И причём не какими-то дешёвыми тряпками, а красивыми импортными вещами, которые в то время стоили во много раз дороже советских.

Но если с верхней одеждой вопрос худо-бедно решался, ведь гулять по улице можно и в спортивном костюме, то с бельём была просто беда.

Когда я вырастала из школьной формы, родителям всё же приходилось покупать новую, чтобы не позориться перед учителями, которые в советское время не молчали, если замечали несправедливость по отношению к ребёнку. Но трусов у меня было лишь две штуки. И покупались они минимум лет на пять. Что неудивительно, ведь они шились из трикотажной ткани, которая отлично растягивалась, особенно от многочисленных стирок. Поэтому мне в прямом смысле приходилось донашивать трусы до дыр.

Однажды, когда мне было пятнадцать лет, и, как обычно, меня одну отправили на оставшуюся после производствен-

ной практики часть каникул к бабушке, я постирала своё бельё и развесила на верёвке сушиться. Мои трусы, возраст которых уже перевалил за пять лет, были настолько дырявыми, что их даже зашивать было бессмысленно. И чтобы не позориться перед родственниками, я постаралась их повесить на верёвке так, чтобы как можно меньше дыр было видно. Но бабушка всё равно это заметила.

– Что ж тебе мать трусы не может купить? – укоризненно произнесла она, с сожалением глядя на меня.

Я замялась, не зная, что сказать в ответ. А бабушка подошла к шкафу и достала оттуда новые панталоны, которые вручила мне.

– Носи хоть эти, пока мать тебе новые не купит.

Я поблагодарила бабушку, не решившись в летнюю жару одеть панталоны. Но я их сберегла, и они по сей день лежат у меня на полке вместе с остальным бельём. Я их одеваю лишь тогда, когда холодно, и каждый раз вспоминаю бабушку, у которой сердце было настолько большим и добрым, что его тепла хватало на всех детей, внуков и правнуков.

Такая же плачевная ситуация обстояла и с верхней частью женского белья.

Несмотря на то, что с фигурой у меня всегда был полный порядок, по-видимому, мать считала, что бюстгальтер мне не нужен в принципе, потому что никогда по собственной инициативе не покупала его.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я, собравшись

с духом, попросила маму купить мне бюстгальтер. Ведь все мои подруги уже давно носили лифчики, и лишь я одна ходила по улицам в футболке, через которую всё просвечивалось.

В ответ мама кивнула и, действительно, купила мне бюстгальтер. Конечно же, самый дешёвый и самого маленького размера. Увидев покупку, я так обрадовалась, что даже не придавала значения тому, что он был мне мал, и носить его было невозможно.

Каждое утро я мужественно влезала в него, но не застёгивала, потому что он был мне не по размеру. И так я ходила несколько месяцев, пока потом сама не купила себе новый бюстгальтер на заработанные деньги.

Мне было жутко стыдно это делать! В советские времена, к сожалению, не было магазинов белья, в которые можно было бы зайти и выбрать понравившуюся вещь, примерить её, а затем оплатить на кассе. Раньше предметы женского белья располагались на полках за спиной у продавца в промтоварном магазине. И чтобы приобрести обычный лифчик, нужно было попросить необхватных размеров тётеньку-продавца подать его, осмотреть в присутствии остальных покупателей разного пола и разных возрастов и, не примеряя, поскольку примерочных кабин в магазине не было, сразу же оплатить.

И если учесть тот факт, что я и понятия не имела о том, какой размер мне нужен, приходилось делать это на глазок под

пристальными взорами многочисленных покупателей, которых совершение кем-то подобной покупки всегда приманивает, как магнитом. Но я знала, что если снова попрошу маму, то услышу в ответ отказ под тем предлогом, что однажды она уже купила мне бюстгальтер и, как всегда, денег у нас нет, поэтому я собрала в кулак всё своё мужество и прошла через это: прилюдную покупку верхней части женского белья.

Дальше было проще. На следующий год я купила себе новый лифчик, на размер больше предыдущего. А ещё через год новый бюстгальтер большего размера. Теперь это уже не составляло для меня труда. Стеснение прошло, и помощь матери в этом вопросе мне уже не понадобилась.

Но всё это было потом, после четырнадцати лет, когда я смогла зарабатывать. А до этого времени мне постоянно приходилось сталкиваться ещё с одной проблемой.

Точно так же, как мать не считала нужным покупать мне бюстгальтер, точно так же она не считала нужным покупать мне купальник. До тринадцати лет мне приходилось ходить на речку и загорать в одних трусах, которые, как я уже упоминала, имели не слишком приглядный вид и совсем не были предназначены для того, чтобы кому-либо их демонстрировать.

Поэтому когда у меня начала увеличиваться грудь, я просто перестала купаться на речке. Да, я ходила на пляж вместе с друзьями за компанию, но не раздевалась, объясняя это

тем, что моя кожа не восприимчива к загару, и я боюсь обгореть.

В то же время моей сестре мама покупала купальники каждый год, начиная с семилетнего возраста. Хотя ей как раз-то купальник и не требовался. Сестра всегда была плоской. Она даже лифчики никогда не носила, потому что они были ей без надобности. Правда, я слышала, что сейчас она располнела, и, возможно, теперь она уже использует эту часть женского белья, но я не могу сказать об этом с уверенностью, потому что не видела её несколько лет.

И вот лишь когда мне исполнилось тринадцать лет, и наш класс собирался идти в поход на озеро с ночёвкой, мама наконец-то сооблаговолила купить мне купальник.

Он был самый простой: из ситца коричневого цвета с дурацкими цветочками и ужасными рюшами. Но когда я его увидела, он показался мне самым прекрасным купальником на свете, потому что, во-первых, это был самый настоящий купальник, пусть и купленный за копейки, а во-вторых, он был отдельный. И на моей худенькой фигуре он смотрелся очень даже неплохо.

Правда, уже через год я сама купила себе купальник голубого цвета из полиэстера и без рюшек, потому что прошлогодний мне был уже мал, а ситец, к сожалению, не тянется. Хотя для моих родителей это не было аргументом в пользу новой покупки. И мне пришлось снова тратить свои заработанные гроши, чтобы избежать новых неловких ситуаций с

друзьями и родственниками.

Причём когда я что-то себе шила, то постоянно слышала от матери упрёки по этому поводу.

– Зачем ты всё время шьёшь? – возмущалась она. – У тебя же ничего не получится! Зря только деньги на ткань переводишь!

Но у меня получалось. Да так хорошо, что все подруги хвалили, а некоторые даже делали заказы. Но для матери и это не было аргументом в пользу моих способностей. Она твердила, что лучше купить вещь на рынке, чем пытаться что-то сшить. И при любом удобном случае она критиковала все мои изделия и старалась избавиться от них под любым предлогом. Например, когда я брала в деревню часть своих вещей, то, возвращаясь домой, мать не позволяла мне их привозить обратно.

– Нечего возить вещи туда-сюда! – твердила она мне. – Вот на следующий год приедешь и снова будешь их здесь носить.

И я слушала её, оставляя одежду в бабушкином шкафу. Но приезжая в деревню на следующий год, ничего там не находила, потому что за это время родственники, навещавшие бабушку, благополучно забирали у неё всё, что можно. Ведь многие действительно оставляли у бабушки одежду, которая становилась мала, чтобы её забрали те, кому она ещё может пригодиться. Так что концов пропавших вещей найти было невозможно. И я снова садилась за швейную машинку и ши-

ла себе платья, юбки и блузки. А мать снова критиковала мою работу, что, впрочем, со временем не помешало ей самой начать делать мне заказы.

И даже когда я вышла замуж и стала жить отдельно, мать периодически спрашивала меня:

– Ты до сих пор шьёшь?

– Да, – отвечала я. – Мне это нравится, и у меня хорошо получается.

– Зря, – назидательно говорила она. – Разве не проще поехать на рынок и купить то, что понравится? Сейчас продают столько красивых вещей! И совсем недорого!

– Но то, что я шью, ни на одном рынке и ни в одном магазине не купишь! Я шью красивую и качественную одежду тех цветов и из той ткани, которая мне нравится, а не покупаю дешёвый ширпотреб! Ты даже не представляешь, сколько стоит костюм из натуральной шерсти! А я могу сшить его сама, и обойдётся он мне гораздо дешевле!

– Я тебя просто не понимаю! – снова возмущалась мать. – Ну ладно ещё в детском возрасте ты занималась этой ерундой! Я мирилась с этим, потому что ума у тебя не было. Но сейчас, когда ты стала взрослой, ты до сих пор не можешь понять, что всё это – бесполезная трата денег! Разве можно носить то, что ты шьёшь? Разве тебе не стыдно выходить на люди в той одежде, которую сама сшила?

– А почему мне должно быть стыдно? Разве у меня руки не из того места растут? Да когда мои коллеги на работе

узнают, что платья и костюмы, в которых я хожу на работу, сшиты мной, все восхищаются и сразу же принимаются делать заказы! Только тебе не нравится моё шитьё! И к твоему сведению, мне было бы стыдно выходить на люди в одежде, купленной на распродаже на дешёвом рынке, а не в той, которую сшила сама!

Это был камень в её огород, потому что мои родители всегда предпочитали покупать одежду на самом дешёвом рынке, который только можно было найти. И не потому, что у них и в самом деле не хватало денег. А потому что они предпочитали её часто менять. Они искренне считали, что настоящим показателем достатка является возможность полностью обновлять свой гардероб каждый месяц. А качество приобретаемой одежды для них значения не имело. Исключение делалось лишь для Линулинки, одежду для которой покупали лишь модную и импортную. Да и ту постоянно обновляли.

И на сказанную мной фразу мать не преминула отреагировать.

– Да я о тебе забочусь! О том впечатлении, которое ты производишь на людей!

– Знаешь, а люди порой видят гораздо больше и глубже, чем ты можешь себе представить, – ответила я.

Ещё один казусный случай с одеждой произошёл году этак в 1987.

Тогда у нас в городке пошла мода на телогрейки. И я по-

просила родителей купить её для меня. На удивление, они сразу же согласились. Теперь-то я понимаю, что было причиной этого. Детская шуба на искусственном меху стоила более ста рублей, а телогрейка всего пятнадцать. И естественно, возможность такой экономии не могла не заинтересовать моих родителей.

И вот я всю зиму рассекала по городу в телогрейке, вызывая зависть тех моих одноклассников, которым их обеспеченные родители категорически отказались покупать данный вид рабочей одежды.

И впоследствии, когда я просила маму и папу купить мне что-нибудь из одежды, они постоянно отвечали отказом, гордо бросая мне в лицо следующий аргумент:

– Да в твои годы мы в телогрейках ходили!

– Я тоже в телогрейке ходила! – не тушуясь, отвечала я им.

– Но это ж было модно!

– Думаю, что и в ваше время это тоже было модно, – отвечала я. – Вряд ли вы были в деревне единственными детьми, которые ходили зимой в телогрейках, в то время как все остальные гуляли по улицам в дублёнках или в шубах из натурального меха!

На это родители ничего не могли возразить, но всё равно не соглашались приобретать мне обновки.

Был ещё случай, связанный с одеждой, о котором даже неловко вспоминать.

Мне было пятнадцать лет, и я уже понемногу зарабатыва-

ла на ткацкой фабрике, поэтому у меня всегда был небольшой финансовый запас на экстренный случай. И вот однажды, когда я возвращалась домой от подруги, с которой мы вместе делали школьную стенгазету, то по привычке я зашла в промтоварный магазин, ведь развлечений у нас в городе практически не было, и просмотр немногочисленных витрин был частью нашей городской жизни.

Но в этот раз в магазине была огромнейшая очередь. А для советского человека это было всё равно, что красная тряпка для быка на испанской корриде. Не разбирая причины подобного столпотворения, я сначала заняла очередь и только потом выяснила, что, оказывается, в магазин привезли индийские велюровые кофточки.

Предупредив стоящую за мной женщину о том, что я ненадолго отбегу домой, я, что было сил, помчалась за своими деньгами.

Мать в это время была дома. Увидев мою взмыленную физиономию, она спросила:

– Светка, что случилось?

– В промтоварном магазине продают индийские кофточки, – на ходу выпалила я. – Очередь я заняла. Хочешь, пойдём вместе?

– Нет, – ответила мама, не проявляя интереса к кофточкам. – Если тебе нужно, покупай. А я останусь дома.

Что ж, это был её выбор. И я снова помчалась в магазин. Отстояв целый час в очереди, я всё-таки купила заветную

кофточку, которая оказалась намного красивее, чем я предполагала. Она была нежно-розового цвета с вышитыми бисером цветами. И увидев это великолепие у себя в руках, я так обрадовалась, что и не передать.

Кстати, купленная мной кофточка была последней, да и ту я получила чудом. За пару человек до меня продавщица объявила, что товар закончился. Все расстроились и начали расходиться. Но я-то знала, что торопиться не стоит. А дело было в том, что у каждого человека есть ниша, в которой ему всегда везёт. Это – закон жизни. Закон равновесия. Какие бы несчастья не преследовали человека по жизни, всегда существует та область, в которой ему всегда улыбается удача. Так вот моё феноменальное везение заключается в следующем. Первое. Мне всегда везёт с транспортом. Если я куда-то собралась ехать, то всегда будут подходящие билеты, погода будет лётной, вместо сломанных автобусов дадут дополнительные, а если я опаздываю на какой-нибудь рейс, то его отправление по каким-либо объективным причинам задержат. Словно специально для меня. А если я всё же и умудрюсь куда-нибудь опоздать, то в итоге окажется, что это опоздание будет на редкость удачным, так как избавит меня от неожиданных проблем, с которыми мне пришлось бы столкнуться, если бы я прибыла вовремя. Например, с задержкой багажа, который не успели погрузить на тот самолёт, на который я опоздала.

Второе. Какую бы покупку я не собиралась сделать, на мне

товар никогда не заканчивается. Это императивное правило не имеющее исключений. Я могу взять последнюю вещь, но чтобы товар закончился прямо передо мной, такого не бывает в принципе.

И поэтому, зная о своём везении, я продолжила стоять у прилавка. А продавщица, глядя на меня, сказала:

– У меня остались три отложенные кофточка. Если женщины, которые их отложили, не придут в течение пяти минут, то я смогу пустить их в продажу.

Я обрадовалась, и, конечно же, благополучно подождала пять минут, по истечении которых стала обладательницей новой кофточки.

Не чуя ног от радости, я прибежала домой и сразу же стала примерять обновку.

Мать тут же отвлеклась от просмотра телевизора и подошла ко мне.

– Дай я примерю! – потребовала она.

Купленная кофточка была сорок шестого размера, и мне она была чуть великовата. Но её фасон, имеющий рукава «летучая мышь», позволял одевать её на любую фигуру. И если на мне кофточка сидела свободно, то на матери, имеющий в то время сорок восьмой размер, обновка была чуть в натяг.

– На мне она тоже хорошо сидит! – вертясь перед зеркалом, сказала мама.

И, неожиданно повернувшись ко мне, она проговорила:

– Светка, подари её мне!

От услышанного я чуть не поперхнулась воздухом.

– Но я же предлагала тебе идти в магазин вместе со мной! – принялась я отстаивать свою покупку. – Но ты сказала, что тебе эта кофточка не нужна!

– Но я же не видела, какая она! – продолжая смотреть на своё отражение в зеркале, ответила мать.

– Но я купила её за свои деньги! Я работала несколько месяцев, чтобы накопить эту сумму! Я целый час в очереди отстояла! – выкладывала я матери свои аргументы.

– А у меня скоро день рождения, – беспечно проговорила она в ответ, полагая, что её довод будет более весомым.

– Но мне же совсем нечего носить! На следующей неделе у нас в школе будет дискотека, а мне на неё вообще нечего надеть! А теперь у меня есть эта кофточка, которую я смогу надеть и на дискотеку и потом ходить в ней в гости к подругам! – продолжала отстаивать я свою позицию.

– Значит, ты собираешься оставить меня на день рождения без подарка? – не снимая обновки, продолжала давить на меня мать.

– Вообще-то я уже приготовила тебе подарок, – смущённо ответила я.

– Но ты сможешь подарить мне его на другой праздник! А сейчас я приму от тебя эту кофточку, – настаивала мать, совершенно не смущаясь того, что собирается забрать у своего ребёнка единственную приличную вещь, на которую он сам

заработал и сам купил.

– Нет, мама, – твёрдо ответила я. – Я купила эту кофточку для себя и за свои деньги. А ты отказалась пойти со мной в магазин, хотя я тебе предлагала. Поэтому я тебе её не отдам!

Признаться, я готова была пойти матери на уступки, если бы и она немного уступила мне. Если бы, предположим, в обмен на эту кофточку она предложила бы мне купить что-то другое, аналогичное по стоимости, то я бы, не колеблясь, согласилась. Пусть даже если бы новая купленная вещь не была бы такой роскошной. Но мать ничего не хотела мне отдавать. Она желала лишь забрать у меня последнее, как это она делала всегда, и потому я тоже не собиралась ей уступить. Тем более что я считала, что тратить сорок рублей на подарок матери, которая никогда и ничего не дарит мне на дни рождения, а если что-то и покупает на Новый год, то тратит на это не более пяти копеек, как-то несправедливо.

Но мать продолжала меня уговаривать, а я продолжала отказываться. В итоге с нескрываемым сожалением она сняла понравившуюся кофточку и отдала мне. Я же, от греха подальше, постаралась надевать эту кофточку как можно реже и носила её только в тех случаях, когда мне нужно было куда-то уйти.

Сколько себя помню, родители всегда загружали меня домашней работой. Про ежедневные походы на молочную кухню перед детским садом я уже упоминала. Чем старше я ста-

новилась, тем больше обязанностей на меня возлагалось. Начиная с семи лет, я уже сама ходила в магазин за продуктами. Причём не за мороженым или за хлебом, а за всем. За молоком, за картошкой, за рыбой для кота. Причём на другой конец города.

Кстати, кот тоже был полностью на моём попечении, хотя принесла его в дом Лина, и предполагалось, что именно она будет о нём заботиться. Но она забыла о котёнке в ту же секунду, как внесла его в дом, потому что без малейших угрызений совести ушла гулять, оставив мяукающего зверька в квартире со мной. И мне пришлось учить его лакать молоко из блюдца, приучать гулять на улице и возвращаться домой, приучать к чистоте, мыть шампунем от блох, а когда он болел, самой возить к ветеринару на общественном транспорте, пряча кота у себя под курткой.

И ещё я каждый день ходила и набирала в большую жестяную банку из-под кильки песок, чтобы у нашего питомца была возможность справлять свои естественные надобности дома. А на следующий день нужно было выбрасывать использованный песок и набирать новый. А Лина только гладила кота, когда ей хотелось. Но при этом все считали, что это был её домашний питомец. Хотя, думаю, что даже кот вряд ли бы с этим согласился.

В то время магазинов у нас в городе было мало, и в них всегда были очереди. Стоять приходилось очень долго. Порой по несколько часов. И потому утром воскресного дня,

так как в остальные дни нужно было посещать школу, мама будила меня пораньше, вручала трёхлитровый бидон и отправляла за молоком. И хотя молоко в магазины так рано не привозили, но очередь начинала выстраиваться чуть ли не с шести утра. И в полусонном состоянии я становилась в эту очередь и ждала, пока приедет машина с молоком. Часам к десяти в продаже появлялось молоко, которое я благополучно покупала и несла домой.

Днём меня отправляли за другими покупками, в перерывах между которыми я делала уроки.

И ещё я всегда выносила мусор. В советское время мусорные контейнеры не стояли около домов, как сейчас. Раньше в определённое время вечером приезжала мусорная машина, и все жильцы близлежащих домов с ведрами подходили к этой машине и выбрасывали в неё мусор. Иногда машина опаздывала, и приходилось ждать. И в любую погоду, в любое время года вечером я выходила с мусорным ведром на улицу и шла к тому месту, куда должна была подъехать мусорная машина, и ждала её появления. Никто другой в нашей семье эту работу не выполнял. И лишь через несколько лет у нас за домом появились мусорные контейнеры, и уже тогда можно было выносить мусор в любое время суток.

Со временем к моим обязанностям добавилась ещё и стирка белья, его глажка, уборка квартиры пылесосом и приготовление домашних заданий сестре. А с тринадцати лет я уже регулярно готовила ужины. А мама с папой по вечерам

отдыхали. В родной семье я чувствовала себя Золушкой, так как на меня взвалили практически всю домашнюю работу.

Днём родители любили подолгу ходить гулять. И уходя, всегда давали мне список заданий.

– Светка, до нашего возвращения ты должна сварить суп, вымыть посуду, погладить бельё, пропылесосить пол, – инструктировала меня мать. – И дошей, наконец, Линулинке юбку! Вечно всё тебе напоминать приходится! – ворчливым тоном добавляла она. – А мы с папой по дороге купим хлеб, чтобы потом сразу можно было пообедать.

И как только за родителями закрывалась входная дверь, я, засучив рукава, бросалась на работу. Мыла, чистила, строгала, в перерывах хватаясь за иголку с ниткой, чтобы дошить сестре юбку. И к возвращению родителей всё было готово. Кастрюля с супом дымилась на плите, ковры на полу вычищены, поглаженное бельё лежало в шкафу, а юбка Лины на диване, чтобы можно было убедиться, что она готова. И я надеялась, что увидев результаты моих трудов, родители хотя бы улыбнутся и похвалят меня. Но нет. С недовольным видом родители рассматривали результаты моей работы. И тут папа заглянул под раковину на кухне и с ужасом воскликнул:

– А почему ты мусор не вынесла?

Растерянно хлопая глазами, я пролепетала:

– Так вы же не говорили! Я думала вынести мусор вечером.

– А без напоминания ты сама ничего сделать не мо-

жешь? – сверкая глазами от злости, крикнул отец. – Разве не видно, что ведро уже полное?

– Но я не успела! Я и так за четыре часа сделала всё, что вы велели!

– А мусор не вынесла! – рявкнул отец. – Живо одевайся и выноси ведро, пока моё терпение не лопнуло! – и добавил. – Зла не хватает на эту девчонку!

И во избежание наказаний, я быстренько переобуваюсь, накидывала на себя куртку и, схватив мусорное ведро, бежала на улицу.

Да, вот такой «благодарностью» каждый день потчевали меня родители! И я очень надеялась, что когда сестра подрастёт, часть домашних обязанностей перейдёт ей. Но этого не случилось. И когда я спрашивала маму, почему Лина ничего не делает по дому, мама отвечала:

– Потому что Линулинка маленькая!

– Но я в её возрасте уже и в магазин ходила, и мусор выносила, и квартиру убирала! – возмущённая несправедливостью, восклицала я.

– Не сравнивай! – тут же одёргивала меня мать. – Ты старшая!

– Но я всегда буду старшей, а Лина младшей! Что ж, значит, она никогда ничего не будет делать? – снова спрашивала я.

– Хватит завидовать сестре! Думала, с возрастом у тебя ума прибавится, но нет. Ты, наверное, так и останешься на-

всегда глупым и капризным ребёнком! – переходя на личные оскорбления, завершала разговор мать.

Но в моих опрометчивых словах, действительно, скрывалась правда. Лина росла, но мама тщательно оберегала её ото всех домашних хлопот. И в итоге она выросла как принцесса, которой все вокруг должны восхищаться, лелеять и исполнять её малейшие желания. И вместо помощи в старости, мои родители получили дополнительную головную боль, потому что маме до сих пор приходится варить своей младшей дочери обеды и стирать её бельё, несмотря на то, что Лина давно уже сама стала матерью и вышла замуж, и при этом нигде не работает.

Ещё в школьные годы, когда мне было только двенадцать лет, родители купили фотоаппарат. И он был отнюдь не из тех аппаратов, которые сейчас можно встретить в любом отделе техники. Современные фотоаппараты не требуют никаких дополнительных приспособлений, для того чтобы делать качественные фотоснимки. Достаточно купить фотоаппарат, карту памяти, бумагу, да цветной принтер, и дело в шляпе.

А раньше, в советские годы, сделать фотоснимок было большим делом. Кроме фотоаппарата и плёнки (которая, к слову, была в основном чёрно-белой), требовались ещё и осветительные приборы, фиксаж, проявитель и куча других вещей. А главное, для того чтобы проявлять плёнку и печатать снимки, нужно было отдельное затемнённое помеще-

ние. Но родители ничего об этом знать не хотели, потому что, придя однажды домой с очередной своей прогулки, они положили передо мной новенький фотоаппарат и сказали:

– Мы купили его для тебя, чтобы ты занималась фотографией.

Недоумение отразилось на моём лице. Мало того что я никогда не просила родителей об этом, я даже об этом не думала, но как всегда, меня поставили перед фактом, и я должна была как-то выходить из этой ситуации.

Я стала интересоваться у своих знакомых (а точнее, у их родителей, у которых были фотоаппараты), что необходимо для того, чтобы фотографировать. И мне рассказали об этом процессе в подробностях. Я тогда я поняла, что покупка фотоаппарата – только верхушка айсберга. Нужно потратить ещё много денег для покупки остального оборудования, а также химических реактивов, не говоря уже о дополнительном помещении, которое нужно где-то изыскать. И я сообщила обо всём этом родителям в надежде на то, что они одумаются и спустятся на землю с высоты своей очередной бредовой идеи. Но не тут-то было!

– Хватит придумывать отговорки! – ответили мне в один голос родители. – Мы и так из-за тебя потратили кучу денег, покупая фотоаппарат, а ты, вместо того чтобы поблагодарить, требуешь ещё денег! Во всём мире не найти более неблагодарной и эгоистичной дочери!

– Но я не просила вас покупать этот фотоаппарат! Я да-

же никогда не хотела заниматься фотографией! А если уж вам так хочется, чтобы я это делала, тогда создайте для этого условия!

– Мы и так сделали для тебя слишком много! Хочешь – не хочешь, а чтобы в самое ближайшее время у нас был новый семейный фотоальбом, – заявил мне отец, и, повинуясь предъявленным требованиям, я кое-как сфотографировала родителей и сестру, но напечатать эти снимки я, естественно, не могла.

А родители продолжали требовать от меня новый фотоальбом с теми кадрами, для которых они позировали, но что я могла сделать без денег и без соответствующего помещения? Занимать под эти цели ванную или кладовую родители мне не позволили, поэтому я всё пустила на самотёк. Поскольку они и так меня каждый день за что-то ругали и наказывали, то одним избиением больше или меньше, разницы не было никакой. Но даже с годами тема фотографирования не затихала. И лишь когда я вышла замуж, и в магазинах начали продавать множество доступных фотоаппаратов, для которых не требуется специальное оборудование, родители соизволили купить себе новый аппарат и перестали доносить меня своими требованиями.

Каждое лето все мои подруги уезжали со своими родителями на море. Кто в Анапу, кто в Туапсе, кто в Геленджик. А моя лучшая подруга Алла вместе с мамой всегда отправля-

лась на крымское побережье в приморский город с чудным названием Судак. Мама у Аллы работала учительницей, а у педагогических работников отпуск всегда был длинным. Поэтому ежегодно Алла вместе с мамой проводила по два месяца на крымском курорте. Они снимали комнату у одной и той же женщины, и я даже знала её адрес, потому что за время отдыха подружки на море мы успевали обменяться с ней несколькими письмами, так как в то время переписка была основным средством связи.

И конечно же, мне тоже всегда хотелось поехать на море. Все мои подружки прекрасно умели плавать, и лишь я, сиротинка, могла только барахтаться в лягушатнике, потому что каждый год меня ждала одна и та же участь: работа на огороде в деревне у бабушки.

Едва наступали летние каникулы, как родители благополучно отправляли меня в сельскую местность с глаз долой. А мою младшую сестру ждало другое. Её отправляли в очень хороший пионерский лагерь с прекрасным питанием и разнообразным досугом.

На территории лагеря был бассейн, аккуратные жилые корпуса с чистыми комнатами, а в течение дня у детей была насыщенная культурная программа. Из этого лагеря сестра всегда возвращалась с хорошими впечатлениями и воспоминаниями.

Родители же предпочитали проводить свой отпуск вдвоём, и лишь иногда они составляли мне непродолжительную

компанию в деревне у бабушки. Но такое происходило отнюдь не каждый год. И лишь моё времяпрепровождение не отличалось разнообразием, потому что у бабушки был большой огород размером в 0,33 гектара, и весь он был засеян овощами на продажу. И это означало одно: ежедневную тяжёлую работу.

Каждый день мне приходилось собирать колорадских жуков с картошки, выбирать созревшие огурцы, поливать огород, пропалывать грядки от сорняков и делать тому подобную работу.

Справедливости ради стоит заметить, что, конечно же, я не одна работала там батраком. В первых рядах, несомненно, была сама бабушка, которая всегда могла дать фору своим детям и внукам. Мои многочисленные тёти и дяди вместе со своими мужьями, жёнами и отпрысками периодически в течение лета приезжали, чтобы помочь бабушке. Но они приезжали и через несколько дней уезжали. И лишь одно в этой круговерти дней оставалось неизменным: каждое утро в шесть часов утра бабушка и я поднимались со своих постелей, чтобы идти работать на огороде. И не проходило дня, чтобы я не кляла свою участь, мечтая лишь о том счастливом времени, когда мне не придётся гнуть спину от зари до зари.

И вот когда приближалось лето, я неизменно спрашивала свою маму:

– Когда мы поедem на море?

И она всегда отвечала:

– В следующем году, потому что для этой поездки нужно сначала накопить деньги. За год мы сможем собрать нужную сумму и тогда поедem на море. А в этом году нам нужно помочь бабушке на огороде.

Такие слова успокаивали меня, и я свято верила, что всего через год мои мучения закончатся, и я смогу, наконец-то, как и все цивилизованные люди провести каникулы на море. Смогу увидеть незнакомые места, научусь плавать, заведу новых друзей, – в общем, буду проводить время как нормальный ребёнок, а не малолетний батрак. Но наступал новый год, и история повторялась. Меня снова отправляли в деревню на всё лето, не спрашивая даже о том, хочу ли я этого или нет. И я снова обращалась к маме с вопросом:

– Когда же мы всё-таки поедem на море?

И снова слышала прежний ответ:

– Я же говорила тебе, что для поездки на море нужны большие деньги, которых у нас сейчас нет. В этом году нам не удалось скопить нужную сумму. Но уже осенью мы начнём откладывать деньги, чтобы в следующем году поехать на море.

И я снова успокаивалась, свято веря словам матери.

Но когда наступал следующий год, история повторялась. Новые отговорки родителей и традиционная поездка в деревню для работы на огороде.

И вот когда мне было двенадцать лет, я решила поговорить с мамой начистоту.

Приближался очередной летний сезон, и меня совершенно не радовала перспектива каторжного труда, поэтому я улучила момент, когда мы были вдвоём, и снова задала наиболее болезненный вопрос.

– Мама, в прошлом году ты обещала мне, что этим летом мы поедем на море. И в позапрошлом году тоже. И три года назад. И четыре. И пять. Ты каждый год говоришь мне, что в следующем году я смогу не ехать в деревню, а поеду на море, но когда наступают летние каникулы, вы с папой снова отправляете меня в деревню. Скажи честно, вы когда-нибудь вообще поедете со мной на море?

После этих слов мать посмотрела на меня так, что мне стало страшно. В её взгляде совершенно отсутствовали материнская любовь и доброта. В её глазах были лишь злость и раздражение, словно я была назойливой мухой, которую никак не удавалось раздавить.

– Если ты так ставишь вопрос, я отвечу, – проговорила она после паузы. – Если тебе так сильно хочется на море, то выходи быстрее замуж и проси своего мужа, чтобы он туда тебя отвёз!

Признаться, я меньше всего ожидала услышать подобный ответ, тем более в такой категоричной форме. Я предполагала услышать очередную версию лживых отговорок, которые позволили бы мне и дальше лелеять свою мечту, которая должна была сбыться в каком-нибудь неопределённом будущем. Но родная мать выплеснула на меня такой поток нели-

цеприятной откровенности, что я растерялась.

– Значит, вы с папой никогда не возьмёте меня на море? – переспросила я, желая всеми фибрами своей души услышать что-то более приятное и обнадеживающее.

– Нет, – ответила она и, отвернувшись, вышла из комнаты, давая понять, что разговор окончен.

И в тот момент я поняла, что в этой семье мне не на что рассчитывать. Своими словами мать словно окатила меня ушатом с дерьмом, давая понять, что здесь от меня все хотят быстрее избавиться. Что ж, постараюсь не расстраивать их планов и при первой же возможности сбежать из этой семьи хоть на край света.

А потом я узнала, что ещё одной более весомой причиной моих поездок в деревню была следующая. За мою летнюю работу на огороде бабушка платила моим родителям по две-сти рублей каждый год, из которых на меня не тратилось ни копейки. Я была для родителей лишь дополнительным средством заработка, а не ребёнком, о котором нужно заботиться. Сейчас этих людей давно бы лишили родительских прав, но тогда им всё сходило с рук, ведь, запуганная и забитая, я молчала обо всём, что делали со мной в родной семье, мечтая лишь побыстрее вырасти и сбежать от этих людей на все четыре стороны.

Единственными методами, которые применяли родители по отношению ко мне, были запрет и наказание. Причём за-

прет на всё и наказание за всё. Без объяснения причин. Просто так. Потому что им этого хотелось.

Постараюсь показать это на примере.

Городок, в котором мы жили, был маленький, и, естественно, когда я и мои ровесники стали старше, а если быть точнее, нам исполнилось по тринадцать лет, то, чтобы как-то разнообразить свой досуг, мы стали ездить в райцентр, который располагался в двадцати километрах от нашего города. Автобусы туда ходили часто, приблизительно раз в полчаса, поэтому добраться туда и вернуться обратно не являлось проблемой.

В райцентре было гораздо интереснее, чем у нас. Там был большой парк с каруселями, на которых, правда, мы не катались, так как у нас не было на это денег, но всё равно ходить и смотреть на веселье других было приятно. Казалось, что мы сами становились частью этой беззаботной жизни, которую когда-нибудь непременно сможем себе позволить.

Но приятнее всего было ходить по магазинам. Не по продуктовым, нет. Они, как и везде, стояли пустыми, с большим количеством плавленых сырков в ассортименте. Нам нравилось ходить в ювелирный магазин, любоваться украшениями и мечтать, что однажды, когда мы станем взрослыми, часть этого великолепия перейдёт в нашу собственность.

С подружками мы могли целый час провести в ювелирном магазине, переходя от одной витрины к другой, а потом, с чувством исполненного долга и спокойной совестью, ехали

домой. Если уж мы не могли позволить себе ничего купить, то, по крайней мере, мечтать и наслаждаться своими мечтами нам никто не мог запретить.

Но почему-то родители никогда не пускали меня вместе с девочками в райцентр. И если бы они беспокоились о моей безопасности, то я бы поняла и даже послушалась их запрета, но это было не так. Если они заставляли меня одну ходить в детский сад и всё время выгоняли из дому при малейшей мнимой провинности, то вряд ли их интересовала моя безопасность в тринадцатилетнем возрасте, когда я уже имела за плечами определённый жизненный опыт и могла постоять за себя. И когда я спрашивала их: «Почему мне нельзя никуда ездить?» Ответ был один: «Нельзя и всё».

Но только вот они сами заставили меня стать взрослой и самостоятельной не по годам, и потому я научилась принимать решения, не оглядываясь в чью-либо сторону в поисках поддержки или одобрения. И я поняла, что родителям нужна не правда, а спокойная совесть. Они хотят от меня слышать только то, что им нужно. И я решила позволить им жить в их блаженном неведении, хотя по натуре я человек очень честный. И более того, я говорю правду даже тогда, когда она идёт мне в ущерб, но здесь я решила отступить от своих принципов. Как говорила Варенька в пьесе Александра Островского «Гроза»: «Не умела врать, да выучилась». Это про меня.

В своё оправдание я даже разработала свод правил, когда

ложь допустима и оправдана. И одним из таких правил было следующее: «Если человек не хочет слышать правду, а хочет чтобы я ему соврала, и при этом знает, что я ему совру, то подобная ложь допустима».

Таким образом, я стала вести тот образ жизни, который устраивал меня и точно так же устраивал моих родителей.

Так, однажды заходит ко мне подруга Алла и прямо в коридоре говорит:

– Погода хорошая. Поедем в райцентр, погуляем?

– Без проблем, – отвечаю я. – Вот только у родителей отпрошусь.

И, заходя в комнату, говорю родителям:

– Я пойду к Алле, делать уроки. Вернусь через час.

– Хорошо, иди, – отвечают родители.

А уже на улице Алла спрашивает:

– Зачем ты сказала, что вернёшься через час? Мы ведь так рано не приедем!

– Ну и что? Когда вернусь, скажу, что уроков было много и за час мы не успели всё сделать. Понимаешь, если я им сразу скажу, что ухожу на три часа, они заподозрят неладное и никуда меня не пустят. А так всё будет в порядке. Поверь, они даже не усомнятся в моих словах, потому что им наплевать, где я буду всё это время.

И действительно, когда я вернулась домой через три часа, родители даже не спросили, почему я задержалась, потому что им было всё равно. Пришла и ладно. А не пришла – ещё

лучше.

Конечно, для Аллы, которая всегда и всем делилась со своей мамой, подобные отношения были шоком, но я к этому привыкла. Приноровилась жить в этой тюрьме по своим правилам, отвоёвывая своё жизненное пространство по крупицам.

Став взрослой, я продолжила общаться с родителями по такому же принципу. Когда я пыталась сказать им правду, которая была им не по душе, хотя ничего крамольного в ней не было, они сразу же начинали ругать меня, оскорблять и обзывать. И поскольку я давно знала, что родителям не нужна моя правда, то стала говорить им то, что они хотели слышать. Более того, часто мать сама подсказывала мне ответы на свои вопросы. Так, в телефонном разговоре задавая стандартный вопрос: «Как дела?», она тут же сама отвечала: «Наверное, у тебя всё в порядке? На работе хорошо, муж и дети здоровы?». И что, по-вашему, мне стоило ей ответить? Конечно же, я отвечала:

– Да, у меня всё хорошо. На работе всё в порядке. Муж тоже работает. Дети здоровы. Никто не болеет.

И мать отвечала:

– Ну и хорошо! Но сейчас мне некогда с тобой разговаривать! Созвонимся потом.

И так всегда. В итоге наше телефонное общение свелось к поздравлениям с праздниками и всё. Как только у меня возникали серьёзные проблемы, и мне требовалась помощь, ро-

дители тут же переставали со мной общаться даже по телефону. В этот момент у них всегда возникали какие-то невысказанные, порой абсурдные неотложные дела (однажды они даже придумали командировку на Новый год, хотя никогда в жизни никто из них не бывал в служебных командировках), лишь бы я отстала от них со своими проблемами.

Кстати, потом я поинтересовалась у матери итогами этой невысказанной командировки, но она ответила, что в последний момент её отменили.

Но больше всего в этих огульных запретах меня раздражало то, что родители никогда не объясняли, почему они запрещают мне делать то или это. Просто: нельзя и всё. И поскольку это не было вызвано их заботой обо мне, то это было особенно обидно и неприятно. Складывалось впечатление, что они, ведомые своей ненавистью, хотят лишить меня всех возможных радостей жизни, которые я могла бы получить вне их общества. Хотя, вероятно, так оно и было. И кроме того, их огульные запреты всегда сочетались с императивными приказами, которые я должна была беспрекословно выполнять. Они всегда указывали мне, что делать, куда идти, что говорить, словно я не в состоянии сама думать или принимать какие-либо решения.

И самое ужасное, что это продолжается и до сих пор. Когда я нуждаюсь в помощи родителей, у них всегда находится куча отговорок, лишь бы не помогать мне, но это не мешает им указывать мне, что и как нужно делать. Причём во всех

подробностях и с малейшими деталями. И не дай Бог, я сделаю что-то не так, как им хочется, сразу же польётся поток оскорблений и унижений в мой адрес. Но я считаю так: если уж вы мне не помогаете, то нечего и указывать, что делать! Если уж вы пустили меня в свободное плавание, прогнав с глаз долой, то уж позвольте мне самой выплывать из того дерьма, в которое вы меня столкнули! Назвать это другим словом я не могу. Именно поэтому я продолжаю им врать, потому что пытаюсь уберечь не только свои нервы, но и личную жизнь от назойливого и непристойного вмешательства своих родителей.

И чтобы нагляднее продемонстрировать свои слова, приведу один пример. Причём достаточно безобидный.

К тому времени я была уже пять лет замужем. Папа же уволился из пожарной охраны, дослужив до пенсии, и устроился работать в Москве охранником в одном банке, и, по видимому, ему было лихо находиться целые сутки на одном месте, не имея возможности куда-либо пойти или что-то сделать. Поэтому он с утра до позднего вечера висел на телефоне, названивая мне.

У меня тогда как раз заканчивался декретный отпуск, поэтому я всё ещё сидела дома с маленькой дочкой. И моё утро начиналось со звонка отца, который, едва заступив на свой пост, набирал номер моего телефона и спрашивал, как у меня дела и чем я занимаюсь. И так он поступал по четыре-пять раз за день. При этом сам ничего не рассказывал, лишь вы-

спрашивал меня во всех подробностях, как я позавтракала, как помыла посуду, как сходила с ребёнком на детскую площадку и так далее, но не забывая высказывать свои критические замечания по любому поводу.

И вот однажды я договорилась о встрече со своей подругой. Она собиралась приехать ко мне вечером, чтобы пообщаться по душам. Причём я предупредила папу о её визите и просила вечером мне не названивать.

– А зачем она к тебе придет? – раздражённым тоном спросил отец, едва услышал о том, что вечером у меня будет гостя.

– Как зачем? Повидаться, – обескураженно ответила я. – Наташа – моя подруга. Мы с ней давно не виделись и не общались.

– И нечего с ней общаться! Зачем тебе подруги?

– Что за вопросы ты задаёшь? – удивилась я. – Зачем нужны друзья? Для общения, для обмена впечатлениями, для поддержки в трудную минуту! Ответов на этот вопрос много. Друзья необходимы каждому человеку.

– А зачем тебе друзья?

Снова-здорово! Разговор грозил затянуться, потому что глупые вопросы отца начали ставить меня в тупик. Поэтому я сказала, что у меня закипает чайник, стоящий на плите, и снова попросила не звонить мне вечером, после чего положила телефонную трубку.

А вечером ко мне приехала Наташа, и, едва мы сели по-

удобнее в креслах, чтобы начать обмениваться новостями, как в этот момент раздался телефонный звонок. Это был отец. Уже в пятый раз за сегодняшний день.

– Папа, ко мне приехала Наташа, и я не могу сейчас с тобой разговаривать, – вежливо сказала я отцу.

– А когда она уедет? – сразу же спросил он.

– Она только что приехала, – понизив голос и искоса глядя на подругу, сказала я.

– Когда мне тебе перезвонить? – снова спросил отец.

– Папа, мы с тобой сегодня уже четыре раза общались. А сейчас разговариваем в пятый раз. Я тебе во всех подробностях рассказала обо всём, что делала сегодня днём. Больше мне нечего добавить, – медленно разжёвывая каждое слово, ответила я, надеясь, что отец сделает надлежащие выводы.

– Я тебе перезвоню, – буркнул он и бросил трубку.

С тяжёлым сердцем положила я телефонную трубку на место и, извинившись перед подругой, предложила вернуться к началу нашего с ней разговора.

Мы начали весело болтать, и вскоре я забыла о назойливости отца, но буквально минут через сорок он позвонил снова.

– Она уже ушла? – сразу же спросил он, едва услышал мой голос в телефонной трубке.

– Нет, – медленно ответила я.

– Почему?

– Потому что обычно на полчаса в гости не приезжают. Особенно, когда не виделись несколько лет.

– Значит, отправляй её домой! – заявил отец.

– Почему я должна это делать?

– Потому что тебе не нужны подруги!

– С чего ты это решил?

– Решил и всё.

– Папа, я никого прогонять не буду, – снова понизив голос, ответила я. – А с тобой мы сегодня уже достаточно поговорились. Больше не нужно мне сегодня звонить!

– Нет, я тебе перезвоню! – рявкнул отец, бросая трубку.

Я снова извинилась перед Наташей, вкратце и в приличных выражениях объяснив ей чрезмерное внимание отца к моей персоне. И мы снова начали болтать о наших женских делах, но через четверть часа телефон зазвонил снова.

Я поняла, что если снова услышу голос отца, то накричу на него. Поэтому я не стала брать телефонную трубку и, более того, отключила звук на телефонном аппарате.

Но отец не уgomонился. Огонёк вызова высвечивался на телефоне каждые пять-десять минут. В итоге я не выдержала и предложила Наташе пойти погулять.

К этому времени мой муж вернулся с работы, и вместе с ним и дочкой мы пошли на улицу.

Погуляв и проводив Наташу, мы вернулись домой около одиннадцати часов вечера. Огонёк вызова на телефонном аппарате всё ещё продолжал гореть, и я решила взять трубку, чтобы наконец-то пресечь эти нескончаемые телефонные звонки.

– Да, – еле сдерживая раздражение, произнесла я.

– Светка, ты почему трубку не берёшь? – сразу же напустился на меня отец.

– Потому что меня не было дома.

– А где же ты была всё это время? – повысив голос, начал отчитывать меня отец.

– Гуляла во дворе вместе со своим мужем и дочерью! – ледяным тоном ответила я.

– А почему так долго?

– Потому что погода на улице хорошая, и нам захотелось погулять.

– Но ты не должна была гулять в это время!

– Почему? Вы с мамой мне постоянно твердите, что я – взрослая женщина! К тому же замужем. Так почему же я не могу без твоего разрешения вместе со своим законным мужем и ребёнком выйти на улицу?

– Потому что ты знала, что я буду тебе звонить! Ты должна была дожждаться моего звонка!

– Зачем?

– Чтобы предупредить меня!

– Вообще-то я замужем по вашей с мамой милости! И теперь, если кого-то я и должна предупреждать о своих планах, то только своего мужа! Так что не обижайся, но время позднее, и я пошла спать, – сказала я, завершая неприятный телефонный разговор.

Мне было жутко стыдно перед подругой и безумно обидно

за то, что родители всё ещё пытались контролировать каждый мой шаг исключительно для того, чтобы в своём сознании создать иллюзию благополучной семейной жизни. Наверное, следовало ещё тогда послать их куда подальше, разорвав всяческие отношения, которые ничего, кроме неприятностей и боли, мне не приносили, но врождённая интеллигентность не позволяла мне это сделать. В душе я тоже хотела сохранить иллюзию семейного благополучия, только вот платить за это мне предстояло слишком дорогой ценой.

Мы с мамой никогда не вели разговоров по душам. Собственно, мы вообще не вели с ней никаких разговоров. Когда я обращалась к ней с каким-либо вопросом, она всегда отвечала односложно, пытаясь побыстрее отделаться от меня.

Так, когда у меня начались месячные, я растерялась. В советское время ещё не было такой развитой сети информации, как сейчас. Я, конечно, слышала, как мои одноклассницы обсуждали эту тему, но не считала нужным к этому прислушиваться. Я от природы не любопытна и всегда придерживаюсь принципа, что в нужное время всё узнаю. И поскольку проблема гормональной перестройки организма передо мной не стояла, я ею не интересовалась. Пока однажды жарким июньским днём, когда у нас только закончилась школьная практика, это не случилось. И поскольку, повторюсь, я не была достаточно просвещена в данном вопросе, я позвала маму в ванную комнату.

– Мама, я не знаю, что со мной происходит, – сказала я ей, показывая испачканные трусы.

– Это – месячные, – ответила она будничным тоном. – Девочки тебе, наверное, об этом говорили, – добавила она и посмотрела на меня так, словно призывала ответить положительно на свой вопрос.

– Да, что-то говорили, – неуверенным тоном пролепетала я.

– Можешь взять на полке в шкафу тряпку и положить её в трусы. Да, и ещё во время месячных может болеть живот. Это нормально, – ответила она и вышла из ванной.

Я поняла, что разговор окончен, и о дальнейшем мне предстоит догадываться самой. Поэтому я пошла в комнату и достала с полки тряпочку. Сложив её в несколько раз, положила в трусы и затем стала заниматься какими-то делами. А через пару часов меня скрутило так, что я еле сдерживалась, чтобы не завывать. Боль была такая, что я не могла стоять на ногах. Я легла на кровать и думала о том, что если бы мне сейчас предложили на выбор: умереть или продолжить терпеть эту боль, я бы выбрала первое.

Мама видела, что я лежу на кровати, корчась от боли, но делала вид, что ей это безразлично. Хотя, возможно, так оно и было. А через некоторое время ко мне в гости зашла Алла. И я рассказала ей о своей проблеме, и подруга стала просвещать меня. Оказалось, что это безобразие ожидает меня каждый месяц на протяжении нескольких десятков лет, пока я не

состарюсь. И, чтобы я не сошла с ума от боли, Алла предложила выпить анальгин, чтобы я могла хоть немного прийти в себя. Я даже попросила подругу почитать мне вслух книжку, чтобы чуть-чуть отвлечься от этой безумной боли, сотрясавшей моё тело. И часа через четыре спазмы стали утихать. Я даже смогла выйти погулять, конечно же, в сопровождении подруги. Но на следующий день всё повторилось снова. И так целых семь дней. А потом это повторялось каждый месяц на протяжении почти десяти лет, пока я не родила дочь. Но и тогда боли не исчезли, а стали более или менее терпимыми. Их уже можно было снять с помощью обезболивающих препаратов. Но тогда, в школьные годы, это было не просто проблемой, это стало для меня настоящей трагедией.

Мать отказывалась мне покупать какие-либо лекарства, утверждая, что на них нет денег, а отец всё время обзывал лодырем и притворщицей, когда мне приходилось несколько часов подряд проводить в постели, корчась от боли. Бывали случаи, когда я даже теряла сознание, падая прямо посреди квартиры и приходя в себя от новой порции боли, полученной при падении, но и это не давало моим родителям повода смягчиться и начать относиться ко мне более внимательно.

Никто не относился ко мне так плохо, как родители. Даже учителя в школе с пониманием относились к моим проблемам. Они знали, что если я позеленела и потеряла дар речи, то мне действительно плохо, и тут же отпускали с уроков, да ещё и давали кого-нибудь из подруг в сопровождение, чтобы

я не рухнула где-то на улице.

Но стоило родителям увидеть меня на пороге квартиры в неурочное время, как тут же начиналась обвинения и оскорбления в мой адрес. Отец обзывал меня прогульщицей, а я ничего не говорила в ответ. У меня не было на это сил. Я падала в постель, мучаясь от боли, пока родители поносили меня, на чём свет стоит.

К слову, когда у сестры начались месячные (хотя никаких болей и обмороков, как у меня, у неё не было), мама тотчас взяла её за руку и отвела к врачу, который выписал ей кучу лекарственных препаратов, в том числе витамины и средства, повышающие гемоглобин. И мама сразу же всё это купила, а когда принесла домой, строго-настрого запретила мне прикасаться к лекарствам Линулинки. Но я бы и без её запрета не взяла у сестры без спроса ни одной таблетки, так как всегда считала, что обязана стойко переносить все физические муки. А когда боль была особенно невыносимой, я надеялась, что вот-вот умру, и тогда все мои страдания сразу же прекратятся, и в этом случае таблетки мне тем более не понадобятся.

А однажды, когда мне было только тринадцать, мама позвала меня на кухню и сказала:

– Светка, ты знаешь, что аборт – это очень плохо?

От услышанного у меня чуть челюсть не отвалилась, потому что я совершенно не понимала, к чему это было сказано. Парня у меня не было, так как я целыми днями пропадала.

ла в школе и на различных общественных мероприятиях, да ещё и на танцы ходила. Но в нашем танцевальном коллективе были одни девочки, и мама это знала. А в остальное время я была дома и занималась домашними делами. Поэтому я никак не могла взять в толк, с какой это стати матери взбрело в голову вести со мной подобные беседы, тем более что это было первый раз в жизни, когда она вообще со мной о чём-то заговорила. Но она продолжала.

– В своей жизни мне пришлось сделать много аборт. Но я замужем, а это другое дело! А если ты в таком раннем возрасте сделаешь аборт, то это может испортить тебе будущее. Многие девушки в твоём возрасте ведут себя безответственно, а потом всю жизнь маются. Ты же не хочешь в ближайшее время стать матерью?

Я продолжала хлопать глазами, не понимая, к чему идёт речь.

– Надеюсь, что после нашего с тобой разговора ты всё обдумаешь и будешь вести себя так, чтобы не доводить дело до абортов.

– Я поняла, – пересохшими от волнения губами, пролепетала я исключительно для того, чтобы хоть что-то ответить, иначе бы этот непонятный разговор продолжался ещё долго.

А когда я вышла из кухни, мне было не по себе. Неужели моя родная мать настолько меня не знает? Ведь я каждый день доказываю своим родителям, что для меня главное – учёба! А цель – хороший аттестат, с которым я могла бы по-

ступить в любой ВУЗ страны! С чего же они взяли, что у меня на уме секс? Да я в те года вообще об этом не думала. Я, как и большинство советских девушек, мечтала сберечь себя для одного единственного парня, который станет моим мужем. И мне казалось, что моё поведение и весь образ жизни свидетельствовали об этом. Я даже любовных романов никогда не читала, полагая, что это чушь, на которую у меня совершенно нет времени. И потому я собиралась как можно быстрее выбросить из головы этот разговор с матерью, но она не давала мне это сделать, периодически напоминая о нём.

– Светка, ты помнишь, как мы с тобой говорили о вреде аборт? – при случае повторяла она, укоризненно глядя на меня.

– Помню, – опустив глаза, отвечала я, пытаюсь под любым предлогом в ту же секунду убежать подальше, чтобы не выслушивать очередную проповедь.

– Очень надеюсь, что ты не забыла всё то, что я тебе уже сказала, – поджав губы, добавляла мать, вероятно, чтобы лишний раз уколоть меня.

Но один плюс от этих неприятных бесед всё же был. Благодаря этим разговорам я стала лучше узнавать свою мать.

В детстве я боялась, что она вот-вот умрёт. А всё потому, что достаточно часто она ложилась в больницу. Два-три дня, не более. Но после возвращения она весь день лежала на кровати как немощная и слабым голосом просила пить. И я спрашивала у папы:

– Что с мамой?

И он отвечал:

– Мама болеет.

И я сочувственно смотрела на маму и подбегала к ней по первому зову, стараясь выполнить любую просьбу. И когда я спрашивала её:

– Мама, что с тобой?

Она отвечала точно так же, как и папа:

– Я заболела.

И поскольку такое случалось несколько раз в год, и родители ничего не объясняли, то я была уверена, что мама тяжело больна, и родители не говорят мне правды, чтобы не расстраивать. И поскольку выздоровления не наступало, так как каждый раз, возвращаясь из больницы, мама весь день лежала в кровати, будучи не в состоянии даже встать, я была уверена, что недуг, подкосивший её, смертельный.

В детстве ребята любят загадывать желания по каждому поводу. Увидели машину, в номере которой сумма пар цифр одинаковая – нужно загадать желание. Подвернулся подол юбки, – расправляя, нужно загадать желание. Произнёс слово одновременно с кем-то – нужно загадывать желание. И я не знаю, кто из моих друзей какое желание загадывал, но я всегда повторяла одно: лишь бы мама не умерла! Я ужасно этого боялась, потому что когда она в очередной раз ложилась в больницу, я мысленно готовилась к худшему. Но разговор об абортах всё расставил по своим местам. Причина

её частых недугов оказалась настолько прозаичной, что пьедестал, на который я, как и любой другой ребёнок, возвела свою мать, стал неумолимо снижать свой уровень. Непогрешимая репутация матери стала таять прямо на глазах.

Неужели родителям было сложно купить пачку презервативов в аптеке? Они тогда уже продавались, я сама это видела. Или они полагали, что аборт – единственный способ предохранения от появления на свет нежелательных детей? Как мать могла с такой лёгкостью прерывать свои многочисленные беременности, не испытывая ни малейших угрызений совести? Ведь это неправильно! В моём понимании аборт – это крайняя мера, на которую нужно идти, когда жизнь реально загнала тебя в угол, и это – то малое зло, которое способно предотвратить ещё большие беды. Но в понимании моей матери, сделать аборт было всё равно, что посетить парикмахера. Навёл лоск и пошёл дальше. Причём даже парикмахера она посещала реже, чем делала аборт.

И почему она решила, что я должна думать точно так же, как она? Может быть, поэтому она и завела тогда разговор об абортах, потому что не воспринимала эту процедуру как трагедию, а относилась к ней лишь как к косметической операции?

После такого открытия мне даже подумалось о том, что рождение Лины было лотереей. Ведь если бы тогда, забеременев в очередной раз, мать сделала аборт, предпочтя обзавестись ребёнком позже, то Лины не было бы на свете. Потом

родился бы другой ребёнок, а, может, и не родился бы вовсе. Что было бы? Изменилась ли от этого моя жизнь? Ведь я бы родилась всё равно, так как была у своих родителей первенцем. А что было бы дальше? Сложно сказать. Возможно, ничего бы не изменилось. Родители точно так же любили бы другого ребёнка, если бы он был, и точно так же пренебрежительно относились ко мне, уж не знаю почему. Да, думаю, вряд ли что-нибудь изменилось.

Показательным в этом отношении являлся и тот факт, как родители обращались ко мне и как к своей младшей дочери. Меня они всегда называли Светкой. Даже не Светой, а именно Светкой, как дворовую девку. А к сестре обращались не иначе как Линулинка-золотулинка. Причём не только мама называла сестру именно так, но и отец. Когда я слышала это от него, то это так резало слух, словно кто-то проводил ножом по стеклу, потому что я никогда не слышала от папы никаких ласковых слов, пусть даже обращённых не ко мне, а к другому человеку. К маме, например. Но Линулинка всегда была золотулинкой.

Родители никогда не говорили мне, что любят меня, или хотя бы волнуются обо мне. У меня всегда было ощущение, что я только мешаю им. Почему? Зачем они тогда вообще родили меня? Их же никто не заставлял это делать!

Признаться, долгое время я винила свою сестру в том, что всё родительское внимание и забота доставались ей, а не

мне, их старшему ребёнку. К тому же я считала, что гораздо больше достойна их любви, чем их безалаберная и ленивая младшая дочь. Но потом я поняла. Лина ни в чём не виновата. Разве она выбирала время, когда ей следует родиться, или, положим, пыталась свалить на меня свои проделки и потом спрятаться за мою спину? Нет. По крайней мере, в начале. Всё это делали за неё родители. Они заставляли меня делать за сестру уроки, не позволяя ей самой работать мозгами и руками. Они сами вкладывали в её слова тот смысл, какой им был удобен, чтобы обвинить меня в мнимых грехах. Это они, родители, распределяли свои деньги и своё внимание по принципу: ей всё, а мне ничего, прикрываясь заботой о младшей дочери своё нежелание заниматься мной. Это они избаловали Лину до такой степени, что она действительно поверила в свою исключительность и вседозволенность, которые боком обернулись самим родителям в их старости.

Да, в итоге каждый получает то, что выбирает.

Я уже упоминала о том, наш класс часто ездил на различные экскурсии. Другим детям родители всегда давали что-нибудь с собой. Многим давали даже карманные деньги. Но это был не мой случай. Когда мы куда-то ехали, я всегда чувствовала себя как Рон Уизли во время своей первой поездки в Хогвартс, когда сидящий рядом с ним Гарри Поттер мог позволить себе купить любые конфеты, а бедняге Рону приходилось довольствоваться парой бутербродов, которые ма-

ма дала ему с собой. Только вот у меня часто и пары бутербродов не было.

По счастью, отношения в классе у нас были очень хорошие, и со мной всегда делились. Правда, чувство неловкости от этого почему-то не исчезало.

А когда после какого-нибудь спектакля мы возвращались домой очень поздно, то родители абсолютно всех моих одноклассников приходили к школе, чтобы встретить своих детей. За исключением, конечно же, моих. Даже когда мы приезжали в двенадцать часов ночи.

Родители других детей спрашивали меня:

– Света, а почему твоих родителей здесь нет? Они куда-то уехали?

– Нет, не уехали, – вздыхая, отвечала я и добавляла. – Я не знаю, почему они не пришли.

И тогда кто-нибудь из родителей моих одноклассников вызывался проводить меня до дома, снова усиливая во мне чувство неловкости. Но, к сожалению, моим маме и папе данное чувство не было знакомо, потому что они всегда спали, когда я возвращалась домой. Поэтому я старалась незаметно проскользнуть в нашу с сестрой комнату и нырнуть в постель, чтобы, не дай Бог, кого-нибудь не разбудить, потому что иначе меня ждало новое наказание.

А когда мы учились в десятом классе (через девятый мы перескочили), Анна Мелентьевна предложила организовать поездку в Ленинград (буду называть его именно так, потому

что в 1989 году город на Неве именовался именно Ленинградом). Ехать мы должны были на три дня, и вся поездка стоила 60 рублей. Но услышав об этом, мама категорически сказала:

– Нет. Ты никуда не поедешь.

И поначалу я с ней даже не спорила, так как привыкла получать от родителей отказы. Но потом выяснилось, что едет весь наш класс. Даже те, кто уже бывал в Ленинграде. И более того, поездка планировалась не в каникулы, а во время учебных дней, и Анна Мелентьевна заявила, что если кто-то не поедет, то ему придётся эти три дня ходить на занятия с другим классом. Вот стыдобища-то!

И хотя я уже подрабатывала на ткацкой фабрике, и у меня появились карманные деньги, да только зарплата моя была невелика. Оплата была сдельной, да ещё и ученической, поскольку применялись пониженные расценки, и поэтому мой доход составлял приблизительно шесть рублей в месяц. И лишь в последние два года учёбы в школе, когда нам разрешили работать один день в неделю вместо занятий, я стала зарабатывать по шестнадцать рублей в месяц. Но тратила я эти деньги в основном на ткань, которую покупала в комиссионном магазине, и на книжки. Но даже если бы я прекратила все расходы, то всё равно не успела бы накопить требуемую сумму до отъезда. Поэтому я поняла, что мои одноклассники поедут в Ленинград без меня.

За пятнадцать лет своей жизни я привыкла к постоянным

унижениям, а также к аскетичному образу жизни, но тут была уже другая ситуация. Если бы мне одной пришлось три дня ходить на занятия с другим классом, это был бы позор на всю школу. Я и так выглядела как узник Освенцима, а тут ещё и такое пренебрежение к общественному мероприятию со стороны моих родителей, пожалевших деньги на поездку, могло очень сильно аукнуться и на их репутации. Ведь городок-то у нас маленький, все друг друга знают, и такой конфуз не мог бы остаться незамеченным.

Но поначалу родители думали лишь о шестидесяти рублях, которые они должны были потратить на поездку, и потому продолжали упорствовать, надеясь, что кто-нибудь ещё из детей откажется ехать. Но, как всегда, наш класс проявил поразительное единодушие. Все быстренько сдали деньги, чтобы иметь возможность заблаговременно приобрести билеты и оплатить проживание в гостинице, и лишь я, а точнее, мои родители, проявляли стойкость в этом вопросе. Но под конец они всё же сдались, вероятно, не желая стать объектом всеобщих упрёков. Ведь со стороны наша семья казалась идеальной. Молодые успешные родители, благополучные дочери, старшая из которых отличница, активистка и комсомолка. Всё прекрасно, если не заглядывать за фасад. Правда, никому и не хотелось за него заглядывать. А уж о том, чтобы фасад выглядел идеально, родители заботились, в частности, затыкая мне рот постоянными наказаниями.

Возможно, именно поэтому я сейчас и пишу эти строки,

потому что нет больше сил молчать. Я устала жить, тщательно охраняя репутацию своих родителей и постоянно думая о том, что скажут люди, узнав правду. Но, к сожалению, моя скрытность не помогла мне сохранить свою репутацию. Ведь для окружающих я – неблагодарная дочь, эгоистка, трудный ребёнок, с которым моим родителям пришлось всю жизнь мучиться. Что ж, настал и мой черёд говорить. Пусть люди узнают правду и сами решат, кто прав и кто виноват в этой истории.

Но тогда, в далёком 1989 году, вместе со всеми я собиралась ехать в Ленинград, и моей радости не было предела! Правда, перед самой поездкой выяснилось, что несколько человек из нашего класса всё же передумали ехать, но их тут же заменили на учеников параллельного класса. И я благоразумно предпочла об этом умолчать, иначе родители непременно ухватились бы за эту возможность, чтобы вернуть свои деньги. А мне так хотелось хоть одним глазком взглянуть на северную столицу, тем более что я не ездила никуда дальше деревни в Рязанской области.

Ехать в Ленинград мы должны были ночным поездом из Москвы. И едва мы разместились по купе, как все мои одноклассники начали вываливать на стол еду, которую родители дали им с собой. У кого-то была жареная курица, у кого-то пирожки с мясом, а одной девочке мама дала с собой торт «Чародейка». И лишь я, сиротка, снова почувствовала себя Роном Уизли, уезжающим в Хогвартс. Потому что в тот день

мама дала мне с собой лишь пару бутербродов с сыром, что для неё было чуть ли не акцией неслыханной щедрости.

Когда мои одноклассники доставали из сумок свои припасы, я тоже последовала их примеру и смущённо выложила на стол пару своих тоненьких бутербродов. И естественно, они сразу же затерялись в море различных вкусов, которые выкладывали на стол другие.

И затем мы начали есть. Если всё подряд, начиная с торта. И ещё до отправления поезда вся еда была съедена. Лишь к моим бутербродам никто не притронулся, и я снова спрятала их в сумку, надеясь, что никто этого не заметил.

Хмурый Ленинград под тяжёлыми ноябрьскими тучами не произвёл на меня сильного впечатления. Наверное из-за того, что наша экскурсионная программа была рассчитана исключительно на поддержание в школьниках духа военного патриотизма. В первый же день мы посетили Волковское кладбище, Пискаревское кладбище и мемориал павшим блокадникам. После этого были однотипные обзорные автобусные экскурсии по местам Пушкина, Грибоедова, Достоевского. А на третий день мы взвыли и отказались от посещения очередного кладбища и обзорной автобусной экскурсии по одним и тем же местам. Мы разъехались по магазинам, кто куда. Я же с подружками поехала в Гостиный двор, решив купить там подарок маме на свои честно заработанные деньги. С рук я купила для неё тушь и тени для век за пятна-

дцать рублей, переплатив при этом номинальную стоимость в пять раз!

Вернувшись домой, я вручила маме свой подарок, надеясь, что она обрадуется. Но она приняла гостинец так, словно сделала мне одолжение. На её лице не было и тени улыбки, а в глазах – даже искры радости. А ведь в нашем маленьком городке такая косметика не продавалась! Но мать равнодушно положила мои подарки на полку и впоследствии никогда этой косметикой не пользовалась. Хотя тушь была реально качественная.

И так как мама эту косметику принципиально не использовала, то после окончания школы я сама стала ею пользоваться. И однажды, когда мои ресницы были покрашены ленинградской тушью, я попала под проливной дождь. И она не потекла! Хотя и не была водостойкой, потому что я легко её смывала мыльной водой.

Никто из родителей не спросил меня о том, как прошла поездка в северную столицу, где мы были и что видели. Жизнь продолжала идти своим чередом, но периодически родители использовали факт моей поездки в Ленинград для того, чтобы подчеркнуть свою безграничную щедрость по отношению ко мне и мою неблагодарность им за сей великий дар.

В том же 1989 году родители неожиданно купили швейную машинку с ножным приводом. До этого у нас была со-

всем древняя машинка, и я даже подозреваю, что её покупала ещё бабушка.

Я уже упоминала о том, что шила практически всё свободное время. По счастью, этому способствовали школьные уроки труда. И поскольку это было время всеобщего дефицита, то наша учительница по труду решила отступить от установленных правил, согласно которым в четвёртом классе все девочки весь год шьют фартук, в пятом – ночную рубашку, в шестом – юбку и так далее. Она сказала нам так:

– Я понимаю, что сейчас трудно найти подходящую ткань. Поэтому пусть каждый из вас приносит в школу то, что сможет купить. Если кто-то из вас принесёт ткань для ночной рубашки – будет шить ночную рубашку. Кто принесёт ткань для юбки – будет шить юбку, кто принесёт ткань для платья – будет шить платье. А я каждому дам соответствующую выкройку. А если у кого-то вообще нет возможности купить ткань, пусть приносит пряжу и будет вязать. Можете вышивать, если хотите. Главное, чтобы все были заняты делом и в конце урока показывали мне результаты своей работы.

Это было прекрасное решение, благодаря которому я смогла сшить для себя целый гардероб разнообразной одежды.

Увидев результаты моей работы, мать сразу же стала давать мне новые задания. Теперь я должна была шить одежду ещё и для сестры. Видимо, она считала, что покупаемых ежемесячно кофточек недостаточно для Лины, нужны ещё и

юбки, рубашки и прочее. Но мне нравилось это занятие. И хотя шить для кого-то не так приятно, как шить для себя, я делала то, что велели. И может быть поэтому, а может быть и потому, что родители решили сбросить обесценивающиеся деньги, но в один прекрасный день папа принёс домой новую швейную машинку и, устанавливая её, сказал:

– Светка, это твоё приданое! Когда будешь выходить замуж, можешь забрать её с собой, потому что мы купили её для тебя.

Я обрадовалась. И первые дни я подолгу училась пользоваться швейной машинкой с ножным приводом. Нужно было точно поймать ритм, чтобы нажимая на педаль, синхронизировать движения правой ноги с движением шнура, приводящего механизм в действие.

Сначала это казалось мне слишком сложным, но буквально через пару дней у меня начало получаться, и я поняла, насколько это удобно, ведь обе руки оставались свободными, и ими можно было придерживать ткань.

После этого я стала шить ещё больше, выполняя ко всему прочему ещё и мамины заказы. И когда я вышла замуж, то, помня об обещании, данном мне родителями, собралась забрать свою швейную машинку в семью мужа, но мать тут же этому воспротивилась.

– Куда это ты собралась забрать нашу швейную машинку? – возмутилась она, не подпуская меня к вещи, которая изначально покупалась для меня.

– Но она же моя! – удивилась я. – Вы с папой всегда говорили, что это моё приданое, и, когда я выйду замуж, то заберу её с собой!

– Вот ещё! – продолжала возмущаться мать. – А если мне понадобится занавески подшить, что я, по-твоему, буду делать? Швейная машинка в хозяйстве нужна всегда! А если ты хочешь продолжать шить – обращайся к мужу! Теперь его обязанности – содержать тебя!

Так я и уехала не солоно хлебавши. По иронии судьбы, на свадьбе свекровь объявила во всеуслышание, что в качестве свадебного подарка дарит мне электрическую швейную машинку, так как слышала, что я люблю шить. Но дальше этих обещаний дело не пошло.

Сбрасывая излишнюю денежную массу в начале девяностых, родители моего мужа, как и большинство советских людей, действительно приобрели электрическую швейную машинку, которая, собственно, и должна была впоследствии стать моим свадебным подарком. Но свекровь меня к ней так и не подпустила. После свадьбы она заявила, что поскольку у них на даче нет швейной машинки, то она забирает эту. А если меня что-то не устраивает, то я должна или сама купить себе машинку или же должна просить своих родителей это сделать. Короче, замкнутый круг. Одни слова, одни обещания. А в итоге вплоть до 2002 года я была лишена возможности шить, отчего ужасно страдала, потому что шитьё всегда успокаивало меня. Я люблю что-то делать руками, и ко-

гда удаётся создать что-то красивое и оригинальное, когда я вижу результаты своего труда, это действует как терапия. Поэтому я очень люблю шить. Но только для себя, для своих детей и в подарок определённым людям, которым действительно нравятся результаты моего труда. Только тогда это приносит мне радость. А когда меня принуждают что-то делать, да ещё и постоянно дают указания, хотя сами в этом не разбираются, да ещё и толком не знают, что хотят, то в этом случае шитьё становится не радостью, а пыткой, от которой я всегда стараюсь отказаться.

Так что лишь в 2002 году после повышения зарплаты я смогла купить себе новую швейную машинку.

Сколько себя помню, родители всегда старались поскорее выдать или, точнее будет сказать, выпихнуть меня замуж. Мне было всего пятнадцать лет, но они каждый день твердили мне, что я должна быстрее выйти замуж. Отец называл меня иждивенкой, и что я только зря ем их хлеб. И это притом, что я с четырнадцати лет работала на ткацкой фабрике!

Стоя у станка, я проклинала всё на свете. Этот монотонный рутинный труд на протяжении целой смены просто взрывал мой мозг, страдавший от безделья. Я бы предпочла всё это время решать задачи повышенной сложности, учить иностранные языки или иным способом тренировать свой ум, а часами вязать узелки и отматывать прокрутившиеся нити было для меня пыткой. Я считаю, если у человека

в определённый момент времени нет возможности заняться чем-то более интеллектуальным, то лучше просто смотреть в окно. По крайней мере, небо и плывущие по нему облака никогда не перестанут радовать нас своей безупречной красотой. Но тогда, в школьные годы, я не могла позволить себе долго любоваться красотой бескрайнего неба. Нужно было зарабатывать деньги, чтобы иметь возможность покупать одежду, обувь, книги. Родители лишь кормили меня, но о своём рационе я уже рассказывала. Но, по-видимому, даже тарелка бульона в день, которую я съедала, казалась им непомерной тратой. Именно поэтому я боялась встречаться с мальчиками. По крайней мере, открыто. Я знала, что если у меня появится официальный ухажёр, то родители сделают всё, чтобы переселить меня к нему, несмотря на мой несовершеннолетний возраст. Собственно, такое чуть не произошло со мной, когда мне было семнадцать лет. В это время я уже окончила школу и работала в Москве. И за мной начал ухаживать молодой человек из одного подмосковного городка. Мне тогда было, повторюсь, семнадцать лет и четыре месяца.

Мой кавалер пригласил меня в ресторан и подарил букет роз, с которым я и приехала домой после работы. И первый вопрос, который мать задала мне, когда увидела цветы, был:

– Ты собралась замуж?

– Нет, – поспешила ответить я. – Я всего лишь познакомилась с молодым человеком, и он пригласил меня в ресторан.

– Но тебе уже пора замуж!

– Мама, мне всего семнадцать! Конституция разрешает браки лишь с восемнадцатью лет!

– Ну и что? Ты могла бы переехать к нему сейчас, а расписаться потом!

– Мама, я познакомилась с этим парнем лишь вчера, а ты уже предлагаешь мне переехать к нему жить! Я ведь совершенно его не знаю!

– Со временем узнаешь, – спокойным тоном ответила мать.

– Но ведь он ещё не звал меня замуж! – возразила я, что было ложью, но ложью во спасение.

Я давно заметила, что принадлежу к числу девушек, в которых влюбляются с первого взгляда. И это притом, что сама я не верю в любовь с первого взгляда. Собственно, теперь я вообще не верю в любовь. По крайней мере, в любовь мужчин. Но отчего-то все мужчины, независимо от возраста, западают на меня сразу же. Я часто говорю, что меня любят дети, мужчины и животные. И это правда. Не знаю, почему. И тогда, в прошлом, молодой человек, с которым у меня было всего лишь одно свидание, сделал мне предложение, едва мы вышли из ресторана.

Я сказала ему, что мне семнадцать, но он согласился подождать при условии, что я дам ему своё слово. Он сказал, что не будет спешить, и дал мне на раздумья три дня. И это было его ошибкой. Потому что если бы он попросил меня

дать ему ответ сразу же, то, очарованная атмосферой ресторана, я бы согласилась. А так помутнение прошло, и я поняла, что совершенно не хочу замуж ни за него, ни за кого бы то ни было другого. Я ещё слишком молода для этого. Я не видела жизни, и лезть в семейную кабалу мне совершенно не хотелось. И как бы не было велико моё желание сбежать из родной семьи, я понимала, что бежать из огня да в полымя – не выход. И хотя мне очень сильно хотелось вести ту жизнь, которую ведут все нормальные девушки, а именно встречаться с парнями и весело проводить время, пришлось отказаться от этого удовольствия. Я знала, что увидев меня в обществе парня, родители сделают всё, чтобы оставить меня с ним навсегда. Поэтому я рассталась со своим молодым человеком, даже не успев как следует узнать его, и поспешила сообщить об этом своей матери, сказав при этом истину. Я сказала, что это он меня бросил, чтобы она не вынуждала меня ползти к этому парню на коленях, умоляя жениться на мне. Потому что когда я сообщила ей, что не могу выйти за него замуж, так как он не предлагал мне этого, она ответила.

– Значит, сделай так, чтобы предложил!

Вот она какая – материнская любовь!

Два года я избегала общества парней, общаясь с ними исключительно на пионерском расстоянии. Но потом я всё же совершила ошибку, за которую расплачиваюсь и по сей день. Мой будущий муж, с которым мы только начали встречаться, подарил мне букет роз, потому что это был канун 8 марта,

и я не выкинула этот букет, и не соврала, что купила его матери в подарок, а сказала правду, что это подарок от молодого человека из Москвы. На следующий день, как я теперь понимаю после ночного общения с мамой, папа пошёл в магазин и купил два ящика водки, после чего спросил меня:

– Когда свадьба?

Я пыталась объяснить, что только познакомилась с этим молодым человеком и не могу заставить его сразу же на мне жениться, но никакие аргументы в расчёт не принимались. Родители твердили, что мне уже девятнадцать, и я должна срочно выйти замуж и уехать от них, потому что они не могут меня содержать. А мой будущий муж, как и прочие до него, да и собственно после, влюбился в меня с первого взгляда и стал вскоре настаивать на свадьбе. А мне было уже всё равно. Родители так измучили меня, что я готова была бежать куда угодно, лишь бы прочь от них. Но только если бы я знала, что выхожу замуж за алкоголика, живущего с матерью-психопаткой, то, пожалуй, предпочла бы удавиться на первом же суку, чем жить с ними.

Всю свою семейную жизнь меня поддерживала на плаву лишь мысль о детях, которые будут так же мучиться, как и я, если я проявлю слабость и наложу на себя руки.

Я пыталась развестись, собирала вещи и уходила к родителям, но они всегда выставляли меня вон, даже когда на дворе был декабрь, а у меня на руках была двухмесячная дочь. Причём на улицу выставляла меня именно мать, а не отец.

Он, наоборот, всегда готов был принять меня, но только до следующего утра, потому что после ночного общения с женой он всегда менял своё мнение. Так я и мыкалась, пока не поняла, что помощи мне ждать неоткуда, и стала влачить свой крест сама, падая и задыхаясь от непосильной ноши.

Собственно, подобного отношения и следовало ожидать, да только я, по своей молодости и неопытности, продолжала верить, что небезразлична своим родителям. И когда всего лишь через неделю после свадьбы я со своим супругом решила съездить к родителям, чтобы забрать часть своих вещей, то оказалось, что их уже не было! В квартире родителей не осталось ничего, связанного со мной. Ни одежды, ни обуви, ни расчёски, ни зубной щётки, ни тетрадок, ни блокнотов, – одним словом: ничего! Словно меня в их жизни никогда не было. Или, что вернее, они вычеркнули меня из своих жизней, едва я вышла за порог. А все семейные фотоснимки, на которых была я, мама собрала в одну стопку, сложила в пакет, который сразу же вручила мне.

– Светка, я тут собрала все твои фотографии. Думаю, пусть они будут лучше у тебя.

– Да, конечно, – недоумённо ответила я, принимая небольшой пакет со снимками.

Их было действительно немного, потому что родители не очень-то любили меня фотографировать. А точнее, совсем перестали меня фотографировать, едва родилась Лина. Но в тот момент не это волновало меня.

– Мама, а где моя одежда? Где всё? – как громом поражённая, спрашивала я мать.

– Одежду мы с папой отвезли в деревню и раздали родственникам, – спокойным голосом ответила она. – А твои вещи выкинули. Зачем они теперь тебе?

– Но как вы могли? Ведь это же были мои вещи! Я бы забрала их! – не находя себе места от досады и отчаяния, восклицала я. – Зачем вы отдали всю мою одежду? В чём же я теперь буду ходить?

– Ты теперь замужем, – не чувствуя за собой ни капли вины, ответила мать. – Теперь пусть муж покупает тебе новую одежду.

Возможно, мама действительно так думала, искренне веря, что муж должен обеспечивать свою жену, да только у меня была другая ситуация. Второпях выдав меня замуж за первого встречного, ни родители, ни я, не разобрались в том, каким человеком являлся мой муж. На самом деле он совершенно не собирался обеспечивать ни меня, ни будущих детей, возложив все семейные обязанности на мои хрупкие плечи. А тут ещё и родители постарались усугубить ситуацию, лишив меня последнего.

Поторопившись избавиться от всего, что могло напоминать обо мне, родители не оставили даже ночной рубашки, чтобы я не могла переночевать у них. А ведь я тогда была прописана в той квартире! Но родителей это не остановило.

Во-первых, они врезали в дверь ещё один замок, но дать

мне ключ отказались.

– Зачем тебе ключ? – удивилась мама, услышав мою просьбу. – Ты же приезжаешь сюда, чтобы навестить нас! Вот и приезжай, когда мы будем дома. А если мы будем в отъезде, то и тебе здесь делать нечего!

А во-вторых, чтобы окончательно вычеркнуть меня из семьи, за моей спиной мать написала от моего имени заявление в паспортный стол с просьбой выписать меня, а отец, надев форму и задействовав личные связи, ускорил дело с моей выпиской. Причём родители даже этого не скрывали, а наоборот, бравовировали проведённым мошенничеством. Когда дело было сделано, и меня выписали из квартиры, мать, нисколько не стесняясь своего проступка, рассказала мне об этом, заявив, что теперь я официально нигде не прописана. И несколько месяцев я реально была бомжом. И когда через пару месяцев я простудилась, то мне пришлось платить деньги за визит к врачу, так как меня отказывались принимать бесплатно, ведь я не имела никакой прописки! А страховых полисов тогда ещё не было. Всё это время отец с нескрываемым злорадством обращался ко мне не иначе, как «бомж», чем страшно задевал моё самолюбие. Ведь это по его с матерью милости я получила такой статус!

Знакомые советовали мне через суд прописаться обратно в квартиру родителей, ведь свою двухкомнатную квартиру они получали и на меня в том числе, как на члена семьи. Так что я тоже имела право на часть их жилплощади! Но я зна-

ла, что если сделаю это (а суд однозначно был бы выигрышным), то родители не только никогда не простят мне этого, но и откажутся впускать меня в дом, и каждый раз мне придётся проникать туда с боем и в сопровождении участкового. А к такой войне я не была готова. Но потом свёкор, жалившись, прописал меня к себе. Правда, сделал он это не из благотворительных соображений, а для того, чтобы с моей помощью встать на ведомственную очередь нуждающихся в улучшении жилищных условий. Но, к сожалению, это ничего не изменило в моей судьбе, потому что через пару лет свёкор умер, так и не дождавшись обещанной квартиры. И нас благополучно выкинули из очереди, хотя к тому времени у меня уже родилась дочь. Но разве кого-то это волновало?

Выписав меня, родители сразу же приватизировали свою квартиру, а потом и вовсе совершили обмен, переехав жить в другой город.

А ещё через некоторое время мать сообщила мне, что они хотят с папой составить завещание, по которому их доли отойдут моей младшей сестре.

– У тебя же есть муж, – аргументировала свои слова мама. – Поэтому его квартира – это твоя квартира. Значит, тебе больше ничего не нужно. А о Линулинке мы должны позаботиться.

– Но Лина со временем тоже выйдет замуж и сможет претендовать на квартиру своего мужа! – пыталась я доказать несправедливость принятого родителями решения.

– И ты предлагаешь мне выставить Линулинку на улицу, после того как она выйдет замуж? – начала возмущаться мать.

– Но меня же вы выставили! – не желая щадить её чувства, высказала я.

– Как ты можешь такое говорить! – распаляясь, отвечала мать. – Ты вышла замуж и уехала жить к мужу! Никто тебя не выгонял!

– Но вы даже вещи мои сразу выкинули, не оставив и тапочек, чтобы я не могла вернуться домой!

– Мы сделали это ради тебя, – назидательным тоном отвечала мне мать. – Ты вышла замуж, и мы хотели, чтобы ты счастливо жила со своим мужем. Чтобы он обеспечивал тебя. Поэтому мы избавились от ненужных вещей и раздали твою старую одежду, чтобы ты ходила во всём новом.

– Но в итоге я вообще осталась раздетой! – не сдерживая слёз, выкрикнула я.

– Свои проблемы с мужем ты должна решать сама, – равнодушным ответила мать, не проявляя ко мне никакого сочувствия.

А с одеждой у меня реально долгое время была настоящая проблема. Муж совершенно не собирался обновлять мой гардероб, поскольку отдавал всю зарплату своей родной мамочке, которой мои проблемы были, мягко говоря, по барабану. Муж заставлял меня обращаться с этим вопросом к родителям, что, естественно, тоже было бесполезно. Поэто-

му на протяжении десяти (!) лет весь мой гардероб составляла пара платьев. У меня даже джинсов не было, лишь спортивные брюки. Лишь потом, когда моя карьера пошла вверх, и я стала получать зарплату в три раза больше того, что зарабатывал муж, я смогла позволить себе обновить гардероб.

После того как я вышла замуж и уехала от родителей, даже вынужденные визиты к ним по праздникам всегда причиняли мне невыносимую психологическую боль. Ведь даже теперь, когда они избавились от меня, и я перестала есть их хлеб, родители всё равно старались оскорбить и унижить меня, задев за живое.

Прекрасно зная о моей тяжёлой семейной ситуации, они старались как можно глубже сковырнуть мои раны, повторяя:

– Ты же неудачница! С твоим характером другого и ожидать не стоило!

Во время каждого визита мать заставляла меня в подробностях рассказывать обо всех тяжёлых и неприятных моментах моей семейной жизни, но отнюдь не для того, чтобы пожалеть меня или помочь, а для того, чтобы ещё раз подчеркнуть, что именно такую судьбу я заслужила.

И каждый раз после посещения родителей мне требовалось несколько дней, чтобы прийти в себя, вернув душевное спокойствие. А ведь я несколько раз пыталась развестись и вернуться в родной дом. Первый раз это было через месяц

после свадьбы. Я приехала к маме и сказала:

– Я хочу развестись.

– Почему? – с недоумением спросила мать.

– Он пьёт, – ответила я. – Я всего лишь месяц замужем, но ни одного дня не видела его трезвым.

– Ну и что, – сказала мать. – Для мужчины это совершенно нормально.

– Нет, это ненормально! – возразила я. – Если бы он просто выпивал по бутылке пива после работы, я бы и слова поперёк ему не сказала. Но он каждый день нажирается вусмерть! Он съется в постель! Представляешь? Здоровый мужик напивается до такого состояния, что дует в кровать! И это супружеская жизнь? А его мать меня ненавидит! Она каждый день устраивает мне скандалы! Я даже в туалет не могу спокойно сходить! Как только она видит меня, как тут же начинает обвинять во всех смертных грехах, приговаривая, какой хороший у неё сыночек, и какая плохая у него жена!

– Привыкай, – спокойно ответила мать. – Это обычная семейная жизнь. Со временем ты перестанешь на это так бурно реагировать.

– Но я не хочу так жить! – восклицала я, не веря тому, что родная мать обрекает меня на такую каторгу.

– Теперь от твоего желания ничего не зависит! Ты сделала свой выбор, когда вышла замуж за этого человека, и теперь тебе предстоит провести с ним всю жизнь!

– Но я же не знала, что меня ждёт! Эти люди были другими, когда я общалась с ними до свадьбы!

– Это уже неважно, потому что к нам ты вернуться не можешь! – равнодушно ответила мне мать.

И вероятно, чтобы у меня не было ни малейшего пути к отступлению, родители и провернули свой трюк с моей выпиской и последующей приватизацией квартиры, чтобы я не смогла претендовать на их жилплощадь. И поскольку возвращаться мне было некуда, я снова отправилась в семью мужа.

А затем были и другие попытки.

Когда дочери не было и трёх месяцев, а на дворе стоял декабрь, я собрала вещи и снова приехала к родителям.

Пока я лежала в родильном доме с осложнениями после тяжёлых родов, свёкор, напившись, решил перейти дорогу в неполюженном месте, и его сбила машина. И прямо из родильного дома я попала на похороны, на которые муж потратил все мои сбережения. А ведь я целый год копила эти деньги на ребёнка! Меня тогда повысили на работе и значительно увеличили зарплату, поэтому я смогла отложить приличную сумму, которую, по настоянию мужа, регулярно меняла на доллары.

К сожалению, в то время по своей наивности я не считала нужным прятать от мужа свои сбережения, искренне полагая, что он не посмеет взять деньги, которые я заработала для нашего ребёнка. Но я ошиблась. Муж потратил всё до копейки, объяснив это тем, что нужно было достойно про-

водить отца в последний путь.

И я не собиралась с этим спорить, но почему хоронить человека, имеющего свои собственные солидные накопления, а также взрослого работающего сына и жену, которая ни разу за все годы пребывания на пенсии не сняла со своей сберегательной книжки ни копейки, нужно было за мой счёт?

И когда коллеги свёкра и его знакомые собрали неплохую сумму денег в помощь семье, все эти средства свекровь прикарманила себе, хотя уж она-то никоим образом на похороны не потратилась.

А мой муж продолжал отдавать всю свою зарплату матери, не выделяя из этих денежных средств мне ни копейки. И его мать благополучно стала прятать и эти деньги. Она даже перестала готовить есть. Лишь когда её сын возвращался с работы, она делала ему небольшой ужин, который тот сразу же съедал, не оставляя мне ничего. И я в прямом смысле стала голодать. Я – кормящая мать, перенёсшая тяжёлые роды, вообще была лишена пищи и возможности ухаживать за своим новорождённым ребёнком, потому что свекровь, из вредности, приобрела привычку замачивать бельё в ванной. Причём на неделю, чтобы я не могла ни помыться сама, ни подмыть ребёнка, который какал пять раз в сутки. Мне приходилось купать дочь в раковине, улучая момент, когда свекровь была чем-то занята, чтобы не выслушивать её оскорбления и издевательства.

Денег у меня практически не было. В моих закромах оста-

лась лишь небольшая сумма, которую я брала с собой в родильный дом. Часть этих средств я потратила, а оставшуюся часть бережно расходовала на самую дешёвую еду. А мой муж, которого я ежедневно просила разругать эту нездоровую ситуацию, отвечал одно:

– Это ваши бабские дела! Вот сами и разбирайтесь.

И когда свекровь в очередной раз устроила грандиозный скандал, доведя меня до белого каления, я не выдержала и, запеленав дочь и собрав с собой сумку, уехала к родителям. Я надеялась, что в такой ситуации они не откажут мне в помощи. Но я ошиблась. В квартиру-то они меня пустили и даже дали возможность переночевать, а утром мать позвала меня на кухню и сообщила, что я не могу у них остаться, потому что должна вернуться к мужу.

– Ты же знаешь, я не могу туда вернуться, – со слезами на глазах ответила я. – Я там умру с голоду!

– Если муж не желает давать тебе деньги, то подавай на алименты, – не проявляя ни капли сочувствия, ответила мать.

– Но на судебный процесс уйдёт минимум полгода!

– Ну и что? Это твои проблемы, – безразличным тоном сказала мать. – У тебя своя семья, у нас своя! Ты больше не член нашей семьи. Поэтому договаривайся с мужем сама. А от нас ты должна уйти.

Вот так. Родная мама выставила меня на улицу с грудным ребёнком в декабрьский мороз. Хочешь – под поезд бросай-

ся, а хочешь – с обрыва прыгай. Вариантов много.

Я надеялась, что папа за меня заступится, но он молчал, потому что в телефонных разговорах он говорил, что если мне понадобится помощь, то я всегда могу на него рассчитывать. В том числе, если свекровь вконец доконает меня. Поэтому-то я и приехала к родителям в надежде, что в такой сложной ситуации они не отвернутся от меня и забудут все прошлые ссоры. Но сейчас отец сидел в комнате и молчал, пока мать выгоняла меня из дому.

Но в дом к свекрови я не вернулась. Вместе с дочерью я ушла жить на частную квартиру, хотя денег на её оплату у меня не было. Но через несколько дней ко мне с повинной приполз муж и уговаривал не разводиться с ним, обещая отдавать зарплату мне. Но, как всегда, не сдержал слова. Он, действительно, стал отдавать мне часть денег. Другую часть он отдавал матери, а третью, самую большую, оставлял себе на пропой.

Так я и жила. Пока дочери не исполнилось три года, и не истёк срок моего декретного отпуска.

Я не умерла с голоду и не сломалась, потому что всё время надеялась, что, выйдя на работу, снова начну зарабатывать хорошие деньги, встану на ноги и смогу развестись. Теперь это было моим самым заветным желанием, которое я пока не могла себе позволить. И мать поддерживала меня в этих мечтах. Не о разводе, нет. Об этом она и слышать не хотела. А о том, чтобы встать на ноги, делать карьеру и хорошо за-

рабатывать. Она неоднократно твердила мне:

– Мы возьмём твою дочь к себе, пока ты будешь обустроиваться. Пусть тебя ничто не отвлекает! Малышка может жить у нас сколько угодно. А когда у тебя всё наладится, заберёшь её к себе.

И я верила. И эта вера помогала мне переносить все трудности.

Но когда истекал срок моего декретного отпуска и нужно было возвращаться в Москву, потому что хозяйка съёмной квартиры попросила нас освободить её жилплощадь, да и с деньгами после дефолта 1998 года у нас было совсем туго, я напомнила матери об обещании.

– Что это ты удумала? – забыв о прежнем дружелюбии, заявила она. – С чего это мы с папой должны воспитывать твоего ребёнка? Сама родила, сама и воспитывай!

– Но ты же говорила, что поможешь мне на первых порах! – расстроенным голосом воскликнула я.

– Выдумываешь ты всё! – со злостью сказала мать. – Ребёнок должен жить с матерью, а не с бабушками и дедушками!

Да, оказывается, всё это было пустыми обещаниями. Как, впрочем, и раньше. И с чего я надеялась, что всё изменится? Наверное потому, что я мать за язык не тянула и не просила сочинять мне сказочки про то, как она будет мне помогать. Но мать снова предпочла быть добренькой лишь на словах, а на деле показала кукиш, словно иного отношения к себе я не достойна.

Когда сестра окончила школу, и для неё настало время выбирать дальнейшее направление жизненного пути, у мамы возникла очередная бредовая идея: Линулинка должна поступить в Академию МВД России. Видимо, некогда это была мамина мечта, которую она никогда даже не пыталась реализовать из-за своей лени и слабости характера. И вот сейчас она решила, что её любимая дочь должна пройти тот путь, о котором она сама могла только мечтать. И когда мы с мужем приехали на выпускной вечер Лины, то мама торжественно сообщила нам об этом решении.

– Да её ж никто к экзаменам не допустит! – сразу же погасил их энтузиазм мой муж, который сам работал в этой системе. – Об этом нужно было думать год назад! В учебные заведения МВД принимают только по направлениям от территориальных органов! А перед этим необходимо пройти очень строгую медицинскую комиссию и тестирование! И всё это делается за несколько месяцев до вступительных экзаменов, а не сейчас!

– А если договориться? – простодушно-наивным тоном поинтересовался отец, которому мать уже успела хорошенько нагреть уши.

– Да у вас нет таких денег и связей, чтобы решать подобные вопросы за несколько дней! – продолжать спускать с небес размахивавшихся родителей мой муж. – К тому же, даже если предположить, что направление вы достали, и мед-

комиссию Лина прошла удачно, то всё равно из этого ничего не получится, потому что вступительные экзамены настолько сложные, что она их просто не сдаст! Одна физкультура чего стоит! Там такие нормативы, что только те, кто регулярно занимается спортом, в состоянии их выполнить! А к девушкам там вообще повышенные требования! Спуститесь вы, наконец, на землю и выберите другое учебное заведение, пока ещё не поздно, а то год потеряете!

И, как всегда из благих побуждений, я тоже решила вмешаться в разговор. Поскольку в тот период времени я работала в отделе кадров педагогического института, параллельно учась на заочном отделении Юридической академии, то не могла не предложить сестре более реальную альтернативу для поступления.

– У нас в пединституте недавно открылся новый факультет. Называется «Технология и предпринимательство». О нём ещё мало кто знает, и потому конкурса туда практически нет. Пусть Лина туда подаст документы. Поступить на этот факультет несложно, а если ей там что-то не понравится, то всегда можно перевестись на другой факультет или даже в другой ВУЗ! Это гораздо проще, чем поступать по новой!

Мама слушала-слушала нас, но потом всё равно сказала:

– Нет! Линулинка будет поступать в Академию МВД! Она девочка умная и сможет с лёгкостью сдать любые, даже самые сложные экзамены! А насчёт направления мы договоримся.

Но, естественно, никакого направления родители достать не смогли и к Академии МВД России Лину и близко не подпустили. И тут родители вспомнили о моём предложении. И, по моему совету, Лина подала документы в педагогический институт на факультет «Технология и предпринимательство». Но она сдала вступительные экзамены так плохо, что умудрилась не поступить.

Да, ума у Линулилки была палата! В школе она еле-еле училась на «тройки» и это притом, что уроки за неё делала я. И даже когда я вышла замуж, она выезжала исключительно на моих конспектах и сочинениях. Но стоило мне напомнить матери об оценках её любимой доченьки, как она тут же отвечала:

– Это ты виновата в том, что у Линулилки плохие оценки! Знаешь, как тяжело ей приходится! Учителя всё время напоминают ей о тебе, сравнивают! Линулилке приходится учиться под таким давлением!

– Да у нас с ней все учителя разные! Ни одного общего!

Наша школа, действительно, была очень большая, из двух учебных корпусов. И педагогический состав был полностью укомплектован, поэтому у нас с Линой реально все учителя были разными. Проблема была в другом. Таких, как я, знала вся школа. Я же была отличница и активистка, член комитета комсомола. По факту, я участвовала во всех школьных мероприятиях, а часто сама их и организовывала.

– К тому же вы сами заставляли меня учиться на одни

«пятёрки»! А теперь ты меня этим упрекаешь! По-твоему, я должна была учиться только на «пятёрки», но при этом быть хуже своей сестры-троюродницы? Так, по твоему?

– Вечно ты так! – злобно отвечала мать. – Ненавидишь сестру и несёшь, не пойми что!

И почему она всё время приписывала мне чувство ненависти к сестре? На самом деле я никогда её не ненавидела. Порой винила в том, то она перетягивает на себя родительское внимание, но всё равно любила её и заботилась о ней, даже когда мы обе стали взрослыми.

В общем, когда все вступительные экзамены были окончены, а списки вывешены, и Лины в них не оказалось, я была на девятом месяце беременности и, во избежание наступления преждевременных родов, никуда не выезжала.

И вот однажды в дверь нашей московской квартиры позвонили, и, когда я открыла дверь, на пороге стояли папа и Лина.

– Светка, нужна твоя помощь, – с ходу заявил папа.

И, войдя внутрь, отец поведал мне историю последних двух месяцев. За это время родители успели понять, что их иллюзии о гениальности Линулинки подверглись некоему сомнению, так как их любимая доченька не смогла никуда поступить. И теперь, чтобы не потерять год, на их семейном совете было решено обратиться за помощью ко мне, чтобы я, используя свои связи в педагогическом институте, договорилась с нужными людьми, и Линулинку бы приняли на учёбу.

– Но уже поздно! – воскликнула я. – На календаре август! Набор студентов окончен! Все приказы напечатаны и подписаны! Я ничего не могу сделать!

– А ты попытайся! – продолжал уговаривать меня отец. – Это же твоя сестра! Неужели ты не хочешь ей помочь? Поезжай к себе на работу, поговори с кем надо, глядишь, всё и получится!

– Но я даже на улицу сейчас почти не выхожу! – продолжала я отнекиваться. – Я плохо себя чувствую, и любой стресс может спровоцировать роды!

– Но это ради сестры! Ты же можешь ей помочь!

Короче говоря, разговор был долгим, и я поняла, что пока я не съезжу в пединститут и не получу там отказ, родители не успокоятся. Поэтому я собралась, и медленным шагом поплелась к метро. Папа и Лина следовали за мной.

Верите, я бы даже для себя не сделала того, что сделала для сестры. Я ходила из кабинета в кабинет, протискивая свой большой живот, и просила сначала декана факультета «Технология и предпринимательство», зачем начальницу отдела кадров, затем проректора за ради Бога принять мою сестру, которая, якобы по нелепой случайности, не прошла по баллам. И только благодаря моей безупречной репутации, которую я заслужила здесь за два с лишним года работы, мне пошли навстречу и согласились принять мою «умную» и «талантливую» сестру на заочное отделение факультета «Технология и предпринимательство» с теми баллами, которые

она набрала, но при условии, что она будет работать в пединституте на протяжении всей своей учёбы.

Начальница отдела кадров так прямо и сказала, что если моя сестра хотя бы вполовину так хороша, как я, то для неё сделают исключение и зачислят в институт. И мне пришлось подтвердить, что так оно и есть, лишь бы выполнить просьбу родителей.

В общем, дело было сделано, папа был на седьмом небе от счастья, и на некоторое время меня оставили в покое, тем более что в моей жизни проблем и перемен было хоть отбавляй.

В сентябре результате тяжелейших родов у меня появилась дочь, а по возвращении из родильного дома, как я уже упоминала, я осталась совершенно без денег, да ещё и в компании скандалистки-свекрови, у которой было только одно развлечение и одна цель: сжить меня со свету. И потому я попыталась вернуться к родителям и подать на развод, но мне это не удалось и пришлось продолжать свою семейную жизнь с постылым мужем на съёмной квартире. Поэтому я абсолютно не интересовалась учёбой своей сестры, тем более что родители всё время уверяли меня, что Линулинка – первая студентка на своём факультете. Но Линулинка оказалось ещё той штучкой. Даже в своих самых ужасных кошмарах я не могла вообразить, какие фортели способна вытворять моя сестрица.

Вместо того чтобы уделять время учёбе и работе, Лина на-

шла себе парня. Причём с такой репутацией, что пробы ставить было негде. И забеременела от него. Но все эти неблагоприятные поступки Лина благополучно скрывала от родителей до тех пор, пока это было возможно. Даже мой муж, который ничего не видел дальше бутылки, заметил:

– Света, мне кажется, твоя сестра беременна.

– Как ты можешь такое говорить! – сразу же возмутилась я, заступаясь за благочестие сестры. – Лина – правильная и серьёзная девушка! До свадьбы она никого к себе не подпустит!

– Даними ты наконец розовые очки! – напустился на меня муж. – Просто посмотри на Лину! Сама всё увидишь!

И я увидела. Если поначалу мне казалось, что сестра набрала несколько лишних килограммов, то приглядевшись внимательнее, я поняла, что мой супруг был абсолютно прав. Причём срок её беременности явно подходил к последнему триместру. Но почему же тогда родители этого не видели? Или, может быть, они просто скрывали всё от меня? И я решила поговорить по этому поводу с мамой и всё выяснить.

– Мама, даже не знаю, как тебе сказать, но подозреваю, что Лина беременна, – сообщила я матери во время очередного визита.

– Что ты! – бурно отреагировала мать. – Как только язык у тебя повернулся такое сказать?

– Да мне самой не хочется в это верить, но, знаешь ли, все признаки налицо! К тому же, я полагаю, что срок уже очень

приличный, – сокрушённо проговорила я, даже не обижаясь на негодование матери, которая и предположить не могла подобное в отношении любимой доченьки.

– Возможно, Линулинка немного поправилась, вот тебе и видится незнамо что! – продолжала отстаивать честь любимой дочери мама.

– Возможно, – ответила я. – Вполне вероятно, что я ошибаюсь, но ты-то видишь её каждый день, в разное время суток и в разной одежде! Поэтому ты должна точно знать.

– Да, я вижу Линулинку каждый день и потому говорю тебе: она не беременна! Хватит позорить сестру! Выдумываешь всякое! Тебе просто завидно, что у Линулинки всё хорошо!

– Да я, наоборот, из благих побуждений разговариваю сейчас с тобой! Чтобы потом эта новость не застала тебя врасплох, став неприятным сюрпризом! Чтобы вы с папой успели подготовиться, потому что на таком сроке, как у Лины, уже ничего не предпримешь! Остаётся только пелёнки покупать!

– Даже слушать тебя не хочу! – продолжала возмущаться мать. – Линулинка бы никогда так не поступила! И если бы она всё же забеременела, то только от законного мужа!

Доводы матери показались мне убедительными, ведь тогда я безоговорочно верила ей, также как и сестре, и я подумала, что мой муж просто ошибся, а я поддалась его заблуждению, вызвав при этом недовольство мамы, что вполне может перерасти в крупную семейную ссору. Но прошло

две или три недели, как родители заявили ко мне в гости и сообщили следующую новость:

– Линулинка выходит замуж за своего парня! Свадьба через две недели!

– Значит, Лина всё-таки беременна? – ликуя, поинтересовалась я у родителей.

– Да, – спокойно ответили они, словно Лина давно уже была замужем, и её беременность была делом вполне естественным.

– Что я говорила? А вы не хотели верить! Доказывали мне, что Лина просто поправилась!

– Светка, тебе просто нравится обижать сестру! – со злостью в голосе начал спорить со мной отец. – Линулинка никогда нас не обманывала. Она просто не говорила правды. А это не обман!

– Обман! – тут же парировала я. – Если не верите, могу даже зачитать вам Гражданский кодекс! Утаивание информации – это одна из разновидностей обмана!

– Как же сильно ты ненавидишь сестру! – вступила в разговор мать. – Вместо того чтобы поддержать её в такой сложный период, ты стараешься побольнее уколоть её! Ты даже представить себе не можешь, как тяжело ей пришлось в последнее время! Она ведь никому не могла сказать о своей беременности! Это же какой нужно иметь сильный характер, чтобы всё это выдержать! А ты лишь злорадствуешь и смеёшься над сестрой!

– Да кто над ней смеётся? Я просто хочу, чтобы вы наконец-то признали мою правоту и всё! А насчёт того, что Лине было тяжело, не соглашусь с вами. Во-первых, она сама виновата в своём положении, а во-вторых, я что-то не пойму, с какой это стати ей было тяжело, и я должна ей сочувствовать? Может быть, вы выгнали её из дому, оставив на улице без копейки? Нет, она живёт так же, как и жила, на полном вашем содержании, в сытости и довольстве. Куском хлеба вы её не попрекаете, а, наоборот, во всём поддерживаете. Так отчего же я должна её жалеть?

– Мы пришли к тебе, чтобы сообщить хорошую новость, а ты не можешь даже порадоваться с нами! – с горечью ответила мать. – Это твоя ненависть к сестре не позволяет тебе это сделать!

Вот так! Снова-здорово. Что бы я не сказала родителям, даже если это – чистая правда, я всё равно выглядела в их глазах завистливой и злобной девицей.

А вскоре была скромная свадьба, потому что мало кто из родственников смог приехать, так как всё делалось в спешке. А ещё через пару месяцев Лина родила мальчика. И неприятности родителей перешли, так сказать, на новый уровень.

Супруг Лины нигде не работал, и потому моим родителям пришлось содержать и его тоже, в довесок к Лине и новорождённому внуку. Когда же я спросила у мамы, а почему, собственно, Лина не ушла жить к своему мужу, то услышала такой ответ:

– Неужели ты думаешь, что я могу отпустить Линулинку в таком положении в чужой дом? А кто будет готовить ей есть, что будет помогать ей с ребёнком, ты об этом подумала?

– Но теперь у Лины есть муж и свекровь! Пусть они ей и помогают, – спокойным тоном ответила я.

– Ты хоть немного думаешь, что говоришь? – возмутилась мать. – Ты хочешь, чтобы Линулинка сама у плиты стояла? Или сама стирала?

– Но меня же вы отправили жить к мужу, хотя знали, как мне там плохо!

– Не сравнивай! То – ты, а то – Линулинка! Ты всегда сама со всем справлялась, а Линулинке нужно помогать! Она же младшая! К тому же у нас в квартире для тебя места нет! Поэтому ты и не можешь у нас жить!

– Значит, для меня, для родной дочери, у вас места нет, а для мужа Лины место есть?

– А что тебя в этом удивляет? Теперь он – член нашей семьи! И муж Линулинки! И почему я должна тебе всё это растолковывать?

Но это было ещё не всё. Муж Лины заразил всех чесоткой, так что родителям пришлось хорошенько попрыгать, прежде чем они смогли избавиться от этой заразы. И тогда я впервые с благодарностью подумала о том, что родители и сестра никогда меня не обнимали и не целовали, а всегда держались на пионерском расстоянии. Ведь именно из-за этого меня миновала сия болезнь. А потом выяснилось, что у супруга Ли-

ны сифилис. И тогда терпение родителей истощилось, и они выгнали новоявленного зятя из своей квартиры и разрешили Лине подать на развод.

Однако ещё об одной неприятности, связанной с обманом со стороны их любимой доченьки, им ещё предстояло узнать.

Когда мой декретный отпуск закончился, мне пришлось вернуться в Москву, и я вышла на работу на прежнее место, а именно в отдел кадров педагогического института. И в первый же день девчонки-коллеги сообщили мне, что Лину давно отчислили из института.

– Но почему? – поразилась я, расспрашивая девчонок.

– Потому что она не сдала ни одной сессии, – последовал ответ.

– Как такое возможно? Неужели её завалили? – спрашивала я.

– Нет! Преподаватели сами подходили к ней и просили написать хотя бы одну работу, чтобы ей могли поставить зачёт, но она отказывалась, объясняя, что ей это не нужно. Ты так унижалась ради неё! С пузом бегала по институту, умоляя всех принять её! А она так поступила с тобой! – сочувственно говорили мне девчонки.

– Но зачем же она просила меня устроить её в этот институт? – спрашивала я, но не получала ответа.

А самым главным вопросом было то, что она тогда делала здесь эти три года, потому что зарплаты секретарей настолько маленькие, что зарабатываемые деньги не окупают даже

расходов на дорогу! Зачем Лине нужно было сидеть на этом месте столько лет, спрашивая каждый день деньги у родителей, если она здесь не училась? Но ответы на эти вопросы я получить не могла, потому что боялась сообщить эту ужасную новость родителям. Но через третьих лиц они всё-таки узнали об этом. И что же они сделали? Конечно же, обвинили во всём меня!

Папа позвонил мне по телефону и, не поздоровавшись, начал высказывать все свои обиды.

– Светка, как ты могла так поступить со своей сестрой? Как ты могла так поступить со всеми нами? – обиженным голосом начал он предъявлять мне свои претензии.

– А что я сделала? – недоумённо спросила я у него, не подозревая о той извращённой фантазии, которая овладела умами моих родителей.

– Ты забрала Линулинкины документы из института, и её отчислили, – громовым голосом отчеканил отец, словно зачитал приговор.

– Ты хоть соображаешь, что говоришь? – не сдержалась я. – Да, Лину отчислили из института, но это случилось три года назад, когда я была в декретном отпуске! И отчислили её не потому, что я якобы забрала её документы, а потому что она не сдала ни одного экзамена, не написала ни одной письменной работы! Она вообще не ходила на занятия!

– Как ты могла так поступить? – совершенно не слушая моих объяснений, продолжал стыдить меня отец.

– Да с чего ты взял, что я виновата в её отчислении? – снова спросила я.

– А кто ещё? Кроме тебя это некому было сделать!

– И каким образом, по-твоему, я могла всё это проверить? Ведь ты прекрасно помнишь, какими тяжёлыми были у меня роды, и как я потом мыкалась без денег по съёмным квартирам! И ты думаешь, в то время у меня не было других забот, как заниматься отчислением Лины из института?

– Ну, если ты не сама это сделала, то, значит, попросила кого-нибудь, – продолжал гнуть свою линию отец.

– Да зачем мне это делать, если я сама устраивала Лину в институт? Будучи на сносях, бегала, унижалась перед всеми, лишь бы её приняли вне конкурса! И всё для того, чтобы потом организовать её отчисление? Сам подумай! Да у меня и полномочий таких нет!

– Но кроме тебя это никто не мог сделать! – вместо ответа повторил старую песню отец.

– А ты не пробовал у Лины спросить, почему её отчислили? – попыталась я изменить свою тактику, чтобы вразумить отца.

– Я спрашивал! И Линулинка сказала, что это ты забрала её документы, и потому её отчислили.

Да, дело приняло другой оборот! Оказывается, это сестра навела на меня поклёп, и родители, естественно, поверили ей.

– А ты хотя бы зачётную книжку её видел? Есть ли там

оценки, которые бы подтвердили, что Лина действительно училась всё это время? – спросила я, надеясь, что против такого доказательства у родителей не будет аргументов.

– Да, видел, – с готовностью ответил отец. – И там полно оценок.

Видимо, я недооценила масштаб Линкиного вранья! Она подготовилась по всем пунктам!

– Но ты хоть раз видел, чтобы Лина сидела за учебниками и писала свои работы? Ты же помнишь, сколько времени я проводила за подготовкой к занятиям! Все выходные с утра до ночи занималась! А когда по вечерам у меня были лекции и семинары, то я вообще возвращалась домой за полночь! А Лина хоть раз вернулась домой позже восьми вечера? Ведь занятия у заочников начинаются не раньше половины седьмого, а заканчиваются в десять вечера. И если бы она их посещала, то не смогла бы приезжать домой так рано!

– Не нужно сравнивать себя и Линулинку! – снова встал на защиту любимой дочери отец. – Она умная, и всё успевает делать во время рабочего дня! И работы писать и экзамены сдавать!

– Но это невозможно, потому что расписание занятий не Лина составляет!

– Это для тебя невозможно, а Линулинка всё может! И если бы не ты, очень скоро она бы окончила институт с отличием! Но тебе стало завидно, и ты решила испортить сестре будущее! Как только совести у тебя хватило так обойтись с

нами?

Признаться, я человек очень вежливый и никогда не бросаю телефонные трубки, даже если мне звонят по поводу социального опроса. Всегда стараюсь вежливо объяснить абоненту причины своего отказа и только после этого кладу трубку. Но тут я не выдержала. От несправедливости родительских обвинений меня трясло, и я поняла, что совершенно неважно, что я буду говорить в ответ, потому что родители уже всё для себя решили. Впрочем, так было всегда. Если Линулинка тыкнет пальцем на белое и скажет, что это чёрное, родители поверят не своим глазам, а Линулинке. Поэтому, как бы я не пыталась вразумить отца, показав несостоятельность его точки зрения, это будет бесполезно, потому что он не будет меня слушать. Но и продолжать дальше этот бессмысленный разговор я тоже не могла, потому что, как бы не пытались родители втоптать меня в грязь, остатки самоуважения у меня ещё были. Поэтому я просто положила телефонную трубку и перестала отвечать на звонки. А потом пересказала весь этот неприятный разговор мужу, завершив своё грустное повествование фразой:

– Родителей у меня больше нет!

И, на удивление, муж согласился со мной, потому что подобные несправедливые обвинения терпеть уже нельзя.

Прошла неделя, и вот однажды, когда в дверь позвонили, и я пошла её открывать, то увидела на пороге своих родителей. Я не хотела их пускать и, если бы мужа не было дома,

то просто захлопнула бы дверь у них перед носом. Но папа сразу же достал из сумки бутылку водки, а мой муж ради подобной взятки готов был принять в свои объятия любого. Даже чёрта.

– Мы приехали мириться, – сказал папа, проходя в комнату.

Я молчала, потому что моя обида на родителей была настолько велика, что я не желала их ни видеть, ни слышать. Мама, впрочем, тоже молчала. По её виду было заметно, что она здесь против своей воли. Вероятно, так оно и было.

– Я разговаривал с Линулинкой, и она призналась, что ты не виновата в том, что её отчислили, – продолжил говорить отец, видя, что я не желаю поддерживать разговор. – Она сказала, что ей не понравился факультет, который ты для неё выбрала, поэтому она не стала на нём учиться. А признаться раньше она боялась из-за тебя. Она опасалась твоей реакции. Думала, ты взбесишься, узнав, что она не хочет учиться на том факультете, на который ты её устроила.

Да, в общем, извинения извинениями, но папа всё равно пытался выставить меня виноватой в сложившейся ситуации. Мол, Лина боялась моего гнева. Да какой гнев? Более выдержанного и спокойного человека, чем я, ещё поискать надо! У меня же язва! Если я буду нервничать, она снова откроется. Поэтому я стараюсь философски относиться ко всем неприятностям. И хоть это не всегда получается, но я стараюсь. И на людях практически никогда не вымещаю

злость. Если уж совсем доведут. А так веду себя, как добродетельная барышня, которая не знает ни одного скверного слова и руководствуется во всех своих поступках библейскими заповедями. Лина же врёт и не краснеет. Впрочем, также как и родители. Хотя, возможно, они сами подсказывали ей ответы, которые хотели услышать, а той нужно было лишь стоять да поддакивать или просто помалкивать, потому что родители, как всегда, сами додумают за свою младшую дочь то, что им больше по сердцу.

– Да я выбрала этот факультет лишь потому, что поступить на него было легче всего! – не сдержавшись, стала отвечать я отцу. – На другие факультеты Лина бы точно не пошла! Даже на заочное отделение! Я же ради неё старалась! А если ей так не понравился факультет, то она могла бы перевестись на другой. На тот, что был ей по душе. В педагогическом институте больше десятка различных факультетов, на любой вкус. И для своих сотрудников перевод на другой факультет вообще не представляет никаких проблем! Пишешь заявление и всё! Ты уже на новом факультете. Так что все отговорки Лины и гроша ломаного не стоят! Она просто не хотела учиться! Только вот зачем вы просили меня устроить её в институт, который ей не нравился? Я что-то не пойму!

– Потому что ты сбила Линулинку с толку! – вступила в разговор мать. – Ты так много рассказывала про этот институт и новый факультет, что мы все подумали о том, что это и в самом деле то, что нужно! Но мы ошиблись. И теперь из-

за тебя Линулинка потеряла три года!

– Да кто же заставлял её там сидеть? Тем более если она там не училась? Ушла бы и всё! И я бы и слова ей не сказала, – ответила я.

– Папа тебе уже всё ответил! Линулинка боялась тебя! – снова принялась заступаться за любимую дочь мама.

– Но даже если на секундочку сделать допущение и предположить эту абсурдную мысль, что она меня боялась, то что бы я могла сделать Лине, если бы узнала, что она ушла из института? Скажите! – перешла я в наступление. – Может быть, она жила в моей квартире и боялась, что я её выгоню? Или, может быть, я ей каждый день деньги давала на то, чтобы она ездила в институт, и она боялась их потерять? Да я даже вижу с ней только в вашем присутствии! Так что я могла ей сделать? Что её останавливало?

– Ты! Ты её останавливала! – чеканя каждое слово, произнёс отец, и, вероятно, этот неприятный разговор, целью которого было мирное урегулирование возникших разногласий, затянулся бы надолго и перерос в ещё более крупную ссору, но в этот момент мой муж, которому не терпелось выпить, принялся настойчиво звать всех к столу, и оттого наша контрпродуктивная беседа закончилась.

Все выпили, размлели и через некоторое время даже перестали смотреть друг на друга волком. Перемирие худо-бедно состоялось. Но только неприятный осадок в моей душе всё же остался.

А через год Лина всё-таки поступила в коммерческий лесотехнический институт на юридический факультет и в течение пяти лет снова тянула с родителей деньги. И когда я интересовалась, сколько экзаменов в сессию она там сдаёт, то поняла, что никаких фундаментальных знаний она там не получает. Потому что в сессию она сдавала не больше одного экзамена или зачёта, да и те проходили в виде тестов.

С самого детства мне очень хотелось гордиться своими родителями, чтобы они дали мне хоть малейший повод почувствовать себя счастливой лишь потому, что я – их дочь. Наверное, это чувство присуще всем детям, и я не была исключением. Но родители вели такую тихую и незамысловатую жизнь, в которой не было абсолютно никаких эмоциональных всплесков, если не считать оскорблений в мой адрес по любому поводу, что моему разуму не за что было зацепиться. Казалось, что они, в отличие от остальных людей, мечтающих чем-то выделиться, наоборот, преследуют обратную цель: превратиться в невидимок. И, признаюсь, им это отлично удалось. У родителей никогда не было друзей, они не устраивали вечеринок или званых обедов (за исключением, разумеется, дней рождения Линулинки), да и сами они тоже никуда не ходили, не посещали новых мест и не стремились получить новые знания. Да и одежда их была такова, что напоминала тщательно спланированную маскировку и была исключительно блёклых цветов и бесформенных

фасонов. Но зато в отношении меня у них была совершенно другая политика. Они не только заставляли меня учиться лучше всех в школе, но и принуждали участвовать во всевозможных конкурсах, включая телевизионные. Вероятно, на это их вдохновила моя двукратная победа в «Что? Где? Когда?», хотя, когда я собирала вопросы для знатоков и писала письма в редакцию, меня отговаривали все, даже друзья.

С восьми лет я являюсь преданным поклонником этой телепередачи. И мечта однажды войти в ряды знатоков была одним из самых сильных моих желаний. Тем более что даже в школьные годы мне порой удавалось отвечать на те вопросы, на которые знатоки не могли дать ответ. Но я понимала, что для того чтобы попасть в ряды этих гигантов мысли, нужно сначала получить высшее образование и значительно повысить свой интеллектуальный уровень, что возможно только с возрастом. Но мне не хотелось так долго ждать, поэтому я решила приобщиться к своей мечте немного с другой стороны, а именно, став зрителем, который общается со знатоками посредством своих вопросов.

Ещё в школьные годы я начала собирать подходящие вопросы, но первое письмо отправила лишь после рождения дочери, так как хотела набрать побольше интересных вопросов.

Абсолютно все мне твердили, что я напрасно трачу время, потому что редакция этой телепередачи все полученные письма просто выкидывает, а зрителями на экране являются

подставные лица. И в качестве доказательств называли имена каких-то своих дальних знакомых, которые тоже писали в «Что? Где? Когда?», но не получили ни ответа ни приветов. Но я верила своей любимой телепередаче и верила в себя и потому, наплевав на чужое мнение, отправила первое письмо. Потом ещё. А потом ещё одно. И в итоге два вопроса из моих писем попали на стол знатокам. К сожалению, знатоки не смогли выбрать верные ответы на мои вопросы, и я выиграла некоторую сумму денег. (К слову, в первый раз знатоки просто не выбрали правильный ответ, который звучал у них за игровым столом). И хотя я предпочла бы, чтобы знатоки ответили на мои вопросы, заработав себе дополнительные очки, ведь я всегда на их стороне, но полученный денежный выигрыш немного скрасил мои переживания.

После такой удачи уже никто не мог отрицать моих заслуг. Меня все поздравляли, даже отец, и все спрашивали, когда я вновь вступлю в схватку со знатоками, но я и так разрывалась между семьёй и работой, и мне было просто некогда ездить по библиотекам и читать книги. Да и становиться знатоком я уже передумала, потому что слишком много было других забот, которые приходилось решать, и делать что-то только для себя стало для меня непозволительной роскошью.

Однако люди, не имеющие собственных достижений, всегда любят хвалиться чужими успехами. Полагаю, мой прорыв в «Что? Где? Когда?» показал родителям, что от меня может быть ещё больше выгоды, чем они думали, и потому

меня следует толкать и дальше на штурмы других телепередач. Потому что, когда на наши телеэкраны вышла передача «Последний герой», родители сразу же начали настаивать, чтобы я приняла в ней участие. И плевать, что я была замужем и растила дочь, и мне приходилось работать без выходных, чтобы прокормить семью. Ведь, по мнению родителей, я как Юлий Цезарь, могу делать сто дел одновременно и, вопреки всем законам физики, могу быть в нескольких местах одновременно, занимаясь семьёй, зарабатывая деньги на своей работе и выигрывая в популярной телеигре на другом конце света.

– Почему ты до сих пор не отправила заявку на участие? – чуть ли не каждый день спрашивал меня отец и по телефону и при редких личных встречах. – Или ты считаешь, что три миллиона рублей могут быть лишними? Тогда отдашь их нам с матерью, и мы найдём, куда их потратить!

– Ты же прекрасно знаешь, что у меня нет шансов, – отвечала я. – Ты смотрел эту передачу и в курсе, что все конкурсанты проходят строгий отбор, в том числе и медицинский, который я не пройду. Моя кожа абсолютно не восприимчива к загару! Я сгораю на солнце за двадцать минут, даже если использую солнцезащитный крем. А съёмки «Последнего героя» проходят в тропиках под палящим солнцем. Я и дня там не продержусь. К тому же у меня язва желудка, и от незнакомой пищи у меня может случиться несварение или что ещё похуже. Вряд ли рейтинги этой телепередачи под-

нимутся, если кого-то из участников стошнит прямо на телекамеру.

– Твоё дело попасть туда, а уже на месте будешь решать, как тебе продержаться, – продолжал настаивать отец.

– Но в том-то и дело, что я туда не попаду! Первый же врач, взглянув на меня, отправит обратно! Как ты не понимаешь?

– Но ты же не пробовала! А врачам можно сказать что угодно, главное, попасть на телепередачу, – не принимая в расчёт доводы разума, продолжал гнуть свою линию отец.

– Как же мне достучаться до тебя? – начинала я терять терпение. – Оттого что вы с мамой с утра до вечера проводите время в четырёх стенах, вам сложно оценить реальную жизнь! Поэтому ещё раз повторяю, что даже если каким-то чудом я смогу пройти медицинскую комиссию и остальные отборочные туры и попаду на передачу «Последний герой», то первым человеком, которого выкинут, буду я! И сделано это будет отнюдь не из мести или из вредности, а из жалости, потому что в первый же день пребывания там я получу такие солнечные ожоги, что моё дальнейшее пребывание там станет просто опасным!

– Тебе главное попасть туда, – продолжал настаивать отец, и в его голосе начинали слышаться радостные нотки от того, что я хотя бы гипотетически допустила возможность своего участия в этом телевизионном проекте. – Может быть, тебе и удастся выиграть три миллиона!

– Не удастся, – старалась я пресечь на корню энтузиазм отца. – Потому что я не буду там участвовать!

– Но ты должна попробовать!

– А почему бы тебе не предложить Лине поучаствовать в этом проекте? Она моложе меня, и со здоровьем у неё всё в порядке! – решила я отвести от себя стрелки.

– А причём здесь Линулинка? У Линулинки другие заботы! Ей нужно учиться. А ты вполне могла бы принять участие в «Последнем герое» и выиграть три миллиона рублей, – возвращая разговор в прежнее русло, отвечал отец.

– А у меня, конечно же, никаких забот нет! Ни семьи, ни работы, ничего! Я с лёгкостью могу всё это бросить и уехать на край света, чтобы искать приключений, которые однозначно закончатся плачевно для моего здоровья, – с сарказмом отвечала я.

– Я не пойму, тебе что, не нужны три миллиона рублей? – недовольный моими отказами, начинал злиться отец.

– Отчего же? Я бы не отказалась получить эти три миллиона. Но в данной ситуации это всё равно, что пытаться достать Луну с неба! Повторяю, для меня это невозможно! Поэтому я даже не буду тратить свои силы и время на то, чтобы пытаться попасть туда. У меня полно других, более насущных проблем, которые я должна решать, а не мечтать о каких-то гипотетических миллионах!

– Нет, ты должна пообещать мне, что позвонишь на телепередачу и начнёшь проходить отборочный тур, – не желая

отступать от своих планов, категорически заявил отец.

– Я не буду тебе этого обещать, – отвечала я, завершая разговор.

После этой фразы я придумывала какую-нибудь отговорку, чтобы сбежать, но это была лишь временная передышка. Пока на наших телеэкранах сезон за сезоном выходил «Последний герой», родители пытались заставить меня пообещать им, что я направлю заявку на участие в этом телевизионном проекте. И хотя я всегда была послушной дочерью, и три миллиона рублей мне бы оченьгодились, я ни разу не попыталась оказаться среди «героев», потому что знала, что тратить понапрасну свои силы и время – глупая затея. Мне и так нужно успеть сделать слишком много, и я не могу растрачивать свою энергию на бесперспективные авантюры.

Однажды на улице я нашла в снегу золотое кольцо с надписью «Спаси и сохрани». Оно было большого размера и явно предназначалось для мужчины. И если бы мой муж не был убеждённым атеистом, я бы как примерная жена отдала бы это кольцо ему. Но я знала, что мой благоверный не только не будет его носить, но и постарается пропить при первом удобном случае. Поэтому я решила подарить это кольцо папе.

Я всегда считала, что найденные вещи приносят удачу. Так, перед вступительными экзаменами в ВУЗ я нашла в песке серёжку. Она не была ни золотой, ни серебряной. Она

была просто очень красивой. Витиеватой формы с чёрными стразами. И я взяла её себе, отмыла от песка и на следующий день надела, и получила «пять», с первого экзамена поступив в Юридическую академию.

Я и потом одевала эту серёжку, но только в крайних случаях, когда мне нужна была помощь свыше. И всегда, когда серёжка была у меня в ухе, мне везло. Просто феноменально везло, словно с утра я выпила эликсир удачи. И до сих пор эта чудодейственная серёжка лежит у меня в отдельной шкатулке, хотя я уже давно не надевала её.

Но в то же время, если я могла вернуть пропажу владельцу, то непременно это делала. Например, пару раз я находила деньги (причём приличные суммы) в здании, где работала. Так потом я обходила все кабинеты и выясняла, кто их потерял, и оба раза находила счастливцев, которым эти деньги принадлежали, после чего возвращала найденную сумму безо всякого вознаграждения.

А однажды мой маленький сын нашёл на дороге сенсорный мобильный телефон, но я не позволила ему оставить эту вещь у себя. Я объяснила, что ребёнок, который потерял этот телефон, будет сильно переживать из-за своей потери, и в придачу ему достанется от родителей. Так что нельзя строить своё счастье на несчастье других. И проверив контакты, указанные в телефоне, я нашла номер мамы этого ребёнка и, созвонившись, вернула ей пропажу безо всякого вознаграждения.

Потом я объяснила сыну, что от добрых дел сердце становится больше и сильнее, поэтому он не должен сомневаться в правильности нашего с ним поступка. И сын согласился со мной, ни разу не упрекнув меня в том, что я забрала у него найденную вещь.

Но в тот зимний день, когда я нашла в снегу золотое кольцо, то подумала о том, что искать владельца этой вещи бессмысленно. Поэтому я решила оставить кольцо себе, чтобы потом отдать папе, которому удача явно не помешает. И во время ближайшей поездки к родителям я вручила ему этот подарок.

Папа обрадовался, поблагодарил меня, а я почувствовала, что сделала доброе дело. Но когда в следующий раз я приехала к родителям, то поинтересовалась, почему папа не носит подаренное мной кольцо.

– А мы сдали его в ломбард, – спокойным тоном ответила мать.

– Как? – изумилась я. – Это же был подарок!

– Нам понадобились деньги, – не меняя выражения лица, продолжила мама. – Ты же нам отдала это кольцо, вот мы и распорядились им так, как сочли нужным.

– Но я подарила это кольцо не вам двоим, а папе! Чтобы оно приносило ему удачу!

– Вот нам и повезло! Мы получили за него деньги и потратили так, как хотели, – не давая папе вставить ни слова, ответила мама.

Как же мне было обидно это слышать! Да если бы я знала, как родители распорядятся этим кольцом, то ни в жизнь бы им его не отдала! Пусть бы лежало у меня и ждало своего часа. Лучше бы я потом передала его сыну, когда тот стал бы взрослым! А в ломбард отнести это кольцо я могла и сама, если б захотела.

Хотя что, собственно, я удивляюсь? Разве родители не всегда пренебрежительно относились к моим подаркам, которые я делала им от всей души? Все презенты, которые я дарила маме, ждала незавидная участь. Если это была косметика, парфюм или кремы, то они просто ставились на полку, куда-нибудь с глаз подальше, а когда срок их годности истекал, то они благополучно выкидывались. А если это были какие-то вещи, то мама раздавала их всем, кто попросит, без малейших угрызений совести. И на мои искренние вопросы: «Зачем ты это сделала, ведь я же покупала это именно для тебя?», мама, пожимая плечами, отвечала:

– Ну и что?

И почему я надеялась, что к этому кольцу будет иное отношение? Может быть, потому что оно – золотое, да и надпись на нём такая символическая? Но, вероятно, тот факт, что этот подарок был получен из моих рук, перевесил все остальные аргументы, и, уверена, под влиянием мамы папа сдал эту вещь в ломбард, чтобы мама могла потратить эти деньги по своему усмотрению.

Ах, как это обидно! У меня сразу же пропало желание

вообще делать им какие-либо подарки, если их ждала такая незавидная участь!

Мама всегда утверждала, что в детстве я никогда не болела, и поэтому у неё со мной не было никаких проблем. И действительно, в моей памяти совершенно отсутствуют сцены, когда я бы лежала в кровати, а мать поила меня лекарством с ложечки.

До семи лет моя медицинская карта была абсолютно чистой. В ней не было никаких записей о перенесённых заболеваниях. Именно поэтому, когда я стала взрослой, этот факт причинял мне много беспокойств. Ведь общеизвестно, что многие инфекционные заболевания легко переносятся детьми, но в то же время они приводят к тяжёлым последствиям, если ими заболевает взрослый человек.

И когда у меня самой появились дети, я с ужасом ждала, когда кто-нибудь из них вернётся домой из детского сада с ветрянкой. И когда заболела дочь, я приготовилась к худшему. Каждый день я осматривала своё тело в поисках очагов инфекции, но они не проявлялись. В итоге дочь переболела ветрянкой, а я даже не заразилась, что, с одной стороны, очень удивило меня, а с другой – обрадовало. И я объяснила себе это тем, что у меня сильный иммунитет, и потому я не заболела.

Но когда мой сын собрался поступать в детский сад, я снова начала беспокоиться. Если в первый раз по какой-то неве-

домой причине болезнь обошла меня стороной, то не факт, что мне повезёт во второй раз. Тем более что я стала старше, и запас моего здоровья заметно поубавился. И тогда я обратилась к детскому врачу и объяснила свою проблему.

– В этой ситуации, – сказала мне доктор, – я бы посоветовала сделать прививки. И Вам и Вашему сыну.

И я поступила именно так. Сделала в детской поликлинике прививку сыну и потом сама отправилась к врачу.

– А Вы уверены, что в детстве не болели ветрянкой? – поинтересовалась у меня врач, прежде чем выписывать направление на прививку.

– Конечно, уверена! Моя мама всегда утверждала, что я не болела никакими инфекционными заболеваниями! И в медицинской карте тоже нет никаких записей!

Но мои доводы врача не убедили.

– Я считаю, что сначала Вам стоит сдать анализы на наличие антител ветряной оспы. На всякий случай. А если результат будет отрицательным, то тогда сделаем Вам прививку.

Это предложение было разумным. И даже странно, что я сама не додумалась до этого. Но, как всегда, слова матери были для меня истиной, не подлежащей сомнению.

И вот на четвёртом десятке лет я направилась в медицинский центр, чтобы сдать необходимые анализы. И как вы думаете, что я увидела, получив результаты? То, что было очевидно с самого начала. В детстве я болела ветрянкой. При-

чем наличие в моём организме антител ветряной оспы было очень впечатляющим. И врач сказала мне, что такое количество антител в организме возможно только в результате перенесённого заболевания. Если бы у меня был врождённый иммунитет, то количество антител было бы гораздо меньше.

Получив на руки результаты анализов, я сразу же пожалела о прививке, сделанной сыну. Но больше всего меня поразило тот факт, что моя мать не знала, или точнее будет сказать, не желала знать о том, что её старшая дочь в детском возрасте на ногах перенесла ветрянку. Это же как нужно не любить собственного ребёнка, чтобы его, больного и с высокой температурой, гнать каждое утро в детский сад?

Да, чем дольше я живу и чем больше узнаю собственную мать, тем сильнее гаснут во мне всякие чувства к ней.

За что она так со мной?

Моя семейная жизнь с мужем была очень тяжёлой. Я жила в постоянных лишениях, испытывая ежедневные унижения и оскорбления от мужа и свекрови. И поэтому, чтобы не сойти с ума и не наложить на себя руки, я стала убегать в свои фантазии. Я стала писать, выплёскивая на бумагу всё, что было у меня на сердце. И ещё я старалась как можно чаще убегать из дому. Сначала одна, потом с детьми.

Когда денег было совсем мало, и наступали выходные, то я старалась на весь день уйти в парк или просто побродить где-нибудь по Москве: на Красной площади, на Патриарших

прудах, на Воробьёвых горах. Благо, в нашей столице есть где побродить, и есть что посмотреть, даже не тратя при этом никаких денег.

Но за это время я сменила несколько мест работы, и мой доход увеличился. Поэтому я стала расширять круг своих поездок. Сначала экскурсии расширились до городов Подмосковья, затем близлежащих областей, а потом дошла очередь и до зарубежья. И это было самой прекрасной возможностью сбежать от реальности.

Что может быть лучше, чем уехать в какую-нибудь далёкую страну, где никто не знает русского языка, где ничто не напоминает о родном доме и о многочисленных проблемах, оставшихся в этом доме?

Кто-то тратит деньги на еду, кто-то на украшения, кто-то на приобретение автотранспорта, кто-то строит дачу, а я все свои деньги вкладывала в путешествия. Я готова была отказывать себе во всём, благо, к этому мне было не привыкать, только ради того, чтобы иметь возможность сбежать на некоторое время куда-нибудь подальше.

И сначала я, оставаясь примерной дочерью, честно сообщала родителям о своих путешествиях. Они слушали, радуясь привезённым подаркам, но это длилось недолго. Вскоре это стало новой причиной их недовольства мной и моим образом жизни.

– Тебе, наверное, деньги девать некуда? – возмущённо заявляла мать, когда я рассказала ей об очередной своей поезд-

ке в Прибалтику и вручила ей и папе привезённые гостинцы. – У нас с папой просто в голове не укладывается! Как ты можешь тратить такие огромные деньги на свои поездки? Это же всё равно, что выбрасывать деньги на ветер! И если ты не знаешь, куда потратить свою зарплату, отдавай её нам! Мы с папой найдём твоим деньгам лучшее применение!

Я растерялась. Каждый раз, рассказывая родителям об очередной поездке, я наивно думала, что они радуются за меня и за своих внуков, которые имеют возможность посмотреть мир, расширить свой кругозор, изучить иностранные языки, непосредственно пообщавшись с их носителями, но на самом деле эти люди просто завидовали нам. Завидовали тому, что я смогла пойти дальше их, что я не закрылась в собственном мирке, лелея свои комплексы, а смогла вырваться из замкнутого круга проблем, которые они долгие годы так тщательно создавали для меня! И теперь они думали лишь о том, чтобы лишить меня и этой радости, заставив тратить деньги на них и их нужды. Ну уж нет! Никто и никогда не лишит меня возможности путешествовать по миру! Если понадобится, то я отправлюсь в путь пешком, имея лишь рюкзак за плечами! И никто меня не остановит!

– Знаешь, почему я трачу деньги на путешествия? – ответила я матери. – Потому что когда я приезжаю в новое место, то мне все улыбаются. Там меня никто не оскорбляет и не унижает, как здесь! Там я отдыхаю душой! Именно поэтому я готова оставлять там все деньги, какие у меня есть! А ко-

гда я приезжаю сюда вместе с подарками и деньгами, то всё равно слышу от вас с папой лишь оскорбления. И после это ты ещё спрашиваешь меня, почему я стала реже приезжать к вам, а чаще путешествовать?

Но даже этот ответ ничего не изменил в отношении ко мне родителей и в количестве их претензий в мой адрес. Поэтому я перестала им рассказывать о своих поездках и детей заставила молчать. Правда, это было несложно сделать, потому что родители никогда не интересовались моей жизнью и жизнью своих внуков. Они не задавали те вопросы, которые позволили бы моим детям проговориться. И лишь я продолжала думать о том, что мешало раньше или мешает сейчас моим родителям путешествовать? И я не имею в виду Центральную Африку или другие далёкие края, добраться до которых не так просто. Для этого нужно иметь определённое мужество и солидную денежную сумму. Существует же масса других возможностей бюджетного отдыха, для организации которого не нужно прилагать много усилий.

Например, родители всегда мечтали отправиться в какой-нибудь речной круиз. Так в чём проблема? В нашей стране очень развита система данного вида отдыха. На любое количество дней и на любой кошелёк. Просто нужно приехать в офис, выбрать подходящий маршрут и оплатить его. А можно сделать это через Интернет, что ещё проще. И если бы у родителей реально не было денег на такую поездку, то я бы, не задумываясь, их им дала. Но я прекрасно знаю, что

они могут себе это позволить. Но, как и раньше, они предпочитают тратить свои деньги на младшую дочь и на очередное благоустройство дома, в котором живут. Что ж, это их выбор. Они желают тратить свои деньги так, как им вздумается, но почему-то меня они хотят лишиться этого права. Где справедливость?

Кроме того, в органах социального обеспечения пенсионерам предоставляют бесплатные путёвки в различные санатории и дома отдыха, в том числе и на море. Для этого нужно просто написать заявление. Но родители настолько обленились и настолько погрязли в своих обидах на вселенскую несправедливость, что не в состоянии сделать даже этого. Я много раз советовала маме с папой обратиться в органы социального обеспечения за путёвкой, но они всегда находят какие-то отговорки, чтобы туда не ходить. Наверное, только для того, чтобы снова и снова продолжать упрекать меня в неблагодарности и в нежелании отдавать им свои честно заработанные деньги. Только спрашивается, почему я, мать двоих детей, должна лишать себя и своих ненаглядных чад возможности хоть ненадолго вырваться из границ обыденного? Возможности отвлечься от этой нескончаемой рутины рабочих и учебных будней, в которых нет никого про света, ни радости, а лишь один сплошной мозговой и физический штурм? Любому человеку нужно отвлекаться, радоваться, иначе можно сломаться и сойти с ума. Но, полагаю, мои родители отвлекаются и радуются лишь тогда, когда им

удаётся в очередной раз унижить и оскорбить меня. Наверное, именно тогда, втоптав меня с головой в грязь, они могут возвыситься в своих собственных глазах. Вероятно, другого пути почувствовать себя покорителями мира у них просто нет.

О следующем случае из моей жизни я вообще не хотела бы ни писать, ни вспоминать, но именно он является наиболее показательным в моих отношениях с родителями. А скорее, в их отношении ко мне. Поэтому я постараюсь собраться с духом, вооружившись стопкой носовых платков и успокоительным, чтобы последовательно изложить то, как всё это было на самом деле, не пропуская никаких, даже самых болезненных подробностей.

Тогда я ещё сидела в декрете со своим маленьким сыном и считала копейки от зарплаты до зарплаты мужа, который изо всех сил старался спрятать от меня половину зарабатываемых денег, чтобы потом беспрепятственно их пропить.

Наступило лето. Сыну был год и десять месяцев. И мама позвонила мне, чтобы предложить приехать в деревню. После смерти бабушки родители оформили её дом в Рязанской области на своё имя, выкупив его (не без моей финансовой помощи) у остальных наследников. После чего переехали туда жить, оставив любимой Линулинке-золотулинке городскую трёхкомнатную квартиру. Вместе с машиной, гаражом и дачей в пригороде.

– Светка, что тебе делать в Москве с детьми? – говорила мне мама по телефону. – Здесь у нас свежий воздух, огород, овощи с грядки. Где ты в Москве всё это найдёшь? А детям нужны витамины! Собирайся и приезжай на всё лето. Хоть отдохнёшь здесь, сил наберёшься.

Но я прекрасно понимала, что отдых, в понимании моих родителей, это ежедневная работа на огороде и по дому. И на самом деле их лестное приглашение означает лишь то, что им нужны ещё одни рабочие руки, но всё равно решила согласиться, потому что детям действительно нужны свежий воздух и витамины. Как, впрочем, и мне.

– А Лина когда к вам приедет? – спросила я, чтобы заранее уточнить график нашего пребывания в деревне.

Зная о безграничном обожании родителей Линулинки-золотулинки, я понимала, что стоит только ей ступить на порог их дома, как я и мои дети сразу же превратимся в изгоев.

– Линулинка в этом году к нам не приедет. Её мужу этим летом разрешили взять лишь две недели отпуска. Остальное он будет догуливать зимой. Поэтому Линулинка решила в этот раз поехать в другую деревню к родителям мужа, потому что там нужно помочь перекрыть крышу в доме. Так что всё лето ты будешь отдыхать одна! Весь наш дом будет в твоём распоряжении.

Слова матери мы всегда слушаем сердцем, а не разумом. Не анализируя, не подвергая критике. Мы принимаем речи матери за истину, за аксиому, не нуждающуюся в подтвер-

ждениях, всего лишь по одной причине: считается, что родная мать всегда желает добра и счастья своему ребёнку. Но, к величайшему сожалению, мой жизненный опыт доказывает обратное.

Услышав приглашение мамы, я обрадовалась и поверила ей. Поверила, потому что хотела верить. Хотела надеяться, что родители действительно хотят видеть меня, потому что соскучились. Хотят пообщаться с внуками хотя бы потому, что на это лето у Лины, которая к этому времени успела снова выйти замуж и родить дочь, другие планы, и поэтому они вспомнили обо мне. Но меня и этот расклад устраивал. Поэтому я собрала большой дорожный чемодан, накупила родителям гостинцев, а также продуктов (чай, кофе, различные консервы, тушёнку, макароны, даже замороженную курицу, которую уложила в сумку-холодильник), взяла оставшиеся деньги и поехала с детьми в деревню.

С автобуса нас встретил папа, а мама приготовила ужин, и целый вечер я провела словно в сказке про счастливую семью. Мама и папа вежливо беседовали со мной, интересуясь нашими новостями, и на какое-то время я подумала, что наконец-то всё изменилось в лучшую сторону. Родители стали относиться ко мне с уважением, и большего я и желать не смела. Но уже утром всё изменилось.

Просыпаюсь я всегда очень рано. Также как и родители. Поэтому, когда я вышла из дома в туалет, который, как и в любой деревне, располагался за домом, то услышала слова

отца, обращённые ко мне:

– Здорова же ты спать, Светка! Хватит бока отлёживать, пора приниматься за работу!

И мне указали на огромный таз с грязным бельём, который требовалось выстирать до завтрака.

Спорить было бесполезно, да я и ожидала нечто подобное, потому, не говоря ни слова, я взяла ведро и стала набирать из шланга воду.

– Ты зачем это воду в ведро наливаешь? – сразу же напустилась на меня мать.

– Чтобы согреть её! Вы же сами велели мне выстирать бельё, – ответила я.

– А зачем воду для этого греть? Мы, к твоему сведению, за газ деньги платим! А пенсия у нас не резиновая, – сразу же одёрнула меня мать. – Будешь стирать в холодной воде! Наливай из шланга прямо в таз, а ведро носи на место!

– Но бельё же не отстирается в холодной воде! – возразила я.

– А ты лучше стирай, чтобы отстиралось! – ответила мать.

В итоге я перелила воду из ведра в таз, после чего отнесла ведро обратно в кладовую.

– А где стиральный порошок? – затем спросила я у матери.

Нехотя она вручила мне пачку дешёвого порошка со словами:

– В следующий раз сама будешь покупать!

Слышать это было, мягко говоря, странно, потому что ро-

дители поручили мне стирать их бельё. В этом тазу не было даже моего нового платка. Так что мне и так предстояло бесплатно работать на них, а они ещё и требовали, чтобы я использовала для работы свои подручные материалы.

И вот в ледяной воде я, как могла, тёрла жирную и грязную родительскую одежду, используя при этом плохонький стиральный порошок. Мне пришлось чуть ли ни в кровь стереть кожу на руках, чтобы хоть немного смыть грязь с их белья.

А когда я вылила мыльную воду и стала набирать чистую, мать снова одёрнула меня.

– Полоскать будешь только раз! Вода у нас тоже платная. А то ты здесь в своё удовольствие полоскаться будешь, а мы потом с отцом из долгов до конца жизни не вылезем!

– Но одного раза мало! Сама видишь, сколько белья! Тут, как минимум, раза три полоскать нужно, – принялась я объяснять матери.

– Если нальёшь воду в таз больше одного раза, платить за это будешь сама! Это у вас в Москве зарплаты огромные, вот ты и привыкла разбрасываться деньгами! А нам тут с отцом каждую копейку считать приходится! – со злостью рыкнула на меня мать.

Я не стала спорить. Но когда я прополоскала одежду один раз, то ощутила, что порошок совершенно не смылся. Поэтому, когда никого рядом не было, я налила ещё воды в таз. Хотя и этого было мало, но, по крайней мере, так было уже

лучше. Потом я развесила бельё на верёвке во дворе и пошла в дом проведать детей. К тому времени они уже проснулись, что неудивительно, так как стирка заняла у меня приблизительно час. Затем мы пошли на кухню завтракать.

Мама напекла блинчиков на сыворотке. Молоко она пила только сама, либо использовала для творога, который тоже ела сама. Ну а отходы производства можно было использовать на корм нам. Даже несмотря на то, что я была кормящей матерью, я всё ещё не имела права на молочные продукты. Но я была рада и тому. Мы поели блинов с прошлогодним вишнёвым вареньем, после чего я хотела немного погулять с детьми.

– Светка, – снова обратилась ко мне мать. – Раз вы идёте гулять, то купите в магазине бутылку подсолнечного масла и хлеб, а потом зайдите на почту и возьмите сегодняшнюю газету для папы.

Я думала, что мама даст мне денег на эти покупки, но не тут-то было! Вероятно, она полагала, что мы должны оплачивать своё проживание в их доме не только работой, но и дополнительными денежными средствами.

И, собрав детей, я отправилась на прогулку по деревне. Я старалась бродить как можно дольше, потому что мне совершенно не хотелось возвращаться к родителям. Я знала, что мой приход ознаменует собой новый объём работы, которую предстоит сделать. Но гулять здесь было совершенно негде.

Мы с детьми несколько раз прошли вдоль всей деревни и

обратно, и всё равно это заняло у нас меньше двух часов.

Вернувшись в дом, я отдала маме покупки, но услышала в ответ лишь упрёки.

– Папа другую газету хотел почитать!

– Но она была всего одна! Других там просто не было!

– А нужно было попросить! Это приезжим они всегда предлагают одну газету, а для своих у них всегда припасено что-то поинтереснее! – недовольным тоном пробурчала мать. – Ничего тебе поручить нельзя!

– Но откуда я должна была это знать? Ты же меня не предупредила!

– А самой спросить трудно? – снова попрекнула меня мать.

Вот так всегда! Делаешь, что велено, и всё равно остаёшься виноватой. Прямо как в детстве.

На обед был суп, который сварила мама, а затем у родителей был традиционный послеобеденный отдых. Сколько себя помню, родители всегда ложились спать после обеда. Причём всегда в мою постель. Но в доме бабушки комнат было больше, поэтому мама с папой легли отдыхать в свою кровать. Я же, воспользовавшись временной передышкой, посвятила это время детям. Мы побродили по огороду, поиграли, почитали книжки. А потом родители проснулись, и мне предстоял новый фронт работы. Нужно было собирать с грядок огурцы на продажу. Эта работа заняла ещё пару часов, а затем нужно было готовить ужин. И для этого папа достал

из подпола ведро прошлогодней картошки.

– Может, стоит выкопать молодую? – осторожно спросила я.

– Ишь, чего выдумала! А эту кто доедать будет? – строго спросила мать.

И мне пришлось чистить старую картошку, которая была мелкой и дряблой. Когда бабушка была жива, она такой картошкой кормила поросят, а когда перестала держать свиней, то просто выкидывала. Я думаю, что и родители вряд ли сами ели такую картошку. Наверняка приберегли её для меня. И я предприняла вторую попытку изменить наш рацион.

– Мама, я же привезла макароны и тушёнку. Давай я лучше их приготовлю!

– Нет, – не позволила мне прикоснуться к привезённым продуктам мать. – Их мы ещё успеем съесть. А пока чисти картошку!

Деваться было некуда, и я почистила эту плохонькую картошку, помыла огурцы с огорода, что и составило наш ужин.

А потом, к моему величайшему изумлению, мама стала щедро набирать воду в вёдра и греть её, а папа стал переливать эту воду в бак, стоящий на душе.

Душ в деревне, как и туалет, располагался в отдельном помещении во дворе. Это была деревянная кабинка, в потолок которой вкручена душевая лейка с краном. А вода поступала из бака, стоящего на душевой кабинке. А к баку подобраться можно было лишь по приставной лестнице. Так что подобное

физическое упражнение было сложно осуществить одному. Поэтому папа поднимался по лестнице, мама подавала ему ведро с водой, чтобы потом перелить в бак.

Увидев подобные манипуляции со стороны родителей, я наивно подумала, что сейчас нас всех ожидают водные процедуры перед сном. Но как бы не так! Сначала в душ сходил папа, сбросив грязную одежду в таз, что означало для меня новую работу на завтрашнее утро, затем в душ пошла мама, точно также сбросив грязную одежду в таз. А когда мама вышла из душа, я спросила её:

– А нам тоже можно помыться?

– Что это ты выдумала? Мыться будешь у себя в Москве, а здесь у нас воды мало. Только для нас с папой, – вытирая голову полотенцем, ответила она. – И вообще, раньше мы на речке мылись и ни о каком душе не мечтали!

– Да как же я по такой жаре с маленьким ребёнком на речку пойду? У меня же сердце остановится! Да и река сейчас так загрязнена, что в ней не то, что мыться, в неё заходить страшно! – в сердцах ответила я.

– Вечно ты всем недовольна, – бросила в ответ мать, заходя в дом.

И я поняла, что мы здесь лишний раз и подмыться не сможем. Правда, на такой случай я привезла с собой упаковку влажных салфеток, ну да разве они спасут нас троих, когда нам по такой жаре и умыться-то не всегда можно?

Поэтому перед сном мы протёрлись влажными салфетка-

ми, хотя это совершенно не спасло положения, потому что я чувствовала, как мои ноги остались липкими от пота. И хорошо ещё, что мой сын уже начал ходить на горшок, и его не нужно было подмывать несколько раз на дню после каждого испражнения. Потому что в противном случае мне даже сложно представить, как бы мы справлялись, так как наших влажных салфеток хватило бы в лучшем случае на пару дней.

А с походами на речку была отдельная история. Даже в детстве бабушка не отпускала нас (детей) на речку одних, без взрослых, потому что идти нужно было почти три километра. И если в сторону реки нужно было идти по горе вниз, то обратно требовалось подниматься в гору. К тому же достаточно крутую. И, конечно же, мой маленький сын сам бы при всём желании не смог ножками на неё подняться. Поэтому мне пришлось бы нести его на руках. А на улице, между прочим, днём температура поднималась до сорока градусов! Я и так очень тяжело переношу жару и стараюсь днём во время солнцепёка никуда не выходить, а тут ещё мать предлагала мне лезть в гору с ребёнком на руках! А ведь ни она, ни папа составить нам компанию не собирались! Поэтому я решила отложить свои визиты на речку до лучших времён. И вся солёная от выступившего пота легла спать, надеясь, что новый день будет лучше предыдущего. Но он был практически полной копией первого.

Тот же огромный таз грязной одежды для стирки на утро. Причём я заметила, что с вечера куча грязного белья в та-

зу увеличилась, пополнившись полотенцами и постельными принадлежностями. Тот же поход в магазин, но только с новым списком продуктов для покупок. Та же работа в огороде, приготовление ужина, отсутствие душа и сон в липкой постели. Правда, в поведении родителей стали заметны некие изменения, и отнюдь не в лучшую сторону.

При каждом удобном случае родители старались меня задеть, упрекнуть, обозвать, словно непослушную девчонку, и при этом постоянно приводили в пример Лину как образец для подражания. А вот Линулинка говорит так, а вот Линулинка делает этак, и было бы неплохо, если бы я пересмотрела свои жизненные ориентиры и стала равняться на свою младшую сестру, которая гораздо лучше знает, как жить и воспитывать детей. И отношения с мужем у неё лучше, и достаток в её семье больше, и водительские права у неё есть, в то время как я машину водить до сих пор не научилась. Но стоило мне заикнуться о том, что машину, собственно, купили ей они, а мне лишь кукиш с маслом показали, а с моим мужем, за которого они меня по молодости лет выпихнули замуж, денег порой не бывает даже на то, чтобы билетик в метро купить, потому что он всё пропивает, как родители тотчас напустились на меня с новой силой и запели старую песню о том, что я сама во всём виновата.

Так что спать я стала ложиться в самом отвратительном расположении духа, жалея о том, что вообще приехала сюда.

А в довершении родительского гостеприимства, папа вы-

крутил в доме лампочки.

– Это чтобы вы свет зря не жгли! – пояснил он свои действия.

Так что теперь вечером мы ничего не могли делать: ни книжки почитать, ни поиграть.

Так прошла неделя. И мне казалось, что худшего отдыха в моей жизни ещё не было. Я жутко устала и морально и физически, и мне хотелось как можно быстрее вернуться в Москву, где, я знала, будет ненамного лучше, но другого места для побега у меня не было. Но оказалось, что самые ужасные испытания ждали меня впереди. Первая неделя у родителей была даже не цветочками, а, если можно так выразиться, ароматными бутончиками, по сравнению с теми мясистыми и вонючими ягодками, которые ожидали меня и детей в последующие дни.

Однажды утром я проснулась и вышла в туалет, чтобы потом снова приняться за стирку, но заметила, что сегодня что-то не так. Родители бегали и суетились, словно приближался всемирный потоп, и нужно было в спешном порядке спасти всё то, что ещё можно спасти.

– Что случилось? – спросила я маму, которая то вбегала в дом, то выбегала из него, что-то убирая, что-то выкидывая и что-то заноса внутрь.

– Линулинка приезжает, – на ходу бросила мама и снова куда-то побежала.

Услышав эту новость, я остолбенела. Нужно было срочно

уточнить подробности, чтобы самой составить план предстоящих действий, ведь я никак не ожидала увидеть в ближайшее время свою сестрицу с её многочисленным семейством. И я побежала за мамой.

– Когда она приезжает? – спросила я маму прямо на ходу.

– Сейчас, – не останавливаясь ни на мгновение, ответила она.

– Откуда ты знаешь?

– Она сама позвонила десять минут назад. Сказала, что они уже выехали и скоро будут у нас.

– Но она же не собиралась этим летом сюда приезжать! – опешив, воскликнула я.

– Значит, передумала, – ответил за маму отец, который в этот момент услышал мой вопрос. – Иди стирать бельё! – негодующим тоном добавил он. – Нужно к Линулинкину приезду ещё полы вымыть, так что поторапливайся!

Ни жива ни мертва, на деревянных ногах я направилась обратно во двор, чтобы начать стирать бельё. С одной стороны, вроде бы ничего страшного не случилось. Ну, едет сюда Лина с семейством. И что? В глотку она мне, что ли, вцепится? В конце концов, она моя сестра! Да, для меня этот визит несёт определённые неудобства, потому что придётся потесниться. Ну да я всю жизнь живу, не имея своего угла. Справимся, как-нибудь. И я продолжила стирать бельё. А мама в это время что-то спешно готовила. Папа убирался. И работа кипела полным ходом.

От этого шума мои дети проснулись и захотели есть, но я велела им подождать, так как сейчас у всех были более актуальные заботы, чем завтрак.

Но тут я заметила одну странную вещь. Мама стала переносить все наши вещи в кладовую. Абсолютно все.

– Мама, а зачем ты перекладываешь наши вещи в кладовку? – спросила я её.

– Пока Линулинка будет здесь, вы поживёте в кладовке.

– Что?! – переспросила я, подумав, что ослышалась.

– А тебе жалко? Это всего лишь неделя! А когда Линулинка уедет, вы вернётесь в дом.

– Но ведь там крысы! Там нет ни окон, ни света! И ты предлагаешь мне жить там с детьми неделю? – не находя слов от возмущения, воскликнула я.

– Это всего лишь неделя! – снова повторила мать, не останавливаясь ни на секунду и продолжая переносить наши вещи, так что мне пришлось всё это время бегать следом за ней. – Потом вы сможете вернуться в дом.

– Что ты говоришь, мама? С какой это стати, я, твоя дочь, вместе со своими детьми, один из которых грудной ребёнок, должна жить в кладовке? Почему ты заставляешь меня прятаться, в то время как другая твоя дочь будет жить в своё удовольствие?

– Опять ты начинаешь ревновать к сестре! – выпуская наружу злость, процедила мать.

– Тут дело не в ревности, а в справедливости!

– Какая же ты эгоистичная и завистливая женщина! – вместо ответа выдала мне мать, и это означало конец любым спорам.

Когда исчерпав свои аргументы, родители переходили к оскорблениям, дальнейший разговор становился бессмысленным, и, если я имела неблагоразумие его продолжать, то получала в ответ ещё большую порцию оскорблений.

И вскоре на пороге появилась Лина со своим семейством. Радостные, они вошли в дом, и родители тут же принялись их всех обнимать и целовать. Потом провели их в дом, велев нам побыть немного в огороде, чтобы не мешать Линулинке располагаться.

Кстати, со мной и с моими детьми сестра здоровалась всегда так:

– Привет! – говорила она, кивнув в нашу сторону.

И всё. В ту же секунду она о нас забывала, обращая внимания не больше, чем на муравьёв, копошащихся в земле.

А муж Лины в этот раз выделился. Увидев меня, держащую за руку сына, он сказал своей дочери:

– Смотри, вон стоит Баба Яга с Бармалеем!

В ту же секунду мне захотелось врезать ему между глаз за эти слова, но я увидела, с каким благоговением моя мать смотрела на него в этот момент, что постаралась сдержаться. Больше за всю неделю он не обмолвился со мной ни словом. Впрочем, так же как и Лина.

Так как позавтракать до приезда сестры мы не успели,

я предположила, что нас ждёт семейный завтрак, но снова ошиблась. Завтрак, действительно, состоялся. Но исключительно для Лины, её семьи и родителей. Мне и моим детям мама велела подождать во дворе.

– За столом всем мест не хватит, – сказала она. – Поэтому вы поедите позже.

А когда Линулинка соблаговолила насытиться и встала из-за стола, её муж громко произнёс:

– А теперь пусть бабушка и дедушка пообщаются с внуками, – и вручил Лининых детей сияющим от счастья родителям, которые смотрели на свою младшую дочь как на Апостола, ловя каждое её слово и малейший поворот головы, после чего добавил. – А мы с Линой пойдём гулять.

И естественно, мытьё посуды легло на меня. Равно как и приготовление завтрака для себя и своих детей, потому что Линулинка со своим семейством съели всё, что приготовила мама.

Дальше было хуже. Нам запрещено было вообще попадаться на глаза Линулинке и членам её семьи. Нам нельзя было заходить в дом. Нельзя было выходить в огород, если Лина или кто-то из членов её семьи был на огороде. Нам приходилось самим тайком готовить себе еду в интервалах между трапезами Лины. Причём есть те продукты, которые я привезла, нам тоже не разрешалось. Но при этом мама с радостью готовила их для Лины.

– Но я же купила это для своих детей! – возмущалась я,

видя, как мама открывает мои консервы для Лины или варит для неё сосиски, которые я купила.

– А тебе жалко? – раздражённо отвечала мать. – Ты же привезла их нам! Они лежат в нашем холодильнике, и поэтому я могу этими продуктами кормить того, кого захочу!

– Но почему, в таком случае, ты не позволяешь есть их моим детям?

– Опять ты начинаешь ревновать к своей сестре! – вернулась к своей прежней отговорке мама. – Взрослая женщина, а так глупо себя ведёшь!

И ещё. Линулинке на ужин папа всегда выкапывал на огороде молодую картошку. Но при этом для нас её никогда не оставалось, и мне приходилось снова и снова чистить старую. И любые мои попытки что-то выкопать или сорвать на огороде, вызывали гнев родителей, которые орали на меня так, что уши закладывало, и мне было проще есть старую картошку, лишь бы сохранить остатки нервов и самообладания.

Практически всю неделю мы провели на осадном положении. Большую часть суток мы прятались в тёмной кладовке. Особенно это было сложно делать в жару. На улице было сорок градусов, и мы с детьми просто обливались потом, но стоило нам выйти во двор, как родители начинали на нас кричать, чтобы мы вернулись обратно в кладовку.

– Но там же дышать нечем! – пыталась я спорить. – К тому же там темно! Мы не можем всё время лежать на жёстких кроватях! Что же, мы и выйти подышать не имеем права?

– Я же тебе сто раз говорила! – ругалась на меня мать. – Потерпи всего неделю! Потом сможешь снова вернуться в дом!

– Но почему я должна терпеть? Или я не дочь тебе? Или мои дети хуже детей Лины?

– Вот опять ты за своё! Как я могу с тобой разговаривать, если твоя ревность к сестре не знает границ! Тебе уже столько лет, а ума ты совсем не нажила! – переходя на оскорбления, отвечала мать.

И я из последних сил сдерживала себя. Сдерживала, чтобы не нагрубить. Сдерживала, чтобы не собрать чемодан и не уехать отсюда. Потому что знала, если я это сделаю, то никакая сила в мире не заставит меня вновь вернуться сюда.

Но самое ироничное во всей этой истории то, что вся эта вынужденная осада не освобождала меня от работы по дому и в огороде. Так, каждое утро, пока Линулинка с семейством ещё отдыхали, меня ожидал огромный таз с грязным бельём, количество которого гораздо увеличилось, так как теперь мне приходилось стирать ещё и одежду сестры и членов её семьи. И стоило лишь мне возразить, как родители тут же начинали на меня кричать и оскорблять, обвиняя в лени, в неблагодарности и (их любимая тема!) в ревности к сестре.

Кроме этого, нужно было работать в огороде, но так, чтобы Лина меня не видела. Да мы даже в туалет не могли нормально ходить, потом что, если хоть кто-нибудь в этот момент был на огороде, на нас сразу же начинали кричать, про-

гоняя в кладовую.

Вероятно, мне не поверят, что такое возможно. Но это – чистая правда! Бог –свидетель, я даже не преувеличиваю. Я никому не рассказывала об этом, потому что заранее знала, что встречу непонимание, ведь родители не должны так поступать со своими детьми. И я полностью с этим согласна. Семья должна быть одной командой. Должна единым фронтом выступать перед всем миром. Семья – это те, кто подадут тебе стакан воды, когда ты будешь в этом нуждаться. Но мне довелось родиться в такой семье, что если я буду умирать, то они не только не подадут мне стакан воды, но и отодвинут его подальше, чтобы я быстрее окочурилась.

И в течение той злосчастной недели, я считала минуты до отъезда сестры. Мне ужасно хотелось переместиться вперёд во времени, чтобы наконец-то это безумие закончилось. Но страшнее всего было по ночам. И хотя кладовка была отнюдь не маленьких размеров, и в ней даже стояли две старенькие узенькие кровати, положения это не спасало.

Когда бабушка была жива, в исключительных случаях, когда съезжалось много родственников, кладовую действительно использовали для ночлега. Именно поэтому здесь и стояли кровати. Но, как и любая деревенская кладовка, эта использовалась для хранения съестных припасов и, соответственно, здесь обитала всякая пришлая живность, как то: крысы, тараканы, лягушки. И мне, городской девушке с маленьким ребёнком на руках, совершенно не пристало жить

в таких условиях. Особенно в то время, когда моя родная сестра вместе с мужем и детьми располагалась в трёх комнатах чистого дома. Места вполне хватило бы всем, но маме, по-видимому, это и в голову не приходило. Разве могла её любимая Линулинка-золотулинка делить одну жилплощадь вместе со своей старшей сестрой? Конечно же, нет! Поэтому пока Лина нежилась на чистых простынях, я была вынуждена жить в антисанитарных условиях вместе со своими двумя детьми.

К тому же, как я упоминала ранее, у меня фобия. Я не могу спать в крошечной темноте, у меня сразу же начинается приступ панической атаки. Но родителям на это всегда было наплевать. Поэтому я включала фонарик в мобильном телефоне, чтобы его скромный свет не давал мне поддаться панике. Я закрывала глаза, позволяя себе предаваться самым безумным мечтам, воображая себя то на море, то владелицей шикарной квартиры в элитном доме, то рядом с сексапильным красавцем, который прижимает меня к себе, приглашая скоротать вечерок. И эти фантазии не давали мне сойти с ума, позволяя держаться на плаву.

И однажды этот час настал. Лина собрала вещи и уехала вместе со своим семейством. И я вздохнула с облегчением.

Не торопясь, мы с детьми перетащили наши вещи обратно в дом и думали, что теперь всё наладится. Но не тут-то было!

То ли визит Лины излишне взбудоражил родителей, то ли они сами вымотались за эту неделю, но отношение ко мне

стало ещё хуже. Разговаривать с ними было просто невозможно. На меня срывались по каждому поводу, хотя я продолжала беспрекословно делать всю порученную работу. А однажды утром, когда я только что встала с постели и хотела умыться и сходить в туалет, папа сразу же начал кричать на меня.

– Как же тебе не стыдно, разгильдяйка ты эдакая! Мать каждый день гробится на огороде, обслуживает тебя, готовит есть, стирает, убирает за тобой, а ты, лодырь несчастный, только и можешь, что на диване валяться! Мать даже спину сорвала, пока ходила за тобой и твоими детьми! А тебе лень лишний раз задницу от стула оторвать! Отдыхать будешь у себя в Москве, а здесь работать надо!

Услышав это, я поняла, что не могу больше молчать.

– Да когда это я здесь отдыхала? Как только я сюда приехала, вы так загрузили меня работой, что мне своими детьми заняться некогда! И с чего это ты взял, что мама мне готовит, стирает и убирает? Да это я на вас всех готовлю, стираю и убираю, да ещё и в огороде работаю! Как у тебя только язык поворачивается обвинять меня в безделье?

– Хватит выдумывать! Ночью мать мне всё рассказала, – со злостью ответил отец.

– А то ты сам ничего не видишь? Не видишь, как я каждый день стираю вашу одежду, готовлю вам еду, работаю на огороде, покупаю продукты на свои деньги?

– Мать зря говорить не станет! Она сегодня всю ночь сто-

нала, жалуясь на больную спину!

– Что ж, если мы вам так мешаем, то нам больше здесь делать нечего! – сказала я и пошла укладывать чемодан.

А когда я, одевшись и собрав детей, вышла за порог дома с чемоданом, отец вскочил с места, подбежал ко мне и вырвал чемодан из рук так, что ручка оторвалась.

– Никуда ты не поедешь! – рявкнул он.

– А что мне здесь делать? – со слезами на глазах ответила я.

– Никуда ты не поедешь! – повторил отец, оттаскивая чемодан обратно в дом.

Оторванную ручку он тут же приделал обратно, но уехать в тот день я не смогла просто потому, что автобус на Рязань уже ушёл, а следующий должен был быть лишь вечером.

Я пробыла у родителей ещё несколько дней, и всё это время мы практически не разговаривали, автоматически выполняя ту работу, которую нужно было делать. Потом я всё же уехала и больше никогда не возвращалась туда. Да, собственно, родители на этом и не настаивали.

После этого случая мы стали общаться гораздо-гораздо реже. Изредка по телефону они спрашивали, приеду ли я к ним, но я всегда придумывала какую-нибудь более или менее правдоподобную отговорку, и они этим довольствовались. Я всегда знала, что им нужна не правда, а чистая совесть, чтобы они могли с помощью моих невинных отговорок оправдаться перед родственниками и соседями, почему я не при-

езжаю к ним. И хотя все кругом догадывались о несправедливом отношении ко мне, родители продолжали наивно думать, что всё шито-крыто. Что они, якобы классные родители, которые вырастили двух хороших дочерей, хотя судьба старшей сложилась неудачно исключительно из-за её скверного характера, но в целом всё благополучно. Особенно у младшей дочери, которая стала светом их очей.

Правда, как-то раз я спросила у родителей разрешения привезти к ним на лето своего сына, поскольку детские сады в Москве не работают в июле и в августе. А отпуск на такой долгий период времени мне, естественно, никто не предоставляет. Да и вообще, с отпусками летом в нашем трудовом коллективе была просто беда, и их распределение каждый раз перерастало в жуткий скандал, накаляя наши и без того не очень-то хорошие отношения. Именно поэтому я решила обратиться за помощью к родителям. Ведь они каждый год отправляли меня на всё лето к бабушке, совершенно не спрашивая при этом её согласия, так же как и моего. К тому же к этому времени мой сын уже не был беспомощным крохой, за которым нужен был глаз да глаз. Но стоило мне заикнуться об этом маме, как я услышала следующий ответ:

– Если ты хочешь, чтобы кто-нибудь из твоих детей был с нами в деревне, то приезжай сама и следи за ними. Или ты думаешь, что я буду для них готовить? Или я буду стирать их одежду и следить, чтобы с ними ничего не случилось? У меня и без того дел полно!

И я поняла, что путь в деревню для моих детей заказан. И когда на работе или кто-нибудь из моих знакомых спрашивал, почему я не отправляю детей на лето в деревню к бабушке и дедушке, я честно повторяла им ответ своей мамы.

– Да быть такого не может! – в один голос отвечали мне все. – Ты, наверное, что-то не так поняла! Отвези детей родителям и увидишь, что у них всё будет хорошо! Неужели твоя мама может оставить твоих детей, своих внуков, голодными? Или заставит их ходить в грязной одежде?

– Сможет, – отвечала я. – Потому что со мной она поступала именно так! А, между прочим, я – её родная дочь! Не внучка и не падчерица! И если она со мной всегда так плохо обходилась, то отчего же вы думаете, что к моим детям отношение будет лучше?

Но мне не верили. Видимо, в других семьях люди относятся друг к другу иначе. Более терпимо, что ли. Но, к сожалению, мне этого не довелось узнать.

А потом был ещё один телефонный звонок, после которого моё общение с родителями свелось лишь к поздравлениям на дни рождения. Тот телефонный разговор окончательно расставил все точки над *i*, поэтому сейчас мне придётся пережить его снова, чтобы показать всю глубину «заботы» родителей обо мне и моих детях.

Мой сын уже ходил в детский сад, и в какой-то период времени у него начались проблемы с зубами. Я была на ра-

боте, когда воспитательница позвонила мне с просьбой, чтобы я приехала и забрала сына.

Сорвавшись с места, я отпросилась у начальства, хотя у нас это очень сложно сделать, и помчалась в детский сад. Я думала, что увижу ревущего сына, который мучается от зубной боли, но мой мальчик спокойно играл с другими детьми, не выказывая никаких признаков беспокойства. Однако политика в нашем детском саду была такова, что если у ребёнка возникали какие-либо проблемы, то воспитатели сразу же вызывали родителей, которые обязаны были забрать ребёнка и не возвращать в группу до тех пор, пока проблемы не будут устранены. И подтверждением устранения проблем со здоровьем служила лишь справка от врача. Никакие уверения родителей в том, что ребёнок здоров, не проходили.

И мне пришлось забрать сына, после чего я, вернувшись домой, включила Интернет и стала искать ближайшую платную стоматологическую клинику для детей, потому что, как известно, к специалистам городской поликлиники нужно записываться заранее.

Выбрав несколько подходящих, я обзвонила их и записалась на приём в тот же день. Затем я собрала сына, и мы поехали.

И тут началось самое страшное. Едва мой мальчик вошёл в кабинет врача и присел в кресло, как начал орать изо всех сил. Он не давал осмотреть свои зубы, а врач, вместо того чтобы как-то наладить контакт с малышом и проявить тер-

пение, заявила, что если я не успокою ребёнка, то она ничего делать не будет.

Договориться с сыном мне не удалось, хоть я и обещала ему всё, что угодно, и грозилась наказать и взывала к благоразумию. В итоге врач попросила меня уйти, так как время приёма заканчивалось. И хотя никакой медицинской помощи нам оказано не было, мне пришлось заплатить деньги за приём и якобы оказанную консультацию. Притом что других посетителей, ожидающих своей очереди, здесь не было.

С взвинченными нервами я вышла из клиники, держа за руку сына, который уверял меня, что зубки у него не болят. И я поверила ему.

На следующее утро я снова отвела сына в детский сад, клятвенно заверив воспитателей, что у ребёнка всё в полном порядке, и мы были вчера у врача, после чего со спокойной совестью поехала на работу. Но едва я добралась до рабочего места, как вчерашняя история повторилась. Мне снова позвонили из детского сада и сообщили, что мой сын жалуется на то, что у него болят зубки.

Вызвав гнев начальства, я снова убежала с работы, забрала сына и, позвонив в другую стоматологическую клинику, снова повезла его на приём. И снова врач ничего не смогла сделать, так как сын отказывался открыть рот, уверяя, что у него ничего не болит.

На третий день я снова повела сына в детский сад, и история в очередной раз повторилась. Моя начальница дол-

го кричала на меня, угрожая увольнением, а воспитатели предъявили ультиматум. Или я привожу сына в следующий раз с медицинской справкой от стоматолога, что у него всё в порядке, или они отказываются принимать его в группу. И мне пришлось ехать в третью клинику, в которой согласились взяться за лечение моего мальчика при условии, что я соглашусь на применение общей анестезии. К этому времени я была готова на всё, лишь бы решить эту проблему. Но для проведения общей анестезии нужно было провести предварительное обследование, чтобы убедиться в отсутствии у сына противопоказаний. А именно, нужно было сдать анализы и сделать электрокардиограмму в какой-нибудь другой клинике.

К этому времени рабочая неделя уже закончилась и начались выходные, и поэтому я собралась вести ребёнка в очередную платную клинику для проведения этих медицинских обследований.

Нервы у меня были уже ни к чёрту. Я чувствовала, что нахожусь на пределе и, если сын ещё раз устроит истерику в кабинете врача, то я так отшлёпаю его, что мало не покажется. Именно поэтому я обратилась за помощью к мужу, который совершенно не участвовал в жизни своих детей.

Я подробно объяснила ему ситуацию и попросила сходить с сыном сделать электрокардиограмму. И муж согласился. Но я рано радовалась.

Вместе мы дошли до клиники. Крепко держа руку ребён-

ка, я позволила медицинской сестре взять у него анализы крови, после чего подвела мужа к кабинету электрокардиографии и попросила выполнить обещанное. А сама вышла на улицу, чтобы успокоиться. Через несколько минут муж вместе с сыном тоже появились на улице.

– Сделали кардиограмму? – с замиранием сердца спросила я.

– Нет, – спокойным тоном ответил муж.

– Почему?

– Он плакал, и врач отказалась делать ему кардиограмму.

– Именно поэтому я и просила тебя пойти вместе с ним!

У меня уже нервов не хватает ходить каждый день по этим клиникам! На меня и так везде орут: и на работе, и в детском саду и в клиниках! Я уже просто не в состоянии контролировать себя! Ты же ничего не делаешь для детей! Но сейчас я прошу тебя лишь об одной вещи. Вернись в кабинет врача и постарайся уговорить сына полежать спокойно, чтобы ему поставили эти несчастные датчики и сделали кардиограмму, потому что это нужно сделать сегодня, чтобы завтра можно было поехать лечить зубы. Ещё раз с работы меня никто не отпустит. И если бы у меня был в запасе хотя бы ещё один день, я отложила бы этот визит к врачу. Но у меня его нет. Электрокардиограмму нужно сделать сегодня, потому что завтра будет уже поздно.

– Если тебе надо, то сама иди к врачу! А я пошёл домой, – равнодушным голосом ответил муж, закуривая сигарету.

Собственно, в его поведении не было ничего удивительного. Муж всегда так поступал. Для него семейные проблемы были даже не на последнем месте. Их для него просто не существовало. Он всегда самоустранялся от них, перекладывая на меня все семейные заботы. Абсолютно все. И глупо было надеяться, что в этот раз всё будет иначе.

От отчаяния меня затрясло. Я просто не знала, что делать. Руки опускались, и я не видела выхода из создавшейся ситуации. И в этот момент зазвонил мобильный телефон. Это был отец.

– Светка, привет! Как дела? – бодрым голосом спросил он.

– Плохо, – бросила я в ответ и, захлёбываясь от слёз, начала рассказывать отцу всю грустную историю своих походов в детские стоматологические клиники.

Но не успела я закончить повествование, как папа сказал:

– Подожди! Сейчас передам трубку маме!

И через секунду я услышала голос матери:

– Светка, что случилось?

В этот момент я подумала, что моя проблема решена. Ведь это реальный выход! Если бы кто-нибудь из моих родителей смог приехать к нам хотя бы на один день, то за этот день можно было бы всё сделать: и электрокардиограмму, и зубы! А расходы на такси я бы оплатила. И воодушевившись этой идеей, я снова поведала маме историю своих грустных походов и попросила приехать.

– В огороде сейчас никакой работы нет, поэтому ты или

папа могли бы приехать к нам! Или, если хотите, приезжайте вместе, – завершила я свою просьбу, уверенная, что родители, проникшись сочувствием, не откажут. Тем более что на календаре было начало апреля, и ежедневно следить за огородом не было необходимости.

– Давай лучше ты к нам приедешь, – неожиданно предложила мать.

– Зачем? – оторопев от подобного предложения, произнесла я. – Ведь ребёнку нужно вылечить зубы, а как я смогу это сделать в деревне, где вообще нет ни одного врача? К тому же я работаю! Сейчас меня и в отпуск-то никто не отпустит! Только если я уволюсь.

– Насчёт отпуска ты можешь договориться! А у нас здесь на свежем воздухе у него зубы и пройдут, – продолжила мама.

– Да как же они пройдут? Если зубы начали болеть, то их лечить нужно, а не тянуть время в надежде, что всё само собой рассосётся!

– Вообще-то нам некогда с тобой разговаривать, – сразу же дала задний ход мать. – Мы с папой собирались на почту сходить, и я не знаю, зачем он набрал твой номер. Как-нибудь потом созвонимся! Вот вылечишь ребёнку зубы и сразу звони нам! А сейчас нам пора идти, – быстрым голосом сказала мать, и я услышала гудки в телефонной трубке.

Вот так! Все от меня отвернулись, и я осталась одна наедине с проблемами. Муж ушёл домой, а я продолжала сто-

ять и плакать. А сын бегал рядом, совершенно не думая о том, в какую огромную пропасть он толкнул меня своим безответственным поведением.

Вытерев слёзы, я подошла к сыну и снова начала вести с ним профилактическую беседу. Я объясняла, что всё это – игра, и поэтому он должен хорошо себя вести, после чего снова пошла в клинику в кабинет электрокардиографии. И с грехом пополам всё же удалось сделать кардиограмму. А потом был очередной визит в стоматологическую клинику, где сыну под общей анестезией вырвали больные зубы, и проблема была решена. Но чего мне это стоило!

А родители после этого случая вообще перестали мне звонить. А зачем? Когда у меня проблемы, я им не нужна! Таков закон жизни! Живёшь и надеешься, что со временем жить станет легче. Но отчего-то с каждым прожитым годом забот становится всё больше и больше. И то, что раньше казалось вселенской проблемой, теперь, с высоты прожитых лет, воспринимается лишь как мелкая суета, которой не следовало уделять так много внимания.

А когда в результате несчастного случая умер мой муж и нужно было организовывать похороны, то я даже не стала звонить родителям. Зачем? Помощи от них не дождёшься, а зато упрёков и причитаний услышу! Мало не покажется! А на это у меня не было времени, так как абсолютно все обязанности по похоронам, равно как и финансовые расходы, легли исключительно на мои хрупкие плечи. И лишь после

похорон я позвонила матери. Какие бы отношения у нас с ней не были, полагаю, всё-таки такие события нужно сообщать.

– Мама, Андрей умер, – сказала я ей, когда услышала ответ в телефонной трубке.

– Какой Андрей? – переспросила она.

– Мой муж, – пояснила я, хотя, на мой взгляд, и так всё было понятно.

– Как? Когда? Как это случилось? – суетливо спросила мать.

И я рассказала ей про несчастный случай и о том, что сегодня были похороны, и поэтому приезжать не нужно.

– А почему ты раньше не позвонила? – снова спросила она.

– Потому что у меня не было времени на телефонные звонки. Мне пришлось за один день заниматься перевозкой тела в Москву и организовывать похороны вместе с поминками. Вы бы всё равно не успели приехать, даже если бы я позвонила вам вчера вечером. Так что не беспокойтесь, я сама справилась.

– Всё равно ты должна была позвонить! – не успокаивалась мать.

– Но я же звоню тебе!

– Нужно было позвонить раньше!

– Но ничего бы не изменилось!

– Всё равно нужно было! – настаивала на своём мать.

В общем, разговор ни о чём. Вероятно, она совершенно не понимала, как я чувствовала себя в тот момент, потому что какими бы не были мои отношения с мужем, всё-таки наш брак длился восемнадцать лет. И мне было жаль мужа. Но, по-видимому, моей матери не было жалко ни Андрея, ни меня, потому что ни утешать меня, ни помогать мне она не собиралась.

А я-то, наивная, полагала, что родители или сестра или родственники свяжутся со мной, предложат помощь или соберут деньги. Пусть бы даже это была чисто символическая сумма, а предложение о помощи было бы пустой формальностью, но и это согрело бы мне душу. Но мне никто не позвонил и ничего не предложил. Особенно задело меня молчание родной сестры. Хоть бы сообщение на телефон кинула! Мол, как ты? Но, видимо, подобные вещи не достойны её внимания. Да и родители тоже ни копейки не предложили, хотя мне пришлось потратить на похороны все свои накопления.

Но, следует отметить, что в канун сорока дней, мама всё же позвонила мне, чтобы сказать следующее.

– Светка, папа тут заставляет меня ехать к тебе, чтобы помочь в организации поминок. Вот я и хотела у тебя узнать: нужно ли мне приезжать или ты сама со всем справишься?

Да если бы моя дочь, не дай Бог, попала бы в подобную ситуацию, я бы не стала звонить и спрашивать, стоит ли мне к ней приезжать или нет, я бы собрала всё, что у меня бы-

ло, и поехала бы к ней первым же рейсом! Но моей матери в очередной раз нужна была какая-нибудь правдоподобная отговорка, чтобы оправдать своё бездействие, и я не замедлила её предоставить.

– Нет, мама, не нужно приезжать! Поминки будут в кафе. Всё уже заказано и оплачено. Поэтому твоя помощь не нужна. Зачем тебе зря утомляться?

– Да, так я папе и скажу, – ответила она и даже не попыталась настаивать на своём визите.

И только месяцев через восемь она всё же решила к нам приехать. К этому времени мы уехали от свекрови на съёмную квартиру, так как продолжать жить с ней было сродни самоубийству. Поэтому я подумала, что мама решила приехать посмотреть на наше новое жильё. И я была просто в шоке от этой новости и, по своей всегдашней наивности, расценила данный поступок как шаг к налаживанию наших отношений. Правда, визиту матери предшествовали некоторые события, которые я поначалу никоим образом не связала между собой.

А дело было в том, что в связи со всеми стрессами, которые мне вместе с детьми довелось пережить за последние месяцы, я решила, что нам необходимо отвлечься и получить порцию положительных эмоций. А самым лучшим развлечением для меня всегда были путешествия. Поэтому я предложила детям выбрать страну и поехать туда. И они выбрали Китай. Даже не знаю почему. Но мне было всё равно. Глав-

ное, чтобы подальше и подольше. И мы заказали трёхнедельный тур по Китаю.

В тот период времени у меня была очень неплохая зарплата, и я поскребла по сусекам и выкупила этот тур. И хотя я давно уже не сообщала родителям о своих путешествиях за границу, но в этот раз решила не скрывать этот факт, потому что, во-первых, я случайно проговорила об этом двоюродной сестре в телефонном разговоре и не сомневалась, что теперь об этом узнает вся родня. А во-вторых, я рассуждала следующим образом. Так как я нахожусь в тяжёлой жизненной ситуации, то родители должны понять, что мне нужно отвлечься, и, соответственно, должны порадоваться за меня, что, несмотря ни на какие невзгоды, я не закисла в своём горе, а продолжаю жить и создавать для своих детей все условия, в том числе и для полноценного отдыха.

И хотя мой телефонный звонок с сообщением, что мы собираемся в Китай, был снова воспринят родителями с недоверием, и они снова предложили вместо этого приехать к ним в деревню, но их предложение не было особенно настойчивым, и я убедила себя в том, что мои рассуждения были правильными. И едва мы вернулись из поездки, мама позвонила мне и сообщила, что хочет приехать повидаться. Я полагала, что она просто соскучилась, и обрадовалась.

И мама, действительно, приехала. Привезла пакет картошки, пару банок варенья, кабачок и другие овощи. Взамен мы вручили ей подарочную упаковку различных сортов ки-

тайского чая и другие гостинцы, которые мы купили специально для них с папой.

В разговоре мама пообещала на следующий год купить моей дочери выпускное платье и заверила нас, что через полгода приедет к нам снова. А потом она сказала:

– Давай ты Захара к себе заберёшь!

Это она о старшем сыне Лины. Поначалу новый муж Лины неплохо относился к пасынку, но потом, когда стали появляться свои дети, отношение изменилось. Захар стал изгоем в собственной семье, а его мать никак этому не препятствовала. Впрочем, это, видать, наша семейная традиция – гнобить и издеваться над старшими детьми, а потом вышвыривать их на улицу.

– Мама, ты думаешь, что говоришь? – в шоке от подобного предложения проговорила я. – Куда я его заберу? У меня у самой двое детей, муж умер, живу на съёмной квартире, половину зарплаты отдаю за жильё, а ты предлагаешь мне взять на себя ещё и племянника? Мы и так втроём в одной комнате! И где, по-твоему, я поселю Захара?

– Ну, Лине он не нужен! – заискивающим тоном проговорила мать. – Она третьего ребёнка ждёт! Зачем ей Захар? А ты его здесь, в Москве, где-нибудь пристроишь! Отдашь в хорошую школу, потом устроишь в институт! Это же твой племянник! Неужели ты совсем не хочешь помочь сестре?

– Мама, ты что-то путаешь! Это мне нужно помогать! Это я похоронила мужа! Это меня свекровь выжила их кварти-

ры! Это я пытаюсь одна поднять двоих детей! А у Лины всё хорошо! У неё работающий непьющий муж, любящие родители, да ещё и родители мужа помогают! Ты сама говорила, что недавно Лина купила вторую квартиру, которую сдаёт. Так что с деньгами и помощью у неё всё в полном порядке! А чтобы её муж лучше относился к Захару, Лине нужно хотя бы поговорить с ним! Это её ребёнок, и заботиться о нём должна она, а не я!

– Но ты же живёшь в Москве, у тебя хорошая работа! Тебе будет проще растить Захара, чем Линулинке! – не отставала от меня мать.

– Совершенно не проще! – отрезала я. – Я и так еле жива! Мне о своих детях думать нужно, а о Захаре пусть думает его мать, а не я!

На этом разговор закончился, и после этого мама уехала, и больше мы её не видели. И сейчас, по прошествии времени, я понимаю, что она приезжала к нам не для того, чтобы проведать нас и поддержать, а для того, чтобы получить заграничные гостинцы, которые мы бы непременно раздали другим людям, если бы она быстренько их не забрала, а заодно чтобы попытаться пристроить старшего сына Лины, загрузив меня проблемами ещё больше. И всё для того чтобы любимая доченька могла жить в своё удовольствие с новым мужем.

А мы с детьми ждали приезда бабушки на следующий год. Думали, что она приедет на выпускной вечер внучки, но ни

платья, ни даже открытки с поздравлениями или извинениями мы не дождались. Вот тогда-то я и подумала, что её неожиданный визит к нам был отнюдь не по доброте душевной. О нас снова забыли. Потому что у нас были новые проблемы, которые требовалось срочно решать, а когда я нахожусь в таком незавидном положении, то родители предпочитают обо мне не вспоминать.

Ох, как же больно погружаться в прошлое, извлекая из памяти то, что давно забыто, похоронено под другими, более приятными воспоминаниями! Порой так и хочется бросить написание этой грустной повести, вернувшись из прошлого в настоящее и оставив в покое былые обиды и раны. Но если я это сделаю, если сдамся, то получится, что всё было напрасно. Люди, которые каждый день унижали и оскорбляли меня, останутся победителями с незапятнанной репутацией. А я так и буду в их глазах, да и в глазах других людей, глупой неудачницей со скверным характером, которая по праву заслужила все несчастья, свалившиеся ей на голову.

Но так не должно быть! Правда должна выйти наружу, даже если прошло уже много лет. Настал и мой черёд говорить. И даже если меня никто не услышит, я всё равно продолжу свой рассказ, потому что должна довести начатое до конца.

Был у меня дядя. Дядя Коля. Родной мамин брат.

Как и большинство моих кровных родственников, он был

человеком слабохарактерным, а жена его, наоборот, являлась женщиной властной. И благодаря этому качеству, она женила на себе моего дядю.

Они познакомились на свадьбе общих друзей и, возвращаясь вечером навеселе, продолжили знакомство в более интимной обстановке. А на следующий день тётя Рая (его новая знакомая и будущая жена) пригрозила моему дяде тем, что обратится в партийную организацию, если он не женится на ней добровольно. И хотя мой дядя не лишал свою новую возлюбленную невинности, так как ко времени их знакомства она была женщиной разведённой, он всё равно поспешил жениться на ней. И потом всю жизнь, как проклятый, работал на заводе, чтобы содержать свою жену, которая не желала работать (и это в советское время, когда в Уголовном кодексе существовала статья за тунеядство!) и дочь, которая родилась впоследствии.

На протяжении всей семейной жизни тётя Рая держала своего мужа в чёрном теле, не позволяя ничего лишнего и отказывая в необходимом. Я точно это знаю, потому что мой папа отдавал дяде Коле свои старые рубашки, чтобы тому было в чём ходить. Тётя Рая даже не позволяла мужу лишний раз навестить свою мать, мою бабушку, которая была добрейшей души человеком, и потому я очень редко видела своего дядю. Но при этом дядя Коля никогда ни на что не жаловался, не роптал, а наоборот, искренне радовался всякой мелочи.

И вот с возрастом, когда дядя Коля заболел и уже не мог по состоянию своего здоровья вкалывать круглые сутки, вместо того чтобы отвезти мужа в больницу, тётя Рая отвезла дядю Колю на дачу и оставила его там одного. Умирать.

Умирал дядя Коля долго и мучительно. Тётя Рая жалела денег и на лекарства и на еду для своего мужа. Лишь иногда соседи по даче, услышав крики и стоны дяди Коли, приходили проведать его и покормить. А тётя Рая явилась на дачу лишь тогда, когда дядя Коля уже умер. Похороны были скромными. Большинство родственников, включая родных сестёр дяди Коли, узнали о том, что это случилось, лишь спустя время.

И сейчас про дядю Колю никто не вспоминает. Ни семья, ни родственники, ни друзья. Пока человек был жив и вкалывал все дни напролёт, чтобы обеспечить свою семью, он был нужен. Но едва он попал в беду, надорвав здоровье, о нём тотчас все забыли. Все отвернулись от дяди Коли, словно его не существовало.

Мне жаль, но я узнала о горькой судьбе своего дяди, когда всё уже было кончено. Но, глядя на свою родню, я знаю точно: если я буду слепо следовать их завышенным требованиям, которые они предъявляют мне, я надорвусь. И в тот самый миг, когда я споткнусь и упаду, никто не протянет мне руку помощи. Наоборот. Все дружно отвернутся и пройдут мимо, не думая обо мне. В их душах даже не мелькнёт искры сожаления или сочувствия. А я, одинокая и брошенная,

останусь лежать на земле и ждать, когда стервятники растащат моё бренное тело на куски.

Но только во всей этой душещипательной истории кроется небольшая засада, о которой даже не подозревают мои родственники. Я уже сбросила путы, которые связывали меня по рукам и ногам, и теперь ничто не заставит меня сдаться на милость плотоядных родственничков. Лучше я буду считать себя сиротой, чем позволю кому-нибудь из них выпить хоть грамм моей крови. Теперь они не получают от меня ничего: ни денег, ни помощи. Пусть сами справляются со своими проблемами, как это всю жизнь делаю я. Им больше не удастся похвастаться моими успехами и достижениями, потому что они о них не узнают. Для них я навсегда останусь неудачницей, которой не повезло с замужеством. Ведь если они не хотели делить со мной горе, что ж, моя радость тоже будет им недоступна. Впрочем, это их выбор. Я лишь пытаюсь примириться с действительностью.

Очень долгое время, почти сорок лет, я считала своего отца виновником моих бед. Ведь это он в детстве бил меня ремнём за мнимые провинности, к которым я не имела никакого отношения, он кричал на меня и обзывал, он всё время грозился выгнать из дому, и все самые обидные в своей жизни слова я слышала именно от него. Мать же, напротив, практически не повышала на меня голоса, но и не заступалась, хотя я всё время обращалась к ней за помощью и

поддержкой. Я думала, это отец определяет политику в нашей семье и решает все важные вопросы. И его жестокость и вспыльчивый нрав постоянно приводят к тому, что я чувствую себя ущербной и несчастной.

Так продолжалось почти сорок лет, пока однажды я не пообщалась со своей тётёй, младшей сестрой отца. Мы разговаривали за жизнь, и случайно она обронила такую фразу:

– После женитьбы на твоей маме брат сильно изменился.

И тогда всё встало на свои места. Эта спонтанная фраза послужила для меня своего рода кодом, ключом к пониманию всей ситуации. И картина, которая до того момента представляла собой лишь разрозненные пазлы, сложилась в единое целое. Это не отец задавал тон в нашей семье. Не он испытывал ко мне неприязнь, пытаясь сжить со свету. Это была она – моя мать. Ночная кукушка, которая всегда перекукует дневную.

Ведь если разобраться объективно, то только от отца я и видела что-то хорошее. Те немногие игрушки, что у меня были, купил мне именно он в то время, когда матери не было дома. Именно он пытался, пусть и безуспешно, решить мои проблемы, когда они возникали, привлекая помощь своих знакомых. А перед выпускным балом в школе именно он повёз меня в Москву, чтобы купить туфли, а потом повёл в парикмахерскую. Он, не мать. От матери же я никогда слова доброго не слышала. А когда я обращалась к ней за помощью, то всегда получала отказ, прикрываемый глупыми

отговорками. Это она ненавидела меня и всячески пыталась внушить эту ненависть моему отцу, шепча ему по ночам о своих обидах.

Она регулярно вкладывала в его голову свои мысли и чувства, и отец, как человек доверчивый и восприимчивый, принимал на веру слова жены, от которой он только что получил изрядную порцию супружеских ласк. И на следующий день он выплёскивал на меня горы обвинений и угроз, которые на самом деле не были его истинными чувствами. Он поддавался влиянию той, которая спекулировала физиологическими потребностями своего мужа и диктовала ему свои условия.

Теперь я знаю это так же чётко, как если бы сама слышала каждое слово. Хотя признаться, однажды мне, действительно, довелось быть тому свидетелем.

Как-то раз в детстве к нам приехали родственники с ночёвкой, и, как обычно, гостям предоставили для сна мою кровать, переместив меня на пол. А поскольку в комнате, где мы с сестрой спали, места на полу не было вовсе, меня положили спать в родительскую комнату. А в период жизни с родителями процесс моего засыпания всегда занимал много времени по одной простой причине: я очень долго не могла согреться. Как потом выяснилось, у меня вегето-сосудистая дистония, и от того руки и ноги всегда холодные. Родители же никогда не считали нужным давать мне тёплое одеяло. И потому, и зимой и летом, я спала под тоненьким байковым

одеяльцем. И после того как я ложилась в кровать, первые полчаса я просто дрожала, чтобы хоть немного согреться. А приблизительно через час или полтора у меня получалось заснуть.

Вот и в тот раз, когда меня уложили спать на пол, никто, естественно, не подумал, что мне может быть там очень холодно. Я лежала, стараясь не лязгать зубами, чтобы не получить очередной нагоняй от родителей. А они несколько минут лежали тихо, а потом, решив, что я уснула, начали разговаривать. Впрочем, общение было односторонним, потому что папа молчал, а мама говорила. Она рассказывала отцу о том, какая я бессовестная и эгоистичная девчонка, которая ужасно себя ведёт и не ценит хорошего к ней отношения родителей. И в качестве примера поведала следующий случай.

Днём мы с мамой ходили в промтоварный магазин, где в отделе парфюмерии и косметики я увидела недорогой и симпатичный набор теней и предложила маме купить его, чтобы мы вместе могли им пользоваться. Но она, как всегда, начала петь свою старую песню о том, что у нас нет денег на подобные вещи, и мы ушли без покупок. Причём я и думать забыла об этом косметическом наборе и потому крайне удивилась тому, что на маму этот незначительный эпизод произвёл такое громадное впечатление.

Теперь же эта история преподносилась папе так, словно я закатила истерику в магазине, поставив маму в очень затруднительное положение перед посторонними людьми. За-

тем мать заявила, что у меня просто непомерные запросы, и нужно это дело пресечь на корню, пока я не успела пустить всю семью по миру. А для этой цели папа должен завтра побеседовать со мной, чтобы, как говорится, популярно объяснить политику Партии и Правительства.

Во время маминого монолога папа молчал, лишь слышалось его напряжённое дыхание, а затем он сказал, что, конечно же, побеседует со мной утром.

Я же после этого разговора ещё долго не могла уснуть. Слезы текли у меня из глаз, но я не вытирала их, боясь пошевелиться, чтобы не выдать себя. А утром меня ждал очередной неприятный разговор с отцом. Правда, на этот раз я была к нему готова.

После пребывания наедине с матерью, отец всегда вёл себя так, словно с цепи сорвался. Попадая под град обвинений, я даже не могла сообразить и соотнести эти факты во времени и сделать надлежащие выводы. И сейчас, прокручивая мысленно время назад, я ясно вижу, что все претензии в мой адрес высказывались отцом в основном по утрам, когда я, ещё не успев отойти от ночного сна, не могла понять, в чём же, собственно, дело. Отец кричал на меня, бросая мнимые обвинения в лени, халатности и жадности, и я не знала, как оправдаться, потому что не видела за собой вины. И потому старалась как можно быстрее убежать из дома и не возвращаться туда до поздней ночи.

Я ходила на все кружки и на все факультативы, на которые только было возможно, потому что чем меньше времени я проводила дома, тем меньше меня загружали домашней работой. Ведь не могла же мама, в самом деле, оставить своего мужа и любимую доченьку без ужина, потому что её старшая дочь задержалась до девяти вечера в школе на какой-нибудь репетиции или на мероприятии! И, пожалуй, я бы посещала ещё больше дополнительных занятий, но только для реализации этой цели существовала одна значительная проблема. Ведь родители принципиально старались тратить на меня как можно меньше денег, и потому мне разрешалось посещать только бесплатные секции. Так что выбор у меня был невелик, в отличие от сестры, которой стоило лишь заикнуться о своих желаниях, как они тут же исполнялись. Но стоило мне задать матери вопрос о несправедливом отношении ко мне, как я тут же получала ответ:

– Ты уже такая взрослая, а до сих пор ревнуешь к своей младшей сестре и завидуешь ей.

И этот ответ ещё раз подчёркивал тот факт, что моя мать совершенно не знала меня и не желала знать, потому что именно эти два качества характера, которые она всегда приписывала мне, никогда не были мне свойственны.

Как-то в одной газетной статье я прочитала, что по статистике пять процентов населения Земли никогда не испытывали чувства ревности. И к своей величайшей гордости и к огорчению других, торжественно заявляю, что я вхожу в эти

пять процентов. И мой муж, и все парни, с которыми я встречалась, всегда обижались на меня из-за этого. Ведь у русского человека принято так: ревнует – значит любит. Но это не про меня. Я никогда не считала нужным бороться за чью-то любовь путём закатывания истерик, предъявления ультиматумов и запретов на общение с противоположным полом. Я слишком уверена в себе, чтобы опускаться до этого.

То же самое могу сказать и в отношении чувства зависти. Конечно, порой мне бывает обидно наблюдать за несправедливостью в распределении материальных благ, но только я никогда не заикливаюсь на этом. Я искренне считаю: то, что легко даётся, мало ценится. И настоящее удовольствие от полученного результата можно получить только после продолжительного и упорного труда, потраченного на его достижение.

Поэтому в моём сердце никогда не было ни ревности, ни зависти, ни к сестре, ни к кому бы то ни было ещё. А вопросы своей матери я задавала исключительно потому, что хотела докопаться до сути и выяснить истинную причину плохого отношения ко мне родителей, так как полагала, что я его не заслужила.

Переосмыслив с этой точки зрения прошлое, всё становится на свои места. По какой-то причине мать всегда ненавидела меня, но не решалась в открытую высказывать свои обвинения. Она пряталась за папу, исподволь, втихую ведя

свою мерзкую игру по выживанию меня из семьи. Она делала всё, чтобы я либо загнулась раньше времени, либо сбежала от них. А я страдала и мучилась, не понимая, в чём тут дело. Потому что как человек открытый и искренний, я предпочитаю не прятаться за чужую спину, а высказываю обидчику все свои претензии напрямую. И поскольку каждый судит по себе, я полагала, что и остальные, тем более члены моей семьи, должны поступать так же. Но не тут-то было! Предательство поджидало меня с самой неожиданной стороны. Ну что ж, одно в этой ситуации остаётся отрадным. Я разобралась, в чём состоит суть проблемы, и оттого теперь мне легче найти ей решение. А именно: нужно перестать общаться с той женщиной, которая обрекла меня на эти душевные муки.

Но только она не знает одного. Оттолкнув от себя ребёнка, ты избавляешься не только от проблем, связанных с ним, но и от радостей, которые он может доставить. Пусть эта женщина продолжает жить в деревне, куда сослала её любимая младшая дочь, и добывает хлеб в поте лица своего, и развлекается, наблюдая за чужими горестями и радостями в «Доме-2». А я буду покорять вершины вместе со своими детьми, которые совершенно искренне любят меня и поддерживают в горе и в радости.

И лишь один вопрос во всей этой истории остаётся открытым. За что моя мать всегда ненавидела меня? Я долго ломала себе над этим голову, но так и не пришла к однозначному ответу. И наиболее вероятной причиной этого я считаю

следующую версию.

Мама всегда считала себя центром вселенной, принцессой, которой все должны восхищаться и подчиняться её воле. Она никогда не скрывала, а наоборот, всячески подчёркивала, что росла избалованным ребёнком. Будучи младшей в семье, она всегда получала всё самое лучшее и самое вкусное. К тому же она была любимицей своего отца, который, не скрывая, всегда выказывал ей предпочтение по сравнению с другими своими детьми.

Мама рассказывала, что когда она вышла замуж, то совершенно ничего не умела делать: ни готовить, ни шить, ни гладить, что по тем временам было совершенно непозволительной роскошью для деревенской девушки. Но ей повезло. Мой папа, наоборот, был старшим ребёнком в большой семье и, соответственно, умел делать всё, в том числе и ухаживать за маленькими детьми. И потому, женившись, он взял все хлопоты по дому на себя, включая заботу и о новорождённом ребёнке, то есть обо мне. Поэтому мама продолжала чувствовать себя принцессой и жить в своё удовольствие. Но, по-видимому, запросы, которые у неё всегда были, и мечты, которые она всю жизнь лелеяла, деревенский паренёк без денег и высшего образования не мог исполнить. Единственное, что он мог для неё сделать, так это увезти её после свадьбы из деревни в город. И пусть это был всего лишь небольшой городок в Московской области, для мамы в то время и это было большим достижением. И вероятно, пона-

чалу её это устраивало, так как она полагала, что это – лишь трамплин для будущих достижений. Но только продолжения не последовало. Папа больше двадцати лет проработал в пожарной охране, не собираясь никуда переезжать или уходить на повышение. И, вероятно, со временем маму начало это тяготить, но она ничего не могла изменить.

Показательными в этом плане являются и любимые фильмы матери. Ведь мы всегда отдаём предпочтение тому, что близко нам по духу. Так вот. Любимыми фильмами мамы, которые она может пересматривать каждый день, являются «Золушка», советский фильм 1940 года выпуска, и «31 июня». Полагаю, комментарии здесь излишни.

Мама часто говорила, что, выходя замуж, она не испытывала к папе любви. И почему-то я думала, что мама говорит эту фразу для того чтобы подчеркнуть, что любовь приходит со временем, и теперь она любит папу всем сердцем. Но сейчас я поняла, что это были лишь мои домыслы. Я вкладывала в слова матери тот смысл, который хотела видеть, но на самом деле она никогда не продолжала фразы. И если провести логическую цепочку, отключив домыслы, и взглянуть на ситуацию со стороны, то становится очевидным одно: мама никогда не любила папу и не любит его до сих пор, и живёт с ним в браке лишь в угоду общественной морали, не поощряющей разводы без весомой причины. А их никогда не было. Папа всегда был примерным семьянином, обеспечивающим жену и детей и заботящимся о своей семье. И маме

приходилось ежедневно подчиняться мужчине, к которому она не испытывала никаких достойных чувств. И это бесило её. Выводило из себя. Поэтому она озлобилась. Она считала, что достойна лучшей участи, чем роль жены и матери. Она хотела быть богиней, потому что в семье, где она родилась, к ней относились именно так. Но она не могла позволить себе развод, чтобы найти себе более обеспеченного мужа. И потому всё своё недовольство и злобу за рухнувшие мечты она стала вымещать на мне, считая свою малолетнюю дочь виновником всех своих жизненных неудач, так как если бы меня не было, возможно, у неё появился бы шанс устроить свою жизнь иначе. И чтобы наказать меня, она решила испортить мне жизнь, чтобы я могла на собственной шкуре ощутить ту боль и негодование, которые всегда терзали её. И ей это удалось.

Сорок лет я ненавидела эту жизнь, мечтая лишь о том, чтобы она поскорее закончилась. За эти годы я устала и морально и физически. Но больше всего моё сердце терзало чувство безысходности, которое своими словами и поступками подпитывала моя мать. Она всегда заявляла, что я – неудачница, и мне будет очень тяжело в жизни. Причём этой фразой завершался любой наш с ней разговор, на какую бы тему он не вёлся.

Но теперь я всё поняла. Несмотря на кровные узы и общественное мнение я должна перестать общаться с человеком, который меня ненавидит и всячески пытается сделать мою и

без того нелёгкую долю ещё более тяжёлой. Я должна освободить свой разум от неприятных и горьких дум, потому что мне есть, чем занять его. У меня есть к чему стремиться и ради чего жить. И как бы не навязывала общественная мораль обязанность регулярного общения с родителями, я не буду ей следовать. Мне не привыкать сталкиваться с всеобщим осуждением лишь потому, что люди, по своей недалёкости и недальновидности, делают ошибочные выводы. Это – удел толпы, обделённой интеллектом. Я же пойду по иному пути, не теряя веры в себя и в собственные силы.

Я даже думаю о том, что если кто-то из родителей умрёт, то нужно будет придумать очередную отговорку, чтобы не приезжать на похороны. Реально, я не хочу видеть никого из них. Ни родителей, ни Лину, ни её мужа, ни её детей. Поверьте, мне абсолютно всё равно, что с ними, как они живут, как выглядят, есть ли у них какие-то проблемы или у них всё прекрасно. Для меня они чужие люди, которые всегда относились ко мне как к чужой. Что ж, настал и мой черёд вести себя так, как будто они лишние в моей жизни.

Да, к несчастью, мои дети не знают своих бабушек и дедушек, но то – не моя вина. Я изо всех сил старалась сохранить с ними нормальные отношения. Даже не ради себя, а ради приличия. Но всему есть границы. Думаю, что моё здоровье, как физическое, как и психическое, стоит того, чтобы отказаться от общения с людьми, которые когда-то были моей семьёй. У меня уже давно нет к ним любви, а теперь нет даже

ненависти. Лишь равнодушные.

Признаться, со временем мне стало казаться, что я всё это выдумала. Воспринимая прошлое сквозь призму детских обид, поддавалась фантазии, позволив воспоминаниям исказить факты. И на самом деле всё было иначе. Может быть, я и в самом деле злая и завистливая женщина, которая постоянно ревнует к младшей сестре, и только моей матери хватает духу прямо говорить мне об этом, тогда как остальные родственники и знакомые из соображений тактичности дружно молчат. И я настолько уверила себя в этом, что мне стало легче. И хотя я перестала общаться с родителями, боясь новых разочарований, моё отношение к ним стало меняться в лучшую сторону. Но однажды ко мне приехала погостить давняя подруга по имени Арина, и мы разговорились, вспоминая школьные годы. Внезапно Арина сказала:

– Мы с девчонками всегда удивлялись тому, как плохо к тебе относились родители! Если твою сестру они всегда баловали и одевали, как куклу, то с тобой обращались так, словно ты им не родная!

После этих слов у меня будто камень с души свалился. Я перестала винить себя за глупые фантазии и необоснованные обиды в адрес своих родителей, потому что имела на это право.

– Спасибо, Арина, за то, что ты сейчас сказала, потому что я считала, что всё преувеличила, придумывая то, чего на

самом деле не было.

– Да как же ты могла это придумать, когда мы всё это видели? – не скрывая удивления, произнесла Арина. – Мы наблюдали за этой несправедливостью каждый день, поражаюсь тому, как можно по-разному относиться к двум родным дочерям!

И хотя Арина лишь озвучила горькую правду, для меня это очень много значило. Её слова подтвердили то, в чём я сомневалась с самого начала. Я не сумасшедшая истеричка, не лентяйка и не дармоедка. Я – нормальный человек, которому просто не повезло с родителями.

Кроме того, была ещё очень неловкая ситуация на вечере встречи выпускников нашего класса. Когда начался банкет, и я принялась накладывать салат себе в тарелку, девчонки удивлённо посмотрели на меня.

– Света! – с улыбкой заговорили они со мной. – А почему ты не спрашиваешь, можно ли тебе брать салат?

– А почему я должна это спрашивать? – удивилась я.

– Как же! Раньше ты всегда по десять раз переспрашивала, можно ли тебе взять кусок хлеба или что-то положить в тарелку! – пояснили мне. – Без разрешения ты вообще к еде не прикасалась!

Услышав это, я вся внутренне сжалась. Неужели всё было настолько плохо? Я настолько была запуганной и зажатой, что это всем бросалось в глаза? А я-то надеялась, что тщательно скрывала все свои проблемы! Надеялась, что никто

не догадывается! Но все видели, все знали. Есть вещи, которые нельзя скрыть. И беда в том, что некоторые этим пользуются. И я не о своих одноклассниках. Они у меня замечательные. Я о своём муже.

Я долго не могла понять, как же я так вляпалась? Вроде умная девчонка, отличница, но выбрала себе в мужья тирана и деспота, который с самого начала вёл себя со мной так, будто я и не человек вовсе, а бесправная рабыня, которой непозволительно даже думать о чём-то или о ком-то, кроме мужа и об удовлетворении его желаний. Как же я не разглядела его, пока мы только встречались? Но со временем поняла.

Во-первых, он прикидывался. Носил маску хорошего парня, которую тотчас сбросил, едва мы расписались. А во-вторых, это произошло, потому что границы моего восприятия нормальности семейных отношений были размыты. В семье родителей я привыкла к унижениям, оскорблениям и даже избиениям. У меня совершенно не было личного пространства, я была вещью, которую используют по полной, пока она ещё в рабочем состоянии. А как только она ломается или выходит из строя, её выкидывают.

Начав встречаться со мной, мой будущий муж увидел это во мне, как видели другие, и понял, что именно такая жена ему нужна: покорная и совершенно не умеющая постоять за себя, поэтому поспешил жениться на мне, пока какой-нибудь другой шустрый парень не перехватил такое сокровище.

Если бы мой муж, который в тот время ещё носил приставку «будущий», увидел, что у меня крепкая и дружная семья и любящие родители, которые никому не дадут в обиду обеих своих дочерей, он бы свалил в сторону и отправился бы на поиски другой невесты. Но познакомившись с будущими тестем и тётцей, он понял, что не ошибся в выборе, и постарался ускорить свадьбу, фактически подписав мне приговор и назначив наказание за преступление, которого я не совершала.

Всё это было не чудовищным стечением обстоятельств, в котором я винила себя и свою жестокую судьбу, это было логичным следствием одного другому. Жестокие эгоистичные родители – жестокий эгоистичный муж. Если бы родители хоть чуть-чуть любили меня и нормально ко мне относились, я бы заметила, что мой парень, который слишком быстро принялся объясняться мне в любви и настаивать на свадьбе, не самая лучшая для меня партия. Заметила бы опасные тенденции в его характере и в поступках, но за девятнадцать лет жизни с родителями, я так и не узнала, каково это: когда в семье тебя уважают и считаются с тобой. В итоге я не смогла разглядеть абьюзера и прямиком попала к нему в лапы. А уж о том, чтобы перекрыть мне пути к отступлению, моя мать позаботилась.

Поскольку родители никоим образом не проявляли заботы обо мне, складывалось ощущение, что им всё равно, жи-

ва ли я или давно уже на том свете. И возможно, если бы я вдруг внезапно умерла, они бы вздохнули с облегчением, потому что в этом случае им не нужно было бы создавать иллюзию заботы обо мне перед знакомыми и родственниками. И самым сложным для меня было смириться с этим знанием. Смириться и продолжить жить, не позволяя боли в сердце испортить кровь и сломать жизнь. Смириться и продолжать ходить с высоко поднятой головой, словно у меня всё хорошо и нет никаких скелетов в шкафу. Словно я – обычный человек, у которого любящие родители и добрая сестра, которые готовы в любую минуту протянуть мне свои руки. Но этого нет. И в этом нет моей вины. Но, к сожалению, я должна нести этот груз, продолжая идти с высоко поднятой головой, борясь со своими демонами день за днём.

Но даже не это продолжает тяготить мою душу. Главное, в чём я обвиняю свою мать и что никогда не смогу ей простить, это не моё несчастливое детство, которое всегда быстро заканчивается, и не отсутствие материнской любви, без которой спокойно можно прожить всю жизнь. Я обвиняю её в том, что именно она лишила меня возможности устроить нормальную личную жизнь. Она так торопилась избавиться от меня, что вынудила выйти замуж за алкоголика, имеющего сумасшедшую старуху-мать. А когда я пыталась развестись, то она не позволила мне сделать это, выгнав меня на улицу. Она имела возможность помочь мне деньгами, могла помочь решить жилищный вопрос, но она предпочла вы-

гнать меня и забыть о моём существовании. Она вынудила меня на семейную жизнь, полную издевательств, унижений, страданий и нищеты, по сравнению с которой моё тяжёлое детство – просто райские гущи. И когда этому аду всё же пришёл конец, который явился логическим завершением жизни любого алкоголика, я всё равно осталась одинокой женщиной средних лет без денег, без жилья, но с двумя детьми и без малейшей перспективы когда-либо устроить свою личную жизнь, потому что мой поезд уже давно ушёл.

А однажды я узнала такую вещь, которая позволила мне ещё больше прояснить ситуацию, подчёркивающую негативное отношение ко мне матери. А дело в том, что у моих родителей была реальная возможность помочь мне в решении жилищного вопроса.

Папины родственники, жившие с нами в одном городе, не имели своих детей и, перешагнув семидесятилетний порог, почувствовали себя одинокими. И тогда тётя Катя, жена папиного дяди Димы, обратилась к моей маме.

– Ваша Света так мучается, мыкаясь по съёмным квартирам. А нам с Димой тяжело жить одним. Давайте обменяем две наших двухкомнатных квартиры на трёхкомнатную и однокомнатную. Вы возьмёте нас к себе, а у Светы будет отдельная жилплощадь. Нам с Димой недолго осталось. А деньги у нас есть, так что мы вам в тягость не будем. Нам и нужно-то всего, чтобы вы за лекарствами ходили, да суп нам варили.

Но мама отказалась от такого предложения, объяснив, что у Светы, то есть у меня, всё в полном порядке, и с мужем мы живём душа в душу и ни в какой помощи не нуждаемся.

И это лестное предложение тётя Катя с дядей Димой сделали сестре моего папы, и та с радостью на него согласилась. Причём она даже не стала забирать престарелых родственников к себе. Она лишь изредка навещала их, да покупала им продукты и лекарства. И за это в наследство она получила двухкомнатную квартиру и солидную сумму денег, которая скопилась у бездетных родственников, которые к тому же оба были ветеранами Великой Отечественной войны. А мои родители остались с носом. Они так сильно не желали мне помогать, что упустили свою собственную выгоду. Тем более, как оказалось, жить тётке Кате и дяде Диме действительно оставалось совсем недолго.

Мама же настолько была горда своим поступком, что даже не постеснялась рассказать мне об этом после смерти папиных родственников, когда их квартира перешла к её золовке.

– Я никогда ни с кем посторонним не жила и никогда ни от кого не зависела, – говорила она мне. – И я не собиралась жить вместе с папиными родственниками ни дня, даже для того чтобы у тебя была собственная квартира.

И взывать к её совести было бесполезно. Обидно лишь, что я узнала об этом постфактум. Иначе я бы каждый день варила суп тётке Кате и дяде Диме и покупала бы им лекарства за свои деньги. Но почему-то те, кто хочет мне помочь,

никогда не обращаются ко мне лично, предпочитая действовать через членов моей семьи, которые люто ненавидят меня и всеми силами стараются сжить со свету. Отчего так происходит?

Когда во время банкета в какой-нибудь компании слышится фраза: «По традиции третий тост за родителей!», меня всю передёргивает. Поднимая взгляд на друзей и коллег, я сразу же замечаю, как их глаза заволакивает пелена приятных воспоминаний, их лица разглаживаются, а на губах появляются улыбки, и мне становится не по себе.

Обычно каждый человек, думая о родителях, сразу же начинает ощущать чувства благодарности, защищённости и уверенности в том, что есть на свете люди, которым ты дорог, которые поймут и поддержат тебя несмотря ни на что. И даже если и случаются в семейной жизни недопонимания, то всё равно это окупается безмерной любовью друг к другу и желанием помочь близкому человеку, отдав последнее.

Я же, вспоминая родителей, испытываю обратные чувства. Меня охватывает ощущение боли и обиды за все издевательства и унижения, которые я претерпела от них, а также чувство досады за то, что они продолжают донимать меня своими завышенными претензиями, словно я им обязана. Но только я ничем им не обязана.

Считается, что рожая детей, мы отдаём долг своим родителям. Так что получается, что я дважды расплатилась с

людьми, которые родили меня. Тем более что благодаря их милости, мне пришлось воспитывать своих детей одной.

Поэтому, когда я слышу тост «За родителей!», то стараюсь поскорей отвернуться в сторону, чтобы никто не увидел выражения моего лица, и ставлю рюмку на стол обратно нетронутой.

Как-то в одном разговоре моя коллега по имени Юлия сказала:

– Я могу спокойно позвонить маме в три часа ночи и сказать: «Мама, мне плохо, спой мне, пожалуйста, песню», и она будет петь прямо по телефону, не задавая при этом никаких лишних вопросов.

Я в ответ лишь ухмыльнулась.

– Если я решусь позвонить своей матери в три часа ночи, то она просто не возьмёт трубку. А если вдруг по какой-то причине всё же ответит, и я попрошу её спеть мне песню, то она просто скажет, что я сошла с ума или пьяна, после чего бросит трубку.

Да, вот такая ситуация.

Сейчас я практически не общаюсь с родителями. Единственным видом нашего общения являются телефонные звонки на дни рождения. И всё. Я не звоню им даже в праздники. И причина этого не только в том, что мне не о чем с ними разговаривать, да и они совершенно не желают ничего знать о моей жизни. Есть и ещё одна более меркантильная

подоплёка этого вопроса. Телефонные тарифы.

Даже если откинуть в сторону тот факт, что у меня телефонный оператор – МТС, а у них – «Билайн», удивляет их выбор тарифа. Родители выбрали такой, согласно которому звонки на три любимых номера у них бесплатные, а на все остальные жутко дорогие. И, само собой разумеется, мой телефонный номер ни мама, ни папа, ни сестра не включили в список любимых номеров. Поэтому даже шестиминутный разговор с родными мне обходится в сумму, превышающую сто рублей. А что можно сказать за шесть минут? Да ничего! Только поздравить с праздником и пожелать всего хорошего, что, собственно, я и делаю.

И я считаю так. Почему я должна лишать своих детей куска хлеба, для того чтобы предоставить своим родителям возможность лишний раз отчитать меня? Потому что общение с ними всегда происходит подобным образом. До сих пор они стараются за что-нибудь меня упрекнуть, за что-то поругать. И это притом, что я не прошу у них ни помощи, ни денег. Все проблемы решаю сама. Но в любом разговоре со мной они включают режим строгих родителей, которые вынуждены держать в ежовых рукавицах непослушное дитя.

Да ну их!

Кстати, однажды я увидела, что у мамы в телефонной книжке я записана по фамилии. Причём по фамилии мужа. Словно я не дочь им, и у меня нет имени. О чём ещё в этом случае можно говорить?

Несколько лет назад мама как-то сказала мне:

– Светка, а почему ты не звонишь Линулинке? Ей по вечерам бывает так скучно, что и поговорить не с кем! Взяла бы и позвонила ей! Вы же всё-таки сёстры!

– Ну, – замялась я, удивлённая подобным предложением, потому что всю жизнь мама только и делала, что не позволяла нам с сестрой общаться, подчёркивая разницу между нами. – Если Лине хочется со мной поговорить, то почему бы ей самой не позвонить мне?

– А ты сама не можешь ей позвонить? – снова спросила мать.

– А почему я должна ей звонить? Ведь это она хочет со мной поговорить, а не я с ней! У меня, к примеру, совершенно нет времени для скуки. Особенно по вечерам.

– Потому что ты – старшая! – снова привела один из своих излюбленных аргументов мама.

Но я не стала ничего обещать, потому что совершенно не собиралась выполнять то, о чём она меня просила. С какой стати я должна тратить свои честно заработанные деньги на телефонные разговоры с сестрой, у которой не хватило совести включить мой номер телефона в список любимых номеров, и теперь любой звонок или СМС Лине будет пробивать дыру в моём бюджете? Почему бы ей самой не звонить мне, если она желает пообщаться? И вообще, мне сложно понять, как замужняя женщина, имеющая троих детей, может находить время для скуки? Ах да, я забыла, что сво-

его старшего сына она всё-таки сбросила с глаз долой, спихнув родителям в деревню, где он теперь живёт постоянно, и они содержат его на свою пенсию, и потому на её попечении всего лишь двое детей и муж, которого она держит рядом с собой квартирой. В таком случае, конечно, можно найти время для скуки, если не работать и ничего не делать по дому, дожидаясь, пока её благоверный не вернётся с работы и не начнёт сам заниматься хозяйством и детьми. А иначе – пошёл вон из городской квартиры обратно в свою деревню коровам хвосты крутить! Да, Лина хорошо устроилась. И всё благодаря любящей мамочке.

Жаль, но из-за того, что родители всю жизнь гнобили меня, отказывая в помощи даже тогда, когда я была на грани, в моё сознание ворвались демоны и поглотили всё, что только могли. Моя самооценка упала ниже плинтуса, и я стала настолько закомплексованной особой, что общалась с людьми на расстоянии вытянутой руки и в прямом и переносном смысле, постоянно ожидая тайного подвоха или новой порции оскорблений, которыми щедро потчевали меня родители. И я внушила себе, что если уж родная мать меня ненавидит, то что же я могу ждать от других людей? Как я могу от кого-то требовать любви, заботы и внимания, если родная мать, тот человек, который априори должен любить меня, всё время гонит меня прочь? Значит, я не достойна любви. Не достойна внимания, заботы и простого человеческого

счастья, которое положено каждому. Но не мне.

И как не горько мне было это сознавать, вся моя жизнь была тому подтверждением. Люди, с которыми мне приходилось вместе жить, учиться и работать, лишь использовали меня. И, получив желаемое, отказывались общаться дальше, словно теряли ко мне интерес.

Словно рок, это преследовало меня, будто я сама провоцировала подобное отношение к себе своим чрезмерным альтруизмом. И чтобы окончательно не сломаться под тяжестью сковавших меня пут, нужно было сбросить их все разом и начать всё сначала, как бы тяжело это не было.

И однажды я решилась. В сорок лет я начала новую жизнь, уволившись с работы и переехав жить в незнакомый город, сменив номера телефонов и перестав общаться с теми родственниками и знакомыми, общение с которыми не давало мне нормально дышать.

Даже не представляете, насколько тяжело это сделать, когда ты уже по шею увяз в привычном образе жизни, и на тебе лежит ответственность за жизнь двоих детей. Когда все кругом тебя только осуждают, и никто-никто не протягивает руку помощи.

Что ж, если этим людям больше нечего делать, как смаковать подробности моей жизни, покрытые досужими домыслами, – флаг им в руки, потому что теперь это меня уже не волнует. Я буду жить дальше, оставив позади обиды прошлого и людей, которым я всегда была безразлична.

Часть

II

Разгадка

Не думала, что вернусь к своей повести, которую написала исключительно в психотерапевтических целях. Но жизнь заставила меня вновь сесть за компьютер, открыть старые записи и продолжить писать, потому что дальнейший поворот событий расставил все точки над *i*, открыв мне истинное лицо той женщины, которую я называла своей матерью, и разъяснив причину её ненависти ко мне и фанатичной любви к Линулинке-золотулинке.

Как и обещала, я максимально ограничила своё общение с родителями и сестрой, созваниваясь с ними лишь на дни рождения и отделяясь дежурными фразами. Собственно, их тоже это устраивало, и когда моя подросшая дочь решила возобновить общение с бабушкой и дедушкой (я предупредила её, что это плохая идея, но она меня не послушала), и даже пару раз ездила к ним, то каждый раз возвращалась домой со скорбным видом буквально через день, хотя намеревалась пробыть у них не меньше недели.

– Такое ощущение, что я там лишняя! – говорила мне дочь. – Их даже не интересуют наши новости и, вообще, как мы живём! Они общались со мной как с какой-нибудь соседкой, которая заглянула к ним за солью! Вроде бы и не выгоняют, но всем своим видом дают понять, я им мешаю!

– Так и есть! – отвечала я. – Им плевать на нас! Они живут своей жизнью с младшей дочерью и её детьми, а мы им совершенно не нужны и неинтересны!

Моей дочери было горько это осознавать, но я не хотела её обманывать. Не хотела пробуждать в ней напрасные иллюзии, из-за которых её боль однажды станет ещё больше. Лучше уж сразу смириться и принять неприятный факт, чем жить и надеяться, что всё наладится, если только как следует постараться.

Не наладится! И стараться бесполезно! Я убедилась в этом за сорок лет своей жизни, пока окончательно не поняла, что для родителей я – отрезанный кусок, который они давно уже выкинули!

В общем, мы продолжали жить, пока однажды, в мой сорок пятый день рождения ранним утром мать не позвонила мне, чтобы якобы поздравить с днём рождения, но после пары дежурных фраз сообщила, что у папы рак кишечника.

Услышав это, у меня упало сердце.

Как бы я не старалась убить в себе все чувства к родителям, боль другого человека всегда вызывает во мне ответную боль.

– Как рак? – с дрожью в голосе переспросила я. – Это точно? Ты уверена? Когда поставили диагноз? Может, стоит ещё раз перепроверить?

– Это точно, – твёрдым голосом сообщила мать. – Диагноз поставили ещё в апреле. Так что сейчас папа проходит лече-

ние.

– А какой прогноз? – спросила я с ещё более упавшим сердцем.

Мой день рождения в августе, то есть с момента постановки диагноза прошло не менее четырёх месяцев. Но зачем же сообщать дочери такие вещи сразу же? Ведь гораздо лучше дожидаться её дня рождения и прямо с утра испортить ей настроение, чтобы весь день, пока все будут её поздравлять, дарить подарки и праздновать вместе с ней этот день, она ходила как в воду опущенная с чувством вины за то, что так мало общается со своей семьёй! Хотя, помнится, после моего замужества мать прямо сказала мне, что больше они не моя семья, а моя семья это – муж и его родители! Так какие тогда ко мне могут быть претензии?

– Вообще-то прогноз неплохой, – нехотя сообщила мне мать. – Врач сказал, что если бы папа заболел несколько лет назад, то это было бы смертельно, но сейчас такой вид рака успешно лечится.

– Это хорошо! – искренне ответила я. – Но как же так случилось, что папа заболел раком? Ведь рак на пустом месте не возникает! У папы же всегда был здоровый желудок и кишечник! Врачи всегда его за это хвалили и даже ставили другим в пример!

И это чистая правда! В связи с этим с ним даже как-то произошёл крайне курьёзный случай.

Перед тем как выйти на пенсию после службы в пожарной

охране, отец решил пройти медкомиссию. Ему подсказали, что если врачи найдут у него какое-нибудь заболевание, то это позволит ему рассчитывать на хорошую денежную компенсацию при увольнении.

И отец отправился на медкомиссию. Особенно большие надежды он возлагал на гастроскопию, потому что после этой процедуры даже у молодых людей всегда что-нибудь находят.

И вот пришёл он на гастроскопию. Ему вводят длинную трубку в желудок, после чего врач просит моего отца немного подождать, а сам выходит из кабинета.

Отец мысленно ликует. Наверняка у него нашли что-то серьёзное! Возможно, даже язву! И отец начинает прикидывать, какую сумму он получит, когда принесёт заключение гастроэнтеролога к себе на работу.

Тут врач возвращается на своё рабочее место. Вместе с ним приходит ещё несколько человек, которым гастроэнтеролог с торжествующим видом показывает на папин желудок.

– Смотрите! – радостно вещает гастроэнтеролог. – Вот какой должен быть желудок у человека в сорок лет!

Оказалось, что у папы в сорок с лишним лет был абсолютно здоровый желудок, что в наше время просто редкость.

Более того, никаких раковых заболеваний у нас в роду нет. Равно как и хронических болезней. Лишь долгожители с ясным умом и твёрдой памятью. То есть никаких генетических

предрасположенностей.

Опережая события, сообщу, что мой дед, отец моего отца, умер в возрасте девяноста шести лет, пережив своего сына.

Так что с чего у моего отца в возрасте шестидесяти семи лет взялся рак кишечника – непонятно. Тем более что ни язвы желудка, ни геморроя, обычно предшествующих подобному заболеванию, у него не было.

В итоге, на мои вопросы о том, откуда у отца ни с того ни сего взялся рак кишечника, мать ничего так и не сказала. А также не объяснила и то, почему она решила сообщить мне эту новость именно в мой день рождения, причём рано утром. Хоть бы вечером позвонила!

Короче, весь тот день рождения был псу под хвост.

Я была настолько подавлена, что практически не слушала никаких поздравлений, которыми друзья щедро потчевали меня в тот день. Я не могла нормально разговаривать, не могла ни о чём другом думать, не могла есть.

Мне хотелось одного: бежать на автостанцию и покупать билет до Рязани, а затем до деревни, чтобы навестить родителей и узнать, как там отец. И если бы не одно объективное обстоятельство, я бы именно так и сделала. И этим обстоятельством был мой возраст.

Сорок пять лет – время замены паспорта. Мой паспорт стал недействительным. Ведь сейчас без паспорта никуда! Даже на покупку билета на пригородный автобус требуют паспорт!

В общем, как бы лихо мне не было, пока у меня на руках не было нового паспорта, мне пришлось смиренно сидеть на пятой точке, пытаюсь с помощью психотерапии утихомирить бурю в своей душе. И я принялась усиленно писать, разбирая в своих статьях собственные проблемы и мучительно пытаюсь найти правильный ответ.

По счастью, дочь пришла мне на выручку и предложила съездить к бабушке и дедушке в деревню, чтобы узнать, насколько всё плохо в действительности.

Накупив кучу подарков, я полностью подорвала наш семейный бюджет и отправила дочь в деревню. Как и прежде, она вернулась буквально через пару дней, сообщив, что дед не так плох, как обрисовывала бабушка, настрой у него оптимистичный, да и прогноз врачей вполне хороший. И единственное, что его тяготит, так это то, что его жена, то есть моя мать, почему-то стала запрещать ему общаться со своим отцом, моим дедом, который хоть и находился в преклонном возрасте, но всё ещё был в полном здравии. И чтобы общаться с родным отцом, а также со своими сёстрами, которые периодически приезжают в деревню, моему папе каждый раз приходится идти на хитрость и обманывать жену, заявляя, что он идёт на рыбалку или ещё по каким-либо делам, в то время как сам отправляется к отцу.

Об этом мой папа поведал по секрету своей внучке, моей дочери, и велел ни в коем случае не проболтаться бабушке, а то она рассердится.

Услышав это, я была поражена. Это что же за семейные отношения, когда муж, после сорока с лишним лет брака, вынужден тайком от жены навещать родного отца, добрейшей души человека, и, между прочим, ветерана Великой Отечественной войны! Не приятеля-собутыльника, не симпатичную разведённую соседку, а родного отца, который живёт на соседней улице! Может, я чего-то не понимаю в этой жизни?

Но в целом, услышанные мной новости, были относительно неплохие, поэтому я продолжила жить дальше, периодически поддерживая связь с родителями, чтобы быть в курсе событий.

Затем весь мир накрыла волна пандемии, и новые проблемы вышли для меня на первый план. К тому же у нас начались серьёзные финансовые проблемы (впрочем, пожалуй, как и у большинства людей). Дочь окончила учёбу в магистратуре, но из-за карантина не могла никуда устроиться на работу. Пришлось поднимать связи и решать вопрос. В общем, мне было чем заняться, тем более что у отца дела шли неплохо. Химиотерапия дала хорошие результаты, а операция прошла успешно, и были все основания считать, что всё плохое позади. Но вот однажды утром мне позвонила Лина.

Это было настолько необычно, что я сразу поняла: случилось что-то плохое, иначе бы она не позвонила.

Так и оказалось. Она сообщила, что папа умер, и я должна приехать на похороны. Причём отец умер не от рака, а от инфаркта.

Признаюсь, я чувствовала, что что-то случилось. Накануне вечером я просто физически ощутила, как что-то происходит. Сердце колотилось как бешеное, и было трудно дышать. То же самое было со мной накануне смерти мужа. Но, как и тогда, я пыталась уверить себя, что это всего лишь приступ тахикардии, однако подсознательно понимала, что это не так.

До середины ночи я не находила себе места, лекарства не помогали, а потом вдруг меня отпустило, и я мгновенно уснула. Именно в тот момент умер мой отец. Но когда утром по телефону Лина озвучила эту новость, я всё равно испытала шок. Ведь я до последнего надеялась, что ошиблась в своих предчувствиях беды.

В голове зашумело, ноги подкосились, и я почти перестала соображать.

Очнувшись, я вспомнила, что не могу приехать на похороны. И не только из-за обещаний, данных самой себе. У меня вновь были объективные обстоятельства.

Сын заболел. У него несколько дней была очень высокая температура. Вылечить его за выходные я не смогла, и ранним утром этого дня я вызвала врача на дом. И в свете проводимых в стране противопандемийных мероприятий нас с ним однозначно должны были закрыть на карантин, тем более что у меня тоже начали проявляться симптомы гриппа.

Теоретически можно было рискнуть и налететь на штраф, чтобы попасть на похороны. Но я всегда была человеком от-

ветственным и сознательным, который больше думает о других, чем о себе. И я подумала, что если у меня тот самый вирус, с которым сейчас борется весь мир, то, отправившись на похороны, я заражу столько людей, что мало не покажется. Поэтому я честно позвонила матери, чтобы морально поддержать её, да и вообще за те дни я звонила ей несколько раз, хотя, учитывая тарифный план моей матери, каждый звонок обходился мне ого-го! Также я позвонила другим своим родственникам из папиной родни и предупредила, что у нас с сыном грипп и подозрение на очень нехороший вирус, но если моё присутствие на похоронах необходимо, я готова нарушить правила и приехать. И все однозначно велели мне оставаться дома и не усугублять и без того трагичную ситуацию ещё и дополнительными проблемами, которые могут возникнуть, если я всех заражу.

В итоге я не поехала на похороны, а честно пролечилась две недели.

Нехороший вирус не подтвердился, это был обычный грипп, но, несмотря на это, думаю, мои пожилые родственники вряд ли бы обрадовались, если бы во время похорон подцепили от меня грипп. Но едва я выздоровела, то тотчас стала собираться в дорогу, чтобы навестить мать и поддержать её в этом горе.

На календаре были новогодние праздники, и, признаться, я надеялась, что в эти дни, когда особенно ощущается одиночество, если ты потерял кого-то из близких, Лина возьмёт

мать к себе, чтобы в кругу любимой дочери, зятя и внуков эта женщина хоть на время позабыла бы свои горести. Но этого не случилось. Линка всегда была эгоисткой, такой её вырастили, поэтому она позволила матери остаться одной в деревне, чтобы та не смущала их семейный праздник своим скорбным видом и унылыми причитаниями.

Поэтому, приехав в деревню, я застала мать там, тогда как сестра продолжала весело встречать Новый год в кругу мужа и младших детей (Старшего, как я уже упоминала, она давно выжила из дома. Но мальчик не пропал, выучился на строителя, нашёл хорошую девушку с квартирой, и всё у него сложилось лучшим образом).

В общем, приехав к матери, я сильно удивилась. Во-первых, выглядела она ужасно. Собственно, она никогда за собой не следила – не считала нужным, но сейчас всё стало ещё хуже. Беззубая, безволосая (не с редкими волосами, нет, а именно лысая, с несколькими торчащими волосинками), с обвисшим телом, – она выглядела как персонаж из фильма ужасов. Многие могут подумать, что это горе её подкосило, но я ответственно заявляю: это не так! Это следствие её наплевательского отношения к собственной внешности. Она принадлежит к тем женщинам, которые принципиально перестают следить за собой, как только выходят замуж. Мол, пусть муж любит меня такой, какая я есть! И если в молодые годы это не так пагубно сказывается на внешнем виде, то с возрастом разница между человеком, следящим за со-

бой, и тем, кто пренебрегает элементарными правилами заботы о своём здоровье, просто разительна! Тем более, начав общаться с матерью, я заметила, что она совсем не грустит о потере мужа. Наоборот, она словно испытывает облегчение от его смерти. И единственное, что её беспокоит, так это предстоящее одиночество.

Она и раньше, лет десять-пятнадцать назад, говорила мне, что если папа умрёт, то она хотела бы жить вместе со мной, а не с Линой. Мол, она не доверяет её мужу, так как у того вечно камень за пазухой, и вообще она его боится. А мой муж более открытый, да и сама я добрее, чем Лина (это было единственный контекст, когда она поставила меня выше любимой дочери, когда говорила о своих планах в старости поселиться у меня). И тогда я отвечала ей, что не против, чтобы она жила с нами, при условии, конечно, если к тому времени свекровь отойдёт в мир иной, иначе она просто не пустит никого из моих родственников на свой порог. На этом мы и сошлись.

Но время шло, наши отношения ухудшались, а свекровь продолжала благополучно здравствовать, даже перешагнув восьмидесятилетний рубеж, и тогда женщина, родившая меня, поняла, что не может рассчитывать на меня в старости и переключилась на мою дочь.

В те редкие случаи, когда моя дочь приезжала в деревню, женщина, родившая меня, принималась обрабатывать её, говоря внучке, что хотела бы в старости жить у неё. Мол, в

Москве и медицина лучше, и пенсии больше. Но что могла ответить на это моя дочь? Лишь уклончиво сказать, что пока у неё нет собственного угла, она не может никого к себе пригласить. Но если вдруг когда-нибудь у неё появится собственное жильё, то, конечно же, она с радостью пригласит бабушку к себе.

Этим подобные разговоры заканчивались, не налагая никаких обязательств на одну собеседницу, и пробуждая надежду на комфортную старость у другой.

И вот сейчас, когда я вновь появилась на её горизонте, показав, что я снова открыта для диалога, мать принялась зондировать почву, интересуясь, не обзавелась ли я в Москве собственной квартирой, и насколько прочно моё финансовое положение.

И хотя мои ответы её не порадовали, в глазах этой женщины я читала недоверие. Она не верила, что в моей жизни тяжёлый период, и я еле свожу концы с концами. Несмотря на поношенную курточку и заштопанные носки, в которых я приехала в деревню (и отнюдь не потому, чтобы там прибить, а потому, что я реально так хожу!), мать решила, что я нарочно скрываю от неё свои доходы, а также богатого мужа, которого она вместе с моей психически больной свекровью давно приписывают мне.

Мы сходили на кладбище, и я честно поведала матери, что отец явился ко мне во сне на девятый день после смерти. Он сказал, что знает, что умер, и ТАМ ему хорошо. Более

того, он просил передать своей жене, чтобы она за него не волновалась, потому что ТАМ он всё чувствует, и волнения близких передаются ему и туда.

Собственно, ранее я уже передала матери этот разговор по телефону, но при личной встрече повторила его во всех подробностях.

Эта женщина знала, что я не вру, потому что подобные общения с умершими людьми, как и некоторые другие способности, – наше наследственная беда, которая шла по обеим веткам (по отцовской и материнской), именно поэтому во мне это и проявилось так ярко. И я всегда недоумевала: почему Линке из этой паранормальщины ничего не досталось? Живёт себе как обычный человек и горя не знает!

Полагаю, мать поверила мне, и я надеялась, что моя связь с отцом, которая не утратилась после его смерти, не только положительно охарактеризует меня, но и позволит отнестись ко мне с большим доверием, чем прежде. Но казалось, ей было всё равно. Зато ей было не всё равно, когда вечером я аккуратно заговорила о том, не оставил ли отец после себя завещания, и вообще, имею ли я право хоть на какое-то наследство.

Я поинтересовалась об этом просто на всякий случай, пребывая в полной уверенности в том, что не могу ни на что рассчитывать, так как всё давно уже переписано на Линулинку-золотулинку.

– Ты ведь не собираешься претендовать на рязанскую

квартиру? – тут же ошетинулась мать.

– Конечно же, нет! – заверила я её. – Но если папа не оставил завещания, то я бы не отказалась от небольшой компенсации за свой отказ от наследства.

– Сколько ты хочешь? – мигом спросила она, и весь налёт траура, который она до этого пыталась напустить на себя, тут же слетел с неё.

– Это зависит от того, насколько велико наследство, – уклончиво ответила я, потому что мне было неловко вести разговор о деньгах, когда ещё так свежа была боль утраты.

– Имей в виду, денег у меня нет! – дерзко сообщила она, чтобы я зря рот не разевала.

– А я у тебя ничего и не прошу! – пытаюсь скрыть обиду, ответила я. – У тебя нет, а у Лины есть!

– Откуда у Линулинки деньги? Она не работает! – мигом принялась защищать мать свою любимицу.

– Да, но у неё есть муж, который хорошо зарабатывает! К тому же у неё есть квартира, которую она сдаёт, машина, гараж, три земельных участка, которыми она не пользуется! Из всего этого можно что-нибудь продать и расплатиться со мной! Разумеется, если наследство всё же есть, а иначе о чём мы вообще здесь разговариваем? К тому же, – добавила я, – трёхкомнатная квартира, в которой Лина сейчас живёт, не с неба на вас свалилась. Она получена в результате обмена на подмосковную квартиру, которую мы получили от государства! И в ордере есть моё имя! И хоть вы меня выписали, по

закону я всё равно имею право на одну четверть той квартиры, которая получена в результате обмена! Но поскольку папа умер, всё упрощается, и я могу получить свою долю не через суд, а по наследству! Разумеется, если нет завещания, – заключила я свою речь. – Так завещание есть или нет?

– Я не знаю! – настойчиво повторяла мать. – Но я помню, как папа говорил, что нашёл какую-то контору, в которую ему нужно будет зайти, когда он в следующий раз поедет в Рязань. Наверняка он говорил о нотариусе! Так что ты ни на что не рассчитывай! Если папа написал завещание, то, значит, всё оставил Линулинке! Но если вдруг мы не найдём завещания, скажи прямо: сколько ты хочешь за свой отказ от наследства? – вновь проявила недюжинную деловую хватку эта женщина.

– Давай оставим этот разговор! – смущённо проговорила я, так как мне было стыдно делить деньги в тот день, когда я посетила могилу отца. – Когда будет окончательно ясно, есть завещание или нет, тогда и продолжим этот разговор. Но скажу честно: меня устроит даже небольшая сумма.

Я чуть было не сказала «пятьдесят тысяч», но прикусила язык, так как не знала, какова моя доля и есть ли она вообще. А вылетевшее слово обратно уже не вернёшь. И всё оставшееся время моего визита в деревню, мы больше не возвращались к этому вопросу. Вместо этого мать принялась выпытывать, не скрываю ли я от неё своего богатого спонсора, о котором на всех углах кричит моя свекровь.

А дело всё в том, что для того чтобы оправдать в глазах родни и соседей тот факт, что свекровь выгнала меня и детей – своих внуков – на улицу, она придумала легенду, что меня якобы увёз крутой мужик на сером мерседесе. Посадил нас всех к себе в машину и отвёз в свою шикарную квартиру, где мы теперь и живём, не зная бед. И как бы я не пыталась доказать всем своим родственникам, что никакого мужика нет, ни с серым мерседесом, ни даже со стареньким запорожцем, а съезжали мы на машине фирмы «Грузовичкоф», и это видели все наши соседи, включая свекровь, отчего-то народ всё равно отказывается верить правде. Полагаю, всё это происходит потому, что легенда свекрови успокаивает их совесть, потому что в таком случае я перестаю быть несчастной больной вдовой с двумя детьми, не имеющей своего угла и экономящей каждую копейку, чтобы выжить, а становлюсь обеспеченной дамой, которой можно позавидовать.

И хотя никто не видел ни то что этого мужика, но даже заднего колеса того самого серого мерседеса, а мой внешний вид совершенно далёк от того, какой у меня должен был быть, если бы я жила на содержании богача, почему-то все считают, что я тщательно маскируюсь, чтобы не делиться своим богатством.

Вот и в этот раз мать продолжила допытываться, не скрываю ли я свои баснословные доходы и тайного мужа. И я вновь принялась уверять её, что никого у меня нет, потому что кто может польститься на меня в таком возрасте? В на-

шей стране женщина за сорок, не имеющая очень богатого приданого, не нужна ни одному мужчине. Даже самому пропашему.

Ещё одним вопросом, которым мать огорошила меня во время этого визита, был следующий:

– Светка, признайся: ты действительно ездила в Африку?

И мать пристально посмотрела на меня, дожидаясь ответа, пытаясь по выражению моего лица определить, вру я или нет. Но я не собиралась врать. Я вообще не имею привычки врать. Неужели эта женщина так никогда не поймёт этого?

– Да, я была в Африке десять лет назад, – спокойным голосом ответила я.

– Я так и знала! – негодуяще воскликнула мать. – Жалуешься на то, что тебе жить негде, а сама миллионами разбрасываешься! Если бы ты не ездила в Африку, то сейчас бы жила в своей квартире!

Услышав это, я чуть не поперхнулась воздухом. Да, именно поэтому я и перестала рассказывать матери и другим родственникам о своих поездках за границу, потому что эти деревенские люди считают, что путешествовать по другим странам могут лишь миллионеры. Что ж, это не так!

В моей жизни действительно была Африка. Самая настоящая центральная Африка с походом по джунглям в сопровождении местных гидов. Это была попытка взойти на Килиманджаро, которая не удалась из-за начавшегося у меня

приступа горной болезни.

Килиманджаро была голубой мечтой моей юности. После прочтения рассказа Хемингуэя, я загорелась идеей побывать там, но моя семейная жизнь убила и более скромные планы. Но однажды, когда у меня было уже двое детей, я почувствовала, что вот-вот сорвусь, – настолько тяжёлой и безысходной была моя жизнь. Мне нужен был стимул, чтобы продолжать жить, и я вспомнила о Килиманджаро. И несмотря на возражения и дикие вспышки ревности мужа, я принялась готовиться к путешествию. Выучила английский язык, купила с большой скидкой необходимую экипировку, нашла туристическую фирму, которая организует такие поездки, и (видимо, сама судьба благоволила этой поездке!) познакомилась и подружилась с девчонкой, которая разделяла мои убеждения и готова была составить мне компанию в предстоящем путешествии, что было как нельзя кстати, так как мой муж воображал, что я собираюсь в горы, чтобы развлекаться там с любовником! Ага, развлекаться!

Кто был в горах, знает, что тяжёлые физические нагрузки, которые испытывает альпинист, отбивают всякое желание развлекаться с противоположным полом. На это просто нет сил. Но моему мужу говорить об этом было бесполезно. Мнимые тайные любовники чудились ему повсюду. И лишь наличие замужней подруги с безупречной репутацией могло слегка притупить бешеную ревность моего мужа.

В общем, всё сложилось.

К тому же тот год был последним, когда нам на работе оплачивали дорогу к месту проведения отпуска и обратно. Так что по факту я потратила на эту поездку лишь пятьдесят тысяч рублей своих денег, а ещё пятьдесят тысяч рублей, потраченных на авиабилеты, мне компенсировали на работе.

– Мама! Эта поездка обошлась мне в пятьдесят тысяч рублей! – твёрдым голосом сообщила я ей. – Вся поездка стоила сто тысяч рублей, но пятьдесят тысяч рублей мне вернули, потому что тогда у нас ещё оплачивали дорогу во время отпуска. И если ты полагаешь, что на пятьдесят тысяч рублей я могла купить себе квартиру в Москве или где-нибудь ещё в нашей стране, то можешь продолжать считать, что я упустила свой шанс обзавестись собственным жильём! Даже десять лет назад на эти деньги ничего нельзя было купить! В то время метр в Москве стоил как минимум в три раза больше! Прежде чем упрекать меня, хотя бы спросила, сколько я потратила и на что!

После этих слов мать насупилась.

– Неужели так мало? – недоверчиво спросила она.

– Да! – ответила я. – Думаешь, муж позволил бы мне потратить больше? Я потому и не рассказывала вам об этой поездке, потому что знала, что вы будете осуждать меня! Ведь по вашему убеждению, было бы лучше, если бы я позволила мужу пропить эти деньги! Вот только я так не считаю! Это была моя премия! Даже не зарплата! И раз в жизни я могу потратить свою премию на себя! И если ты и остальные род-

ственники с этим не согласны, то это ваши проблемы! Я же не проверяю, куда вы тратите свои деньги! Так почему вы все считаете, что можете лазить у меня по карманам и пересчитывать мои деньги?

Мать продолжала недоверчиво смотреть на меня, словно не верила. Уж и не знаю, как она узнала про эту поездку, наверное, мой муж, когда ещё был жив, где-то проболтался, хотя и я просила его не говорить родственникам, так как знала, какой будет их реакция. Ведь все они, как и мой муж, считают, что единственным достойным развлечением для замужней женщины является прогулка на детской площадке. Всё остальное является непозволительным поведением, позорящим репутацию. Именно поэтому я молчала о своей поездке на Килиманджаро. О ней знали лишь мои коллеги, которые сами всё время путешествуют по миру, и близкие друзья. И мне стало так противно от того, что мать вообще не способна порадоваться за меня, и каждое моё путешествие или любой другой светлый эпизод в жизни становится для неё лишь поводом для упрёков. Но хуже этого было то, что она в своём гневе пыталась бросить тень на одно из самых лучших моих воспоминаний. И я постаралась переменить тему, пока мать окончательно не вывела меня из себя своими необоснованными обвинениями. Чтобы отвлечься, я подошла к старому бабушкиному серванту, в котором, кроме посуды советских времён, стояли различные фотоснимки.

В основном это были фотоснимки Линкиных детей. И

особое моё внимание привлёк Костя – третий ребёнок Линки.

Она не хотела его рожать, но её муж так мечтал иметь своего сына, что ей пришлось на это пойти. Муж Линки успокоился и обрадовался. Однако с возрастом, когда Костя стал подрастать, то его внешность стала привлекать к себе внимание всей родни, потому что он не был похож ни на Линку, ни на её мужа, ни на кого бы то ни было ещё из родственников. У него был абсолютно другой типаж.

Вся моя родня, как по отцовской, так и по материнской линии, – практически альбиносы. Худощавые, бледнокожие, светлорусые, узколицы. У Линкиного мужа точно такой же типаж. Что, собственно, неудивительно, ведь он родом из тех же мест, что и мои родители. Костя же совсем другой. Широколицый, смуглый, темноволосый. Да и черты его лица вообще ни на кого из родни не похожи. Но так не бывает!

Разумеется, ребёнок не обязан быть похожим на своих родителей. Он может быть похож на одну из бабок, на деда, на тётю, на дядю или хотя бы на своих собственных братьев и сестёр. Но первая мысль, которая приходит при взгляде на Костю, – это чужой ребёнок!

Моя дочь, которая уже бывала в деревне и видела Костю живую, ещё раньше говорила мне, что по нему не скажешь, что он наш родственник. Причём все это замечают.

Логичным было бы предположить, что Линка родила его не от мужа, но она такая ленивица, что вряд ли будет искать

себе любовника, который станет отцом её ребёнка, которого она и не собиралась рожать. К тому же она ни с кем не общается, кроме членов своей семьи, дружить не умеет, а к тому времени, когда был зачат Костя, она уже четыре года как не работала. Поэтому факт измены с её стороны маловероятен. И тогда я подумала о том, что возможно, Костю подменили в роддоме, либо Линка сама договорилась с кем-нибудь поменяться младенцами, так как знала, что её муж не остановится, пока не получит сына. Ведь ошибки в неправильной регистрации ребёнка в роддомах и в самом деле случаются! В Интернете можно найти кучу историй, когда родители чисто случайно узнавали о том, что воспитывают не своего ребёнка, и только спустя годы, а порой десятилетия, находили родных детей. И тут дело не в каком-нибудь злом умысле или выгоде, а в том, что когда одновременно рождает несколько женщин, у медицинского персонала голова идёт кругом, и все мысли лишь о том, чтобы никто из рожениц или новорождённых не умер, а регистрация младенцев уходит на второй план и происходит спустя некоторое время после родов. И тут возможны ошибки, особенно если одновременно родилось два младенца одного пола и одного веса.

Всё бывает, и человеческий фактор никогда нельзя исключать!

И я решила озвучить эту версию. Но когда мать услышала этот вопрос, то беззаботно рассмеялась.

– Костя наш, не сомневайся!

– Но почему ты в этом так уверена? – тут же спросила я её. – Он же ни на кого непохож! Может, стоит всё-таки проверить? К примеру, провести тест на ДНК, чтобы убедиться, что в роддоме не произошло никакой ошибки!

– В этом нет нужды! Можешь поверить мне: Костя точно наш! – без малейшей тени сомнения ответила мне мать.

Но почему она была так в этом уверена?

Вот если бы моя дочь привезла из роддома младенца, не имеющего ни малейшего сходства ни с ней, ни с её мужем, я бы первая принялась выяснять, в чём тут дело! Даже провела бы тест на ДНК, чтобы убедиться, что её родной ребёнок не живёт сейчас в другой семье, потому что его по ошибке неправильно записали после рождения!

В общем, мой вопрос так и остался без ответа. На следующий день я уехала, но принялась регулярно звонить матери. Я интересовалась её самочувствием и делами и иногда, время от времени, спрашивала, не ходили ли они с Линой к нотариусу. И каждый раз слышала один и тот же ответ:

– Нет, не ходили! Линулинка так занята, что ей совершенно некогда никуда ходить!

Интересно, чем только она так занята? Ведь, по словам матери, детьми она совершенно не занимается, даже на родительские собрания ходит её муж, да и домашними делами Линка отродясь никогда не занималась. Мол, не барское это дело! Тем более что сейчас у неё есть подросшая дочь, которая вполне может и за братом приглядеть и кое-какую рабо-

ту по дому сделать.

Но я всё-таки юрист, и даже не работая по специальности, продолжаю отслеживать изменения в законодательстве и изучать судебную практику. Это уже привычка, выработанная десятилетиями. И вот однажды наткнулась я на интересное судебное решение, которым истцу было отказано в восстановлении сроков на принятие наследства по закону в связи с тем, что родственники намеренно его обманули по поводу наличия наследства и его прав на это наследство. Суд постановил, что шестимесячный срок является пресекательным, и если наследник не заявил о своих правах на наследство в этот период, то наследство делится между теми наследниками, которые обратились к нотариусу вовремя. Исключение остаётся лишь для несовершеннолетних наследников, а также для тех, у кого не было физической возможности заявить о своих правах (находился за границей, был в коме или в тюрьме и пр.). А для всех остальных существует сайт, где ведётся реестр наследственных дел, и там можно найти всю интересующую информацию. Также в решении была указана ссылка на этот сайт.

Увидев эту ссылку, во мне проснулся профессиональный интерес, и я решила проверить, как работает этот сайт и зашла на него. Вбила данные отца и нажала на поиск. И пока страница грузилась, я была уверена в том, что сейчас мне высветится фраза «поиск не дал результатов», но к моему величайшему изумлению, ответ был другим.

Оказалось, что наследственное дело уже открыто, причём практически сразу же после папиной смерти. Ого! Я не поверила своим глазам. Ведь получается, что когда я навещала мать в деревне, она уже знала, что Лина ходила к нотариусу, а возможно, они ходили к нему вместе, и она точно знала, есть завещание или нет. Так почему же она сразу мне об этом не сказала? Ведь если завещание есть, то я могу спокойно отправляться в дальние края курить бамбук, потому что мне там ничего не светит. А если завещания нет, что более вероятно, то почему бы сразу не сообщить мне об этом и всё решить? Ведь я и в самом деле не заинтересована в получении доли рязанской квартиры! Зачем мне принимать наследство, платить налог за его принятие, а затем налог на недвижимость, которой я не буду пользоваться, когда можно сразу получить выкуп за отказ от своих прав и радостно тратить полученные деньги?

У меня была куча вопросов и никаких ответов, и когда я в очередной раз позвонила матери и спросила, не ходили ли они с Линой к нотариусу, то услышала дежурный ответ:

– Нет, не ходили! У Линулинки было столько дел!

И мне стало очевидно, что мать снова врёт. Но зачем?

По своей всегдашней наивности я подумала, что, наверное, Лина собирает деньги для выкупа. Откладывает потихоньку с зарплаты мужа или продаёт один из своих земельных участков, чтобы рассчитаться со мной. И поэтому они с мамой молчат, чтобы я не потребовала свои деньги раньше

времени.

Успокоив себя этой мыслью, я решила подыграть матери и не говорить о том, что выяснила. Несколько месяцев мы играли в эту игру, и в телефонных разговорах я слушала очередную ложь про невероятную занятость Лины и объективную невозможность посетить нотариуса. Но когда до истечения шестимесячного срока оставалось меньше месяца, а мать продолжала петь старую песню, я решила сама позвонить нотариусу и узнать, в чём там дело. Почему меня никто не оповещает? И то, что я услышала, повергло меня в очередной шок, потому что нотариус заявила мне, что мои мать и сестра сообщили ей, что не имеют обо мне никаких сведений уже десять лет, не знают, жива ли я или мертва, и соответственно не имеют никаких контактов со мной. Именно поэтому никто не пытался меня разыскать или связаться со мной.

Во как!

То есть мать и сестра и не собирались у меня ничего выкупать! Они лишь тянули время, чтобы истёк шестимесячный срок, и потом я не смогла предъявить к ним никаких претензий!

Как же мне было обидно!

Я плакала. Сердце разрывалось от боли. Я не могла спать, не могла есть. Я и дышала-то с трудом.

Разумеется, по телефону я сообщила нотариусу, что жива и здорова и понятия не имею о том, почему мать и сестра со-

общили обо мне такое. Потом я записалась на приём на последний день истекающего срока. Я всё ещё ждала, что мать или сестра позвонят мне с предложением выкупа моей доли наследства. Я всё ещё надеялась, что произошло какое-то недопонимание, ошибка в оформлении наследственного дела, и данные обо мне просто затерялись или были случайно стёрты нерадивым сотрудником нотариальной конторы. Но мне никто не звонил, а на мои звонки и вопросы мать продолжала утверждать, что они с Линой всё ещё не успели сходить к нотариусу.

И вот накануне того дня, когда мне нужно было ехать на приём к нотариусу, я снова позвонила матери. Я решила поговорить начистоту.

– Мама, я знаю, что вы с Линой ходили к нотариусу по поводу папиного наследства. Так как всё это время вы морочили мне голову, я сама позвонила нотариусу и записалась на приём. Завтра я должна ехать. Но я всё ещё готова отказаться от своей части наследства, если вы заплатите мне выкуп. Давай завтра встретимся у нотариуса, вы передадите мне деньги, а я напишу отказ.

– Да, Линулинка ходила к нотариусу, – не стала отпираться мать. – Но мы тебе ничего не говорили, потому что нашлось папино завещание, где он всё оставляет Линулинке. Поэтому не вздумай приезжать! Тебе всё равно ничего не причитается! Нечего тебе здесь делать! Только зря деньги на дорогу потратишь! Ты и так в жизни кучу глупостей натво-

рила, так не делай их ещё больше! Здесь ты никому не нужна! Никто тебя не ждёт! Так что больше в Рязань не приезжай! Забудь о нас!

После этих слов я разрыдалась прямо в трубку. Кое-как завершив разговор, я продолжала плакать. Меня трясло от обиды. Сын, который был в тот момент дома, попытался утешить меня и даже уговорил пойти погулять, чтобы я могла развеяться. А мне было так больно, что я даже не могла нормально говорить.

Признаться, я снова поверила матери. Подумала, что реально нашлось завещание, в котором меня нет. Только почему нотариус мне об этом не сказала, а вместо этого предложила приехать на приём с полным пакетом документов? Зачем, если мне всё равно ничего не положено?

Но одновременно с обидой и болью я ощутила и облегчение от того, что всё кончено. Теперь я могу официально перестать общаться с матерью и сестрой, потому что меня послали открытым текстом. Мне прямо заявили, что я никому из них не нужна и чтобы я не вздумала больше приезжать. Так зачем же навязываться? Насильно мил не будешь. Теперь я могу жить дальше, вычеркнув мать и сестру из своей жизни, как они вычеркнули меня. И как не больно это осознавать, за такую свободу стоило заплатить.

Однако моя дочь, которой я передала этот разговор, не разделяла моей точки зрения.

– Мама, ты должна съездить к нотариусу! Должна сама вы-

яснить, есть завещание или нет. Знаешь ведь, как нам нужны сейчас деньги! Даже небольшая сумма! Сама же говорила, что тебе нужно коронки на зубах менять! А где взять на это деньги? Я уже не говорю о других тратах! И если ты можешь немного заработать, продав свою часть наследства, то нельзя от этого отказываться!

Да, дочь была права. Наша финансовая ситуация была просто катастрофической. За последние месяцы я сдала в ломбард почти все свои украшения, так как порой у нас не хватало денег даже на еду. Да и с зубами у меня была беда. Протезирование в нашей стране, к сожалению, не входит в полис ОМС, а стоит недешёво. Так что передо мной маячила реальная перспектива ходить с беззубым ртом, потому что денег на стоматолога не было. И я ещё молчу о проблемах с сердцем.

За последний год моё самочувствие настолько ухудшилось, что порой я даже бывала не в состоянии дойти до магазина. А ведь я не такая старая! Благодаря новой пенсионной реформе, до пенсии мне теперь далеко, и как дальше жить, я просто не представляю. И небольшое финансовое вложение в своё здоровье мне бы очень сейчас пригодилось. К тому же сын сказал мне одну вещь.

– Мама, судя по твоим рассказам, бабушка и тётя так к тебе относятся, что если бы и в самом деле было завещание, в котором тебя нет, то они сразу бы сказали тебе об этом. На, мол, выкуси! Они не стали бы щадить тебя, а наоборот,

поспешили бы сообщить плохие новости в первую очередь. К тому же, по твоим словам, они обе страшные вруньи. Так почему же сейчас ты решила им поверить?

Да, сын тоже был прав. В каких бы расстроенных чувствах я не была, голова у меня соображала. Если бы нашлось завещание в пользу Лины, мать не стала бы этого скрывать и тянуть время. Она бы вывалила эту новость на меня ещё тогда, в деревне, когда я приезжала, чтобы навестить могилу отца. Ведь ей же хватило наглости и бестактности сообщить мне о болезни отца рано утром в день рождения! Ждала ведь несколько месяцев, чтобы побольнее ударить! Так почему сейчас она должна поступить иначе?

В итоге, приняв корвалол и взяв с собой все необходимые документы, я поехала в Рязань к нотариусу.

Поскольку время для приёма мне было назначено позднее, я решила переночевать в Рязани у двоюродной сестры. К родной сестре меня уже давно не пускали, поэтому и просить было бесполезно.

Нотариус подтвердила то, о чём мои дети говорили: завещания нет, а наследство есть – та самая трёхкомнатная квартира, которая получена в результате обмена на подмосковную. По счастью, папа оформил её на себя, наверное, так было проще совершить сделку, и в дальнейшем она так и оставалась в его единоличной собственности. Мама и Линка были там только прописаны. И так как выкупать мою долю у меня никто не собирался, то я написала заявление на приня-

тие наследства, а затем поехала к двоюродной сестре.

Там я чуть-чуть поплакалась, поведав горькую историю того, как родная мать и сестра решили меня кинуть, добавив, что раз со мной так обошлись, то теперь я буду продавать свою долю по рыночной цене. Тем более что мне и так пришлось влезть в долги, чтобы оплатить услуги нотариуса и государственные пошлины, включая поездки в Рязань, которые я уже совершила и которые мне ещё предстояло сделать.

Я специально рассказала об этом двоюродной сестре и её матери, моей тёте, чтобы по родне пошёл слух о неправомерных действиях моей матери и сестры, а заодно чтобы открыто заявить о своих намерениях продать свою недвижимость. Я была уверена, что вскорости мать или сестра свяжутся со мной, чтобы предложить свои условия, потому что звонить им сама я не хотела. Хватит выслушивать очередную ложь! Пусть поступают как деловые люди, если как родственники дел они со мной иметь не желают!

Но ответом мне была тишина. Мне никто не звонил и не писал. А мне пришлось ещё пару раз съездить в Рязань, чтобы получить все необходимые документы на причитающееся наследство.

А потом был мой день рождения. Я была абсолютно уверена в том, что хотя бы в этот день мама или Линка со мной свяжутся, хотя бы для того, чтобы наговорить гадостей и испортить настроение, как это они любят делать. Но мне никто не позвонил. Я не получила даже смайлика, который бы

подтвердил, что обо мне помнят.

Я прождала ещё неделю, пока не стало очевидно, что выходить со мной на связь никто не собирается. Пришлось снова проявлять инициативу, и я отправила СМС-сообщение сестре, где предложила ей и маме выкупить мою долю. Я знала, что они ежедневно общаются и всё обсуждают, так что дублировать сообщение не было смысла, тем более что мать, как и многие женщины её возраста, порой забывала зарядить телефон или подолгу не могла его найти.

Отправив сообщение, я ждала гневного звонка в ответ или сообщения с нецензурной бранью. Но ответом мне снова была тишина.

Через неделю я отправила Линке и матери заказное письмо с уведомлением, где снова предложила выкупить мою долю. И после этого они начали действовать.

Я ждала звонка матери, где она со слезами стала бы укорять меня, плакаться на тяжёлую жизнь и просить одуматься. И я готова была пойти на компромисс. Назначить разумную цену, пойти на рассрочку. Но она позвонила не мне, а моей дочери, где ругала меня последними словами, заявив, что я сошла с ума и чтобы моя дочь как-то поспособствовала ситуации, вправив мне мозги.

Нормально так! Бабушка звонит внучке, чтобы полить грязью её мать и надеется тем самым улучшить отношения. Где логика?

Лучше бы дочь не передавала мне этот разговор! У меня

снова разболелось сердце, и я несколько дней не могла подняться с постели. Но потом было хуже, потому что женщина, родившая меня, со своей любимой дочерью отправились к папиной сестре, тётке Зине, которая в тот момент отдыхала в деревне в доме моего дедушки, и попросили её передать мне следующий ультиматум.

Если я не подарю им свою долю, то первое, что они сделают, так это свяжутся с моей свекровью и помогут ей выписать меня из московской квартиры, дав в суде любые ложные показания, которые потребуются, даже поклянутся, что лично видели того богатого мужика, у которого я якобы живу уже несколько лет.

Второе. Мать подаст на взыскание с меня алиментов. Ведь я же в Москве загребаю огромные деньги! Должна же я делиться с родной матерью, которая еле существует на скромную пенсию! И тот факт, что в настоящее время я не работаю из-за проблем со здоровьем, ими в расчёт не принимается, потому что они уверены, что я вру. Разумеется, ведь каждый судит по себе!

И третье. Они отправятся в органы опеки и попечительства, где заявят, что я веду разгульный образ жизни, путаюсь с разными мужиками, не имею своего жилья (однако чтобы меня выписать, они собираются в суде утверждать совсем обратное!), не занимаюсь своим несовершеннолетним сыном, а посему потребуют лишить меня родительских прав и привлечь к ответственности как нерадивую мать.

Та-дам!

Вот такие угрозы! И хотя умом я понимала, что их действия вряд ли смогут мне сильно навредить, так как все их намерения не так-то легко осуществить, учитывая, сколько документов им придётся собрать и сколько поездок совершить, но нервы они могут попортить мне изрядно!

И я попыталась объяснить тётё Зине, которая передавала мне все эти требования, что в этой ситуации не они, а я – потерпевшая сторона. Не я, а они не хотят идти на компромисс, и вообще, это они меня кинули, а не я их, но тётя сказала мне следующее:

– Твоя мать сказала, что они с Линой с самого начала готовы были выкупить твою долю, но ты пряталась от них, не отвечала на звонки и сообщения, а потом тайком оформила наследство и теперь отказываешься продавать. А ведь в этой квартире живут Линыны дети! Ты хочешь, чтобы они оказались на улице?

– Ну, во-первых, не я, а они от меня прятались и не отвечали на звонки и сообщения. Мне даже пришлось отправить им заказное письмо, потому что они отказывались со мной общаться, – принялась я оправдываться. – Они приписывают мои действия себе, а мне – свои! А, во-вторых, никто Линкиных детей на улицу не выгоняет. Они как жили в этой квартире, так и дальше будут жить. На них это никак не скажется. И я уже молчу о том, что у Линки есть вторая квартира, которую она сдаёт. Так что при любом раскладе без жилья

ни она, ни её дети не останутся!

– Я не знаю, кто из вас врёт, а кто говорит правду, но ты должна поговорить с матерью! Позвони ей! Попроси прощения! И вместе решайте вопрос, как поступить с этой квартирой! – не поверила мне тётя. Видимо, женщина, родившая меня, конкретно накапала ей на мозги.

Ну почему все верят гадостям про меня? Ведь я всегда жила честно и правильно! Ни одного постыдного поступка! Но всё равно находятся те, кто готов облить меня грязью, и все вокруг тотчас начинают показывать на меня пальцем и стыдить, как будто я в чём-то виновата! В чём? Скажите! В том, что веду слишком праведную жизнь и во всём поступаю честно и по совести? Наверное, в этом! Наверное, безупречная репутация наказуема! Наверное, стоит опустить себя до скотского уровня и тогда я сразу же стану своей в доску! Наверное, это единственный способ сделаться всеобщей любимицей!

– Повторяю, – медленно проговорила я, стараясь сохранить остатки самообладания, – это не я, а они не отвечают на мои звонки и сообщения! Какой смысл мне снова им звонить или писать, если всё равно никто не ответит!

– Но она твоя мать! – продолжала настаивать тётя Зина. – Это ты, а не она, должна сделать первый шаг навстречу! Ты должна проявить терпение! Если тебе не ответят один раз, звони снова! Ещё и ещё раз! А когда мать возьмёт трубку, сразу же помирись с ней! Попроси прощения! Тогда она точ-

но захочет с тобой поговорить!

– А за что мне просить прощения? – не выдержала я. – За то, что не позволила обмануть себя?

– Твоя мать говорит другое! – не желала тётя Зина понимать меня.

– Она врёт! И Линка врёт! Они всю жизнь врут! И я не пойму, почему им до сих пор все верят?

– Света, так нельзя! Нельзя так говорить о матери и сестре! – возмутилась тётя.

– Но им же можно! – парировала я. – Им можно обливать меня грязью и обвинять во лжи!

– Ох! – вздохнула тётя, поняв, что я не собираюсь следовать её советам. – Если уж ты не хочешь сама звонить матери, давай я с ней поговорю. Но лучше было бы вам встретиться и всё прояснить. Да хоть у меня! Приезжай ко мне! А твою мать и Лину я тоже приглашу. Вместе сядете и поговорите! На такое хоть ты согласна?

– Согласна, – скрипя сердце ответила я.

Я совершенно не горела желанием видеть ни мать, ни сестру, но, к сожалению, они имели право преимущественной покупки моей доли. Поэтому в любом случае следовало сначала попытаться договориться с ними.

– Вот и ладно! – обрадовавшись, ответила тётя Зина. – Сейчас пойду к твоей матери и передам ей, что ты готова встретиться и всё обсудить.

На этом наш разговор закончился, а я отправилась пить

корвалол, потому что от этих новостей меня всю трясло. Но едва лекарство стало действовать, как мой телефон снова зазвонил. Это вновь была тётя.

– Была я у твоей матери, – грустным голосом сообщила она. – Разговаривала и с ней и с Линой. Они отказываются с тобой встречаться и не собираются тебе звонить. Они говорят, что пока ты не отдашь им свою долю, никаких разговоров они вести с тобой не будут. Максимальная сумма, которую они готовы тебе дать, это сто пятьдесят тысяч. Больше у них нет.

– Да есть! – воскликнула я. – К тому же у них обеих есть что продать!

– Как ты можешь так поступать с матерью и сестрой? – вновь принялась заступаться за них тётя Зина.

– А как я поступаю? Требую своё? Эта доля стоит в десять раз больше! А они кидают мне подачку, лишь бы я отстала! Если бы они сразу предложили мне эти деньги, без угроз и ультиматумов, я бы согласилась, но сейчас я просто не могу на это пойти, потому что как только я возьму у них эти деньги, мать сразу же подаст на алименты и через суд заберёт у меня эту сумму! Тогда у неё точно будет шанс выиграть! Поэтому мне нужен финансовый запас на тот случай, если она подаст на алименты, чтобы мне было из чего их платить!

– Света! – укоризненно обратилась ко мне тётя Зина. – Ну почему ты не хочешь всё решить по-хорошему?

– Очень хочу! – тут же ответила я. – Вы же сами видите,

что не я отказываюсь встречаться! Не я угрожаю матери и сестре! Наоборот! Я обеими руками за мир! Но меня никто не слышит!

– Ты должна поговорить с матерью! – не желала принять мою сторону тётя.

Мы ещё долго с ней говорили, но создавалось впечатление, что тётя Зина не хотела меня слышать, и я никак не могла донести до неё истину. Но после этого разговора я поняла, что должна подготовиться к отражению тех угроз, которые высказали в мой адрес сестра и мать.

Если дойдёт до суда, я должна доказать, что моя мать не исполняла надлежащим образом свои родительские обязанности, да и вообще она пришла в суд не потому, что еле сводит концы с концами, а для того чтобы навредить мне, потому что знает, что я живу гораздо беднее её и в сотню раз беднее её любимой доченьки. И я принялась разыскивать старых знакомых и собирать документы, которые бы подтвердили, что я жила впроголодь, одевалась как нищая, что меня не лечили, когда я болела, и что меня незаконно выписали из подмосковной квартиры. И хотя, по нашему законодательству, все эти факты, подтверждённые свидетельскими показаниями и документами, всё равно не станут основанием для освобождения меня от алиментных обязательств в отношении матери, это позволит уменьшить размер взыскиваемой суммы. Но в ходе своих поисков я такое узнала, что долго не могла поверить! Настолько не могла, что поделилась

этой новостью со своей взрослой дочерью, чтобы услышать её мнение. Я даже допускала мысль, что она не поверит мне и, как все родственники, обвинит в сумасшествии и наговоре на мать, но дочь сказала мне в ответ лишь одну фразу:

– Это всё объясняет!

Да, это действительно всё объясняло. И как я раньше сама до этого не додумалась? А оказалось всё вот как.

Все мои друзья и знакомые знали, что родители ко мне плохо относятся, и первой же версией, которую предлагали мне, чтобы объяснить причину этого, была та, что мать родила меня от другого, и таким образом я напоминаю ей о её позоре, равно как и отцу, и потому они всячески стараются прогнать меня с глаз долой. Но я уже разбирала этот вопрос, и знаю, что я рождена матерью от законного мужа, в этом нет никаких сомнений. Но я не допускала мысли, что нагулянным ребёнком у моей матери может быть кто-то другой.

Разговаривая с людьми, которые знали моих родителей в молодости, я узнала, что в то время, когда моя мать сидела в декрете со мной, папа ей изменял.

Это меня очень удивило, потому что мать никогда не упускала случая выказать себя героиней, если для этого имелся хотя бы малейший повод. И одним из поводов для гордости у матери был тот факт, что она терпела мужа и не разводилась с ним, когда в молодости он злоупотреблял спиртным. Она рассказывала мне об этом, наверное, сотню раз и даже не забыла об этом вспомнить в тот день, когда мы ходили к отцу

на кладбище. Мол, вот каким был её муж, и сколько усилий ей потребовалось, чтобы пройти через это.

Упрекала мать отца и в том, что он слишком помогает своим сёстрам. Как только у кого-то из них ломался кран или нужно было установить новый телефон, он всё бросал и мчался к ним на помощь. К слову, ко мне он так не ездил. Приходилось вызывать мастеров из ЖЭКа и платить за их услуги.

Упрекала его за то, что он некрасивый. Хотя, на мой взгляд, у отца была настоящая мужская внешность с крупными чертами лица. А с годами он вообще стал очень хорошо выглядеть, гораздо моложе своих лет.

В общем, любые недостатки отца мать выставляла напоказ, завершая свои высказывания тем, что, мол, вот она с кем живёт и как тяжело ей приходится.

Но она никогда, ни единым словом, ни намёком не обмолвилась о том, что отец ей изменял, хотя именно этот факт был бы реальным поводом для того, чтобы вызвать к себе уважение. Ведь не каждая жена может простить измены мужа! Особенно в молодости! И если до конца его дней она не могла простить и менее неблагоприятные поступки, то как же она с такой лёгкостью простила и забыла то, что действительно достойно порицания?

Да никак!

Она ничего не простила и не забыла, потому что отомстила ему. Отомстила по полной программе.

Она всегда была злопамятной и мстительной, я знала это.

На моей памяти было слишком много случаев, когда моя мать мстила за малейший косо́й взгляд в её сторону, отказываясь прощать или хотя бы относиться снисходительно к тому, кто случайно задел её.

Например, в начале девяностых, когда с прилавков магазинов резко начали исчезать продукты, да и остальные товары, а цены принялись ползти вверх, народ начал закупаться, чтобы спешно потратить все имеющиеся накопления, пока они окончательно не обесценились.

А мой папа в те годы некоторое время подрабатывал грузчиком в продуктовом магазине, и мы не только сами стали лучше питаться, но и помогали закупаться нашим многочисленным родственникам, особенно деревенским.

И вот одна из сестёр матери, тётя Клава, прислала нам письмо, предупреждая о своём приезде, и попросила заранее приготовить продукты, которые они с мужем на машине могли бы забрать. Перечень был неслабый: мешок муки, мешок сахара и всё в этом духе. Причём дополнила свою просьбу тётя Клава такой фразой (как сейчас помню): «Ты же знаешь, у меня теперь большая семья. Всех нужно кормить! А они у меня любят поесть блинчики».

В тот год одна из дочерей тёти Клавы вышла замуж, и у них ожидалось пополнение в семействе.

Но беда была в том, что к тому времени отец уже уволил-

ся из магазина, и соответственно, выполнить просьбу тёти Клавы мы не могли. И мать написала это сестре в ответном письме. Но тётя Клава продолжала настаивать, аргументируя свою просьбу тем, что мы, наверняка, успели сделать запас продуктов, и теперь могли бы поделиться с родственниками.

Собственно, так оно и было. Папа, действительно, отоварился по полной, и в нашей кладовой был изрядный запас продуктов, но время было тяжёлое, и никто не знал, что будет дальше, поэтому делиться своим добром нужно было с оглядкой.

Но моя мать никогда не отличалась склонностью к дипломатии, поэтому прямо написала сестре, что у неё самой есть семья и дети, которых нужно кормить. А поскольку у них есть деньги (семья тёти Клавы и в самом деле была самой богатой в нашей родне), то пусть идут в магазин и сами всё покупают.

На это письмо ответа не последовало, а через некоторое время моя мать узнала от бабушки, то есть от своей матери, что тётя Клава, получив письмо сестры с отказом поделиться продуктами, разорвала это письмо и выкинула.

А моя бабушка была добрейшей души человеком. Она не могла видеть, когда кто-то из её детей или внуков грустит или ссорится между собой. Она старалась всех помирить и сама выступала в качестве миротворца. Поэтому она попросила свою младшую дочь, то мою мать, помириться с сестрой. Но та лишь затаила обиду. В отместку она разорвала все

письма тёти Клавы, которые у нас были, и много лет не общалась с сестрой. До смерти бабушки она специально игнорировала тётю Клаву и всегда отзывалась о ней крайне дурно. Но потом, когда пришлось делить бабушкин дом (к тому времени, кажется, прошло лет семнадцать), они вновь начали общаться.

Но это было не всё.

С этим домом тоже была изрядная нервогрёпка.

Шестеро детей и, соответственно, шесть долей.

И вот однажды тёте Клаве понадобились деньги. Её старшая дочь попала в какой-то переплёт, и, чтобы выручить её, тётя Клава принялась продавать всё, что могла продать. В том числе и свою долю в бабушкином доме.

И, как и положено по закону, в первую очередь она обратилась с этим предложением к моим родителям. И назвала цену: двести пятьдесят тысяч рублей. Притом что рыночная стоимость этой доли в то время была приблизительно на сто тысяч меньше. Но тётя Клава сказала, что ей нужно именно двести пятьдесят тысяч, и если мои родители не смогут заплатить эту сумму, то она с удовольствием продаст свою долю тому, у кого есть эти деньги. И дан был месяц сроку.

Мои родители ругались и бесились, поносили тётю Клаву на чём свет стоит, но принялись собирать эти деньги, так как тётя Клава была не из тех, кто бросает слова на ветер. В итоге даже мне пришлось помочь родителям, дав им сорок тысяч, которых им не хватало до нужной суммы.

Женщина, родившая меня, расплатилась с тётёй Клавой, и вновь перестала с ней общаться, упоминая при каждом удобном случае, как подло она с ней поступила, и распуская про свою сестру всякие нелестные слухи.

А уж какие слухи распускала моя мать про тётю Зину, папину сестру, когда узнала, что дед, её отец, написал завещание, по которому часть его дома переходила к Маше, дочери тётки Зины, потому что та ухаживала за дедом в последние годы его жизни. Моя мать третиговала тётю Зину так, что та попала в больницу с микроинсультом!

В итоге, когда Маша позвонила мне и спросила, что с моей матерью не так, и почему она всё время третирует её мать, я честно рассказала, что, к моему величайшему сожалению, моя мать – очень корыстная женщина, и считает, что золовка должна поделиться с ней деньгами, полученными от своего отца.

И Маша принялась убеждать меня, что никаких денег нет, а что касается финансовой помощи моей матери, как недавно овдовевшей женщине, так ей уже помогли. Все братья и сёстры со стороны отца дали ей достаточно денег не только для того, чтобы компенсировать затраты на похороны, но и чтобы ей хватило на первое время.

К слову, мне мать сказала, что все папины братья и сёстры дали ей в общей сложности тысячи две-три. Мол, именно поэтому она считает, что тётя Зина, которая, между прочим, не приехала на похороны (как оказалось, она лежала в боль-

нице, но мою мать такие мелочи, естественно, не заботят), должна ей денег.

В ответ на это Маша ответила мне, что лично дала моей матери пятнадцать тысяч, и видела, как остальные дяди и тётки по папиной линии давали ей не меньше, чем по десять тысяч каждый. То есть перепутать стопку пятитысячных купюр с парой-тройкой тысячных как-то сложно.

Но всё же речь шла о женщине, родившей меня, и потому я сказала двоюродной сестре, что, возможно, моя мать пребывала в шоке и кое-что перепутала. Но, скажу честно, когда мне пришлось хоронить мужа, я прекрасно помню, кто и сколько дал мне денег. Наверное потому, что их было слишком мало, и почти все заявили на поминки, чтобы поесть на халяву. И если бы у меня в кармане внезапно появились пятьдесят тысяч рублей, я бы это запомнила! Так что я уверена, что моя мать в очередной раз врёт, чтобы выставить себя бедной и несчастной вдовушкой, которую все кругом обижают, и раскрутить на деньги всех, кого можно, включая собственную дочь, которая сама копейки считает и носит заштопанные носки, так как нет денег на новые.

Но даже после всего этого отцовская родня продолжает верить моей матери, а не мне.

Так, тётя Зина, которая, казалось бы, первая должна была в штыки воспринимать наговоры и крокодильи слёзы моей матери, неустанно твердит мне, что моя мать страдает и очень плохо выглядит, и потому я должна пойти ей на-

встречу, отказаться от своей доли и помириться с сестрой и матерью, потому что первая – многодетная мать, а вторая – несчастная вдова.

Но, во-первых, я тоже несчастная вдова. А во-вторых, Линка – не многодетная мать. Своего первого ребёнка она вышвырнула ещё в школьные годы и с ним не общается, но зато пользуется всеми льготами и преимуществами многодетной матери, включая льготный выход на пенсию, который ей светит уже через несколько лет. Мол, ей уже позвонили из Пенсионного фонда и сообщили, что у неё имеется необходимый стаж, и нужно лишь дождаться достижения пятидесятидвухлетнего возраста.

Узнав это, я была просто в шоке! Ну и законы у нас в стране!

Я подсчитала, и вышло, что Линка в своей жизни работала приблизительно восемь лет, причём за минимальную заработную плату. Но за счёт того, что она родила твоих детей (один из которых вообще не жил с ней и официально проживал в другом регионе с бабушкой и дедушкой, и там ходил в школу), теперь она до конца жизни может курить бамбук и складывать на свой банковский счёт все начисляемые ей пособия! Да и раньше, когда Захар был совсем маленьким, Линка тоже им не занималась. Он был полностью на моих родителях, моя мать даже была членом родительского комитета детского сада Захара и всё для того, чтобы у Линулинки-золотулинки было достаточно времени на личную жизнь.

Более того, моя мать всегда утверждала, что они с папой считают Захара сыном, а не внуком, потому что занимались им с первых дней его жизни.

А ещё мать рассказывала мне, что когда из-за пандемии всех школьников перевели на дистанционное обучение, и Линкиным детям выдали в качестве компенсации продукты, типа гречки, риса и сахара, Линка всё это собрала и отвезла в деревню, со словами: «Мне ничего этого не нужно!»

Когда я услышала это, то сказала матери:

– А мы практически всё лето только и питались этими продуктами!

Как говорится: почувствуйте разницу!

Так вот, возвращаясь к разговору с тётёй Зиной. Про внешний вид женщины, родившей меня, я сказала, что моя мать всегда плохо выглядела, даже в молодости (теперь становится понятно, почему отец изменял ей!). Мне даже было стыдно, что матери моих подруг, которым в моём детстве было уже за сорок, выглядели красивыми и ухоженными женщинами, тогда как моя мать, которой было всего тридцать, выглядела как деревенская бабка. Так что тот факт, что сейчас эта женщина выглядит плохо, отнюдь не показатель того, что ей действительно плохо. Для неё норма – выглядеть так, словно ей плевать на собственную внешность. Но я думаю, ей не плевать. Я думаю, тем самым она пытается наказать членов своей семьи и всех окружающих за то, что они не обращаются с ней должным образом. Не относятся к ней как

к королеве и не осыпают золотом и бриллиантами, не возят на дорогие курорты и не дарят соболиные шубы. Мол, раз вы не покупаете мне дорогую одежду, не оплачиваете салоны красоты и СПА, не возите меня на Мальдивы, так получайте то, что заслужили! Смотрите на меня, и пусть вам будет стыдно за то, что я вынуждена так выглядеть! Это по вашей вине я такая страшная и безобразная! И вы никуда от меня не денетесь, будете, как миленькие, смотреть на меня с утра до ночи и ругать себя за то, что не отдали мне свои последние денежки!

Но тётя Зина, как и другие люди, не позволяют себе это верить. В их чистых душах просто не может зародиться мысль о том, что кто-то другой может так сильно ненавидеть окружающих, включая членов своей семьи, что способен изуродовать сам себя, чтобы вызывать к себе жалость и одновременно пробуждать в других чувство вины.

В общем, мне не удалось переубедить тётю Зину, я же, после разговора с ней, наоборот, укрепилась в уверенности, что во всём права.

Моя мать никогда не упускает случая принизить другого человека, даже самого близкого (за исключением, разумеется, Линулинки-золотулинки), и если ей вдруг становятся известны чьи-то грязные секреты, пусть даже это непроверенные слухи, она не только начнёт их распространять с удвоенной энергией, она ещё и будет бравировать своей праведностью, что, мол, она не такая, и никогда бы так не поступила.

К примеру, случай о том, что однажды в молодости папа напился и уснул на берегу реки, мать повторяла, наверное, сотни раз. После этого он застудил почки, и ей пришлось делать ему уколы.

И как она об этом рассказывала! Ну прямо папа – злодей века, а она – мать Тереза, которая каждый день совершает подвиг самопожертвования, так как осталась жить с мужем, позволившем себе однажды напиться до бесчувствия, и даже лечила его!

Что я могу на это сказать? Я сама восемнадцать лет прожила с мужем-алкоголиком и ни дня не считала себя героиней, и даже всячески старалась скрывать проблемы в своей семье, даже от близких людей. Так что для многих людей факт того, как сильно пил мой муж, стал откровением, и они узнали об этом лишь после его смерти.

К чему я всё это? Да к тому, что факт измены мужа стал бы для моей матери железобетонным аргументом, который она бы упоминала при любом удобном случае, чтобы подчеркнуть масштаб своей жертвенности. Но она ни разу никому об этом ни обмолвилась. Ни словом, ни намёком. Об этом знали единицы, да и те были знакомыми или родственниками папы, и им невыгодно было разносить эту информацию.

Но мне мать точно бы всё рассказала! Она никогда не упускала случая показать своё величие, даже за счёт унижения других. Эту женщину никогда не волновало, что она портит репутацию собственного мужа. Наверное потому, что

она не испытывала никаких тёплых чувств к нему. Тем более, она, и вправду, почему-то именно мне, а не Линке, рассказывала гадости о папе, наверное, понимала, что меня это заденет сильнее, чем её.

Так вот. Если эта женщина ни словом ни намёком не сообщила мне об изменах моего отца, то это может иметь под собой лишь одно объяснение. Она ему отомстила. Причём отомстила с лихвой, подсунув чужого ребёнка. Только в этом случае сладкое чувство мести и совершённой подлости настолько грело бы её изнутри, что не было бы необходимости дополнительно подогревать его, рассказывая всем и каждому истории об изменах мужа. Только тогда она могла бы скрывать тайну мужа, не испытывая при этом мучительного желания возвыситься за его счёт, показав глубину своей жертвенности. Ведь никакой жертвы не было! Была лишь сладкая месть и чувство глубокого удовлетворения от содеянного. А Линка – средство мести обиженной женщины своему неверному мужу!

Оттого ей было приятно холить и лелеять своего нагулянного ребёнка, и мучить ребёнка от мужа, лишая его не только любви отца, но и причитающихся материальных благ, в том числе наследства.

Вот глубина её мести! Вот чувство полного удовлетворения! И если бы не мои знания и опыт юриста, ей бы всё удалось. И даже та доля наследства, которая причиталась мне по закону, отошла бы прижитой от другого мужчины Линулин-

ке-золотулинке! Вот был бы верх злорадства и мести за всё!

Но каким-то образом мне, дочери нелюбимого мужа, удалось помешать её тщательно продуманным планам. И вместо того чтобы принять своё поражение и отступить, как это сделал бы любой здравомыслящий человек, она затеяла новый этап войны, решив использовать для этого самые грязные способы.

Не это ли новое доказательство того, что эта женщина не умеет прощать и не способна смириться с обидой, пусть даже эта обида возникла лишь в её воображении?

По-моему, всё отлично складывается.

Если кто-то думает, что женщина, родившая меня, не говорила мне об изменах моего отца потому, что тема взаимоотношения полов является для неё запретной, и она в принципе не способна вести подобные разговоры ни с кем, даже с взрослой дочерью, то разочарую вас. Как я уже упоминала, когда мне исполнилось тринадцать лет, она впервые в жизни решила со мной заговорить, причем темой своей первой беседы она выбрала тему о вреде абортов. Да, с девочкой-отличницей, помешанной на учёбе и общающейся с такими же отличницами, никакой другой, более подходящей темы для беседы быть просто не могло!

А потом, когда у меня родился сын, эта женщина регулярно допытывалась у меня, точно ли я родила от мужа. Признаться, подобные вопросы меня попросту оскорбляли.

Одно дело, когда их задаёт ревнивый муж или сумасшедшая свекровь, но родная мать! Причём спрашивала она меня очень много раз, видимо надеясь, что однажды получит другой ответ. Не получит! Потому что другого ответа быть не может! В отличие от неё я в принципе не способна на подлость! Однако её это очень волновало, видимо потому, что если бы я и вправду нагуляла своего второго ребёнка, то это послужило бы оправданием и ей тоже. Ведь каждый судит по себе!

Мне не в чем оправдываться перед людьми и перед своей совестью, поэтому я никогда и никому не задаю таких вопросов. А если и узнаю что-то подобное, то это всегда является для меня шоком, а не нормой. Но не все такие, как я.

Между тем, родня, в том числе и со стороны отца, продолжает защищать эту женщину, приводя в качестве аргумента её пожилой возраст. Мол, нужно пожалеть бедную старушку! А я не пойму одного: откуда взялся стереотип, что все старушки априори бедные, милые и безобидные? Как раз наоборот! Вспомните хотя бы «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкина! Какая там была старуха? Бедная и несчастная? Нет, злая, жестокая и жадная!

Подобные сказки есть и у других народов, например, у братьев Гримм про человечка Тимпе-Те. Я уже молчу о сказочных ведьмах и злых мачехах. Кто они? Юные девы с мечтами о прекрасных принцах? Нет! Всё это вредные старухи,

разочарованные в жизни, обозлённые на весь мир и ненавидящие тех, кто рядом. А если изучить статистику преступлений, то многие удивятся, узнав, на какие злодеяния способны старые женщины, и какие извращённые фантазии сидят в их головах! Так что давно уже пора вычеркнуть из наших умов мысль о том, что все старушки – божьи одуванчики, которые души не чают в своих внуках и готовы на любые жертвы ради своих близких. Не все старушки такие! Отнюдь не все! Есть злые, жадные и мстительные, и их не так мало, как многие думают.

Если принять тот факт, что Линка – плод греха, то все несостыковки в поведении женщины, родившей меня, её ненависть ко мне, фанатичная любовь к Линулинке и её старательные попытки настроить отца против меня, стремление переехать в Рязань, ненависть к городу, в котором я родилась, и нежелание возвращаться в него ни при каких обстоятельствах, всё это обретает смысл.

Мать часто повторяла, что жизнь в городе, в котором я родилась, была для неё ошибкой. И если бы ей предоставили второй шанс, она бы никогда туда не поехала. Спрашивается: почему?

Я никогда не могла понять, почему эта женщина так не любит мой родной город. Ведь в нём всё было хорошо! Они с папой сразу же получили жильё! Сначала комнату в коммуналке, а затем и двухкомнатную квартиру. У обеих была

работа по принципу «не бей лежачего», которая к тому же неплохо оплачивалась. Пожаров в нашем городе было очень мало, да и те, которые случались, в основном были небольшими. О детях эта женщина вообще не заботилась. Ясли, детский сад, школа. Всё было на высшем уровне и рядом. Бесплатные путёвки в лагеря, которыми, правда, они пользовались лишь для Линулинки, так как я должна была работать для них в деревне. А хочешь получить земельный участок – только напиши заявление и получай!

Родители моих друзей так и делали. Устраивали себе дачи, а когда, в девяностые, стало туго с деньгами, продавали свои фазенды, чтобы помочь своим детям устроить жизнь. Но мои родители каждый раз отказывались от подобных бесплатных предложений. И раньше я не могла понять причины этого. Ну кто, позвольте спросить, отказывается от бесплатных плюшек?

Мать говорила, что если бы у них была земля, то папа никогда бы из этого города не уехал. Вполне вероятно! Но я не понимала, почему для матери было важно уехать из тех мест, где всё было так хорошо? И важно было заставить мужа уехать вместе с ней. Да потому что рано или поздно её позор бы вскрылся и из тихих перешёптываний стал бы достоянием общественности, и она не могла так рисковать!

Даже тот факт, что эта женщина никогда не отпускала от себя мужа и не позволяла заводить друзей, теперь тоже обретает смысл. Она опасалась, как бы ему про неё чего-нибудь

не рассказали. Ведь всегда кто-то что-то видел, и кто-то что-то знает или догадывается. Папа был общительным человеком и непременно бы выяснил, что жена его обманула. И для этой женщины было важно устранить этот риск.

Сначала она контролировала каждый шаг мужа, не отпуская его никуда одного, и не позволяя ему ни с кем общаться в её отсутствие, а затем, под предлогом возврата к родным корням, уговорила-таки переехать в Рязань.

Что ж, ночная кукушка всегда перекукует дневную.

Называя свою мать ночной кукушкой, я имела в виду лишь тот факт, что все свои интриги и козни против меня она вела по ночам, в постели подговаривая папу наказать меня за тот или иной проступок, возникший лишь в её воспалённом мозгу. Однако я забыла ещё об одной общеизвестной привычке кукушек. Они подкладывают свои яйца в гнёзда другим птицам, выбрасывая их собственных птенцов, чтобы чужие родители могли высидеть и вырастить подброшенных кукушат.

А ведь женщина, родившая меня, поступила точно так же! Подсунула мужу чужого ребёнка, заставив отказаться от его собственного, чтобы подкинутый ребёнок смог вырасти в тепле и довольстве. Я подсознательно назвала эту женщину верным словом, смысл которого в полной мере открылся мне лишь сейчас.

И тот факт, что Линка рождена не от папы, отвечает на самый главный вопрос, с которого и возникли подозрения у

меня и у всей нашей родни: почему младший сын Линки ни на кого не похож? И почему женщина, родившая меня, никогда не сомневалась в том, что Костя нам родной? Да потому что знала точный ответ на этот вопрос! Это ведь только мы думаем, что он не похож ни на кого из родни. А он похож! Да ещё как похож! На родного деда! И вполне вероятно, что мой папа тоже это увидел. И не просто увидел, а узнал того, на кого похож его внук. И всё понял.

Мать говорила, что последний год жизни отец очень изменился по отношению к Линке. Всё время срывался на неё, кричал, обзывал, прямо как на меня раньше. Да и к матери стал хуже относиться. Всё время сбегал от неё и даже пытался наложить на себя руки.

Все списывали это на болезнь, но если причиной такого поведения было то неприятное открытие, которое отец сделал, когда заметил сходство подрастающего внука с другим человеком? С тем, кого он когда-то знал в молодости? И всё понял. Понял, что вся его жизнь была сплошным обманом, признать который ему было слишком стыдно. Ведь, в конце концов, отца убил не рак, а инфаркт, хотя до этого он всегда отличался здоровым сердцем. Но сильнейший стресс, который он испытал, догадавшись о правде, так сильно подорвал его здоровье, что он умер, так и не успев ничего исправить, например, наладив отношения со мной и моими детьми или хотя бы написав завещание, чтобы предотвратить те дразги и склоки, которые сейчас происходят в его семье. И един-

ственное, что он позволял себе, так это срывать на тех женщинах, которых считал виновницами всех бед.

Как сказал мой сын: «Костян спалил всю контору!».

И, разумеется, если Линка рождена от другого мужчины, то становится понятным и тот факт, почему мать всегда так старалась избавиться от меня, потому что если бы я оставалась рядом, отец рано или поздно заметил бы разницу между своими дочерьми. Ведь с годами я всё больше становилась похожей на отца, в то время как с Линкой этого не происходило. И если в её внешности что-то менялось, то отнюдь не в ту сторону, в какую было нужно. Именно поэтому женщине, родившей меня, нужно было убрать меня с глаз долой, чтобы отцу не с кем было сравнивать любимую Линулинку-золотулинку. А ведь даже муж мне всё время повторял, что по нам с Линкой не скажешь, что мы родные сёстры. Другие люди тоже это говорили, но я тогда не сильно об этом задумывалась, так как не всегда родные братья и сёстры похожи между собой. Но сейчас, анализируя все эти факты, я понимаю, что разгадка была на поверхности, но никому не хватало духу её озвучить. Ведь ни Линка, ни трое её детей вообще не похожи на моего отца и его родню! И я не говорю о внешнем сходстве. Всё равно должно быть что-то, что она или хотя бы один из её детей должны были унаследовать от того человека, который по документам является их родственником. Вкусы, привычки, манеры! Хоть что-то! Что-то, что прояв-

ляется бессознательно! Но ничего этого нет!

Для примера приведу своего сына, который родился точной копией меня. Поскольку мужа я не любила, то была очень рада тому, что сын похож именно на меня. Но как бы сильно мне этого не хотелось, кое-что от своего отца мой сын всё-таки унаследовал. Например, чихательный синдром.

Мой муж всегда чихал по десять-пятнадцать раз подряд и требовал от меня, чтобы я все эти десять-пятнадцать раз говорила ему «Будь здоров!», и очень обижался, когда после седьмого-восьмого раза я переставала это делать, говоря, что устала повторять одно и то же.

Так вот. К сожалению, сын тоже, если начнёт чихать, то не остановится, пока не чихнёт десять-пятнадцать раз. Генетика! Куда деваться!

А с возрастом в чертах лица сына я стала замечать черты лица мужа. Даже дочь это заметила, заявляя, что брат стал больше походить на папу.

А как могло быть иначе? Это естественный процесс! Впрочем, и для Лины тоже, которая тоже стала меняться. С годами она стала более широколицей, а её спина и плечи тоже стали более широкими, притом что, повторяюсь, у нас в роду, ни у отца, ни у матери, подобного нет. У нас все достаточно стройные, с узкими плечами, даже мужчины, в основном все худощавые, а если кто-то и набирает лишний вес, то увеличиваются грудь и бёдра. Иногда живот, но не спина и лицо. Но в то же время, если предположить, что Линулинка

с возрастом стала больше похожа на своего биологического, а не на официального отца, то всё становится очевидным.

Все эти рассуждения и логические выводы слишком хорошо складывались, принося мне невероятное моральное облегчение, так как не просто снимали с меня всю вину за ненависть ко мне матери, но и означали, что от меня ничего не зависело. Я просто оказалась в неудачной ситуации, стала жертвой обстоятельств, эгоизма женщины, родившей меня, и её попыток обезопасить себя, одновременно дав надёжное убежище её ребёнку, рождённому от любовника, – живому доказательству её греха. Собственно, одного осознания этого мне было достаточно, чтобы продолжать жить дальше, не испытывая более страданий. Я не собиралась никому постороннему сообщать это, так как до сих пор боюсь причинить боль другому человеку, каким бы плохим он не был. Я бы сохранила эту тайну, так как не привыкла добивать поверженного врага. Но женщина, родившая меня, настолько привыкла вымещать на мне все свои беды и обиды, что просто не могла смириться с тем, что всего лишь один раз я не позволила ей обмануть себя.

Выждав несколько месяцев и так и не получив никакого ответа от матери и сестры по поводу покупки моей доли, я выставила свою недвижимость на продажу, и очень быстро нашёлся предприимчивый молодой человек, готовый выкупить её у меня. Вместе с напарником они как раз специали-

зируются на выкупе долей квартир, собственники которых не могут договориться между собой. Конечно, мне пришлось пойти на некоторые уступки, но зато парень готов был быстро выйти на сделку и заплатить наличными. И поскольку выбора у меня всё равно не было, так как жить на что-то надо, а мои родственники не только не собирались выкупать мою долю, но и отказывались пускать меня на жилплощадь, находящуюся у меня в собственности, что я согласилась.

Пришлось снова направить заказные письма матери и сестре, в этот раз через нотариуса, после чего я смогла продать свою долю. И тут началась новая часть марлезонского балета, потому что мать и сестра решили объявить меня сумасшедшей и признать все мои сделки недействительными, включая факт принятия мной наследства!

Во как! Только интересно, как, в таком случае, мать собирается предъявлять ко мне требования об алиментах? Ведь, будучи недееспособной, я сама буду в них нуждаться! И, кроме того, недееспособного гражданина нельзя лишить наследства. Он имеет право на обязательную долю даже при наличии завещания, в котором он не упомянут. Так чего же они на самом деле добиваются? Хотят отменить мою сделку по продаже доли или попытаться взыскать с меня алименты? Какие-то противоположные желания!

Иногда я думаю: эти две женщины действительно в своём уме? Что-то я уже в этом сомневаюсь. Ведь признание гражданина сумасшедшим – крайне сложная процедура. А

даже если им и удастся инициировать проведение для меня психиатрической экспертизы, что ж, я готова пообщаться с психиатром и даже с целой комиссией эскулапов, после общения с которыми я с чистой совестью смогу привлечь мать и сестру к ответственности за клевету.

В общем, война продолжается. Только теперь я тоже готова идти в бой и рассказать всему миру о своей горькой жизни, полной страданий и унижений, и грязных тайнах матери. К чему мне её щадить, если она не щадит меня?

Эта женщина и в самом деле оказалась ночной кукушкой, которая без стыда и совести пыталась сжить меня со свету, не только причиняя боль и страдания, но и постоянно позоря мою репутацию. Она лишила меня не только отца, но и всей родни, настраивая их против меня, а мне – запрещая общаться с ними, говоря, что я никому не нужна и все давно обо мне забыли и ничего не хотят обо мне слышать. И мы все дружно плясали под её дудку, не подозревая, что под маской обычной женщины, скромной жены и домохозяйки, скрывается самый настоящий монстр и манипулятор, который ради сохранения своей грязной тайны хладнокровно готов принести в жертву членов своей семьи. И мне очень обидно, что именно я стала главной жертвой этого монстра. И единственное, что меня сейчас утешает, так эта мысль о том, что наконец-то я знаю правду. Наконец-то я перестала искать причину этих бед в себе, каждый день задавая себе один и тот же вопрос: «Что я сделала не так?». Я всё делала так. Нигде не

ошиблась и нигде не оступилась. Моя жизнь и моя репутация безупречны. И моя беда состоит лишь в том, что я стала жертвой деспотичной и лживой матери, никогда и никого не любившей, кроме себя, и всю жизнь мстившей этому миру за то, что он каждый день не осыпал её розами и бриллиантами за её исключительность.

Да, она действительно исключительна. Исключительно плохая мать и лживая жена, которая заставила мужа и дочь платить за свой грех. И я пишу эти строки, потому что не могу больше молчать. Не могу покрывать чужой грех. Я должна раскрыть миру правду об этой женщине, из-за которой моя жизнь превратилась в ад, и которая мечтает нажиться даже на моей смерти. Но этого не будет. Я постаралась. И если ей всё же хватит наглости пойти в суд и потребовать от меня хоть копейку, я расскажу всему миру о её злодеяниях! Приглашу на судебный процесс представителей самого скандального ток-шоу (они обожают копаться в таком грязном белье!), опозорю эту женщину перед всем миром и потребую завести на неё уголовное дело за клевету. Мне терять нечего. Она не получит ничего, кроме заслуженного позора, ведь у меня есть доказательства её злодеяний, а у неё нет ничего, кроме лживых обвинений и крокодильих слёз.

Но пока у этой женщины ещё есть шанс мирно дожить свою жизнь в тени былых грехов, но в стороне от софитов и гнева толпы. В моей книге она сохраняет инкогнито, как и я. Но если её ненависть ко мне и алчность окончательно за-

туманят ей мозг и она захочет вынести наши семейные тайны на публику, я готова ответить. Готова честно рассказать всему миру о себе, не прикрываясь благозвучным псевдонимом, позволяющим мне свободно высказывать свои мысли.

Ждать осталось недолго.